

ПРИСТАНИЩЕ НОЛЬ

— ПЕРВАЯ КРУТКА —

АРОН РОДОВИЧ

Арон Родович
Пристанище Ноль.
Первая крутка
Серия «Моё пристанище 0», книга 1

*<https://litres.ru/74126688>
SelfPub; 2026*

Аннотация

— Поздравляю, хозяин! Тебе доступна система: задания, трофеи, капсулы, шанс, удача, унижение, зависимость. Очень культурная штука.

— Я час назад вскрывал голубя. Теперь вокруг горит город, на меня охотится владыка демонов, а ты выблевал мне под ноги золотой шар.

— Технически — выдал.

— И что мне с ним делать?

— Крутить! Из золотых выпадает всякое от ранга А и выше. Правда, она светится для всех, кто умеет смотреть, так что советую крутить где-нибудь подальше отсюда. И побыстрее.

— А если я откажусь?

— Тогда вторая новость. Видишь чёрный шар? Это кредит. Отказ невозможен, взыскание неотвратимо, а взыскатель ну, ты постепенно привыкнешь к слову «неотвратимо». Оно тут вместо «здравствуйте».

— Млякс. Скажи честно. У меня есть шансы?

— Конечно, хозяин! Шанс есть всегда. Так и на витрине написано.

[Первый пользователь Земли обнаружен.]

[Добро пожаловать в Демонические Игры.]

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	41
Глава 4	58
Глава 5	74
Глава 6	91
Глава 7	108
Глава 8	121
Глава 9	136
Глава 10	150
Глава 11	164
Глава 12	178
Глава 13	191
Глава 14	205
Конец ознакомительного фрагмента.	221

Арон Родович

Пристанище Ноль.

Первая крутка

Глава 1

— Ну что, курлык-курлык? Пора посмотреть, что у тебя внутри.

Голубь лежал на металлическом подносе, зафиксированный ремнями, с прижатыми крыльями и круглыми глазами существа, которое уже всё поняло, но ещё надеялось на процессуальную ошибку.

Я поднял скальпель.

Слева в стеклянной клетке сидела жаба — большая, бурая, с мокрой кожей и бумажной наклейкой «Федя» на стенке. Федя смотрел на меня так, будто лично разочаровался в человечестве.

— Ничего, Федя, — сказал я. — Ты следующий.

И тут меня всосало.

Воздух за спиной схлопнулся, халат дёрнуло назад, пятки поехали по полу, колено ударилось о край стола, и скальпель улетел куда-то вправо. Голубь дёрнул головой. Я успел подумать, что курлык-курлык только что получил отсрочку по

божественному вмешательству.

— Фееедеяаяяя дождись меня... Я тебя обязательно вскрою!

Потом лаборатория исчезла.

Меня протащило через белую муть, вывернуло, швырнуло и сжало так, что рёбра клацнули, а язык прикусился сам собой. Рот наполнился кровью. Это хотя бы было понятно: кровь означала, что тело всё ещё при мне.

Через секунду меня выплюнуло, и я шмякнулся задницей обо что-то живое. Поверхность подо мной была горячей и плотной, и мышца под ней напряглась так резко, что я едва не съехал вбок.

Я закрыл глаза. Организм иногда умнее головы: пока голова составляет гипотезу, он уже говорит — не смотри, Артём, там хрень.

Я открыл глаза и сразу захотел закрыть их обратно.

Передо мной стояла армия демонов. Строй щетинился копьями, рогами, хвостами и панцирями, над шеренгами торпачились крылья, из-под шлемов торчали клыки, лишние руки, глаза и пасти. При виде таких существ любому нормальному биологу полагалось заплакать, сесть за статью или пойти искать автора этой анатомической катастрофы, чтобы отбить его учебником по эмбриологии.

Я помолчал. Демоны тоже молчали.

— Так, — сказал я вслух. — Пробирки сегодня не бил. Ничего не нюхал. Жаб не облизывал.

Я покосился в сторону лаборатории, которой здесь уже не было.

Хотя стоп.

Федя.

Сонорская жаба, образец Ж-22, мерзкий характер, кожные железы с таким химическим набором, что один неосторожный лаборант потом два часа разговаривал с раковиной и называл её мамой.

— Если кто-то выпускал Федю и он тёрся об мою кружку с кофе, — сказал я, глядя на армию демонов, — у меня будут вопросы к санитарному журналу.

Сзади прогремело:

— Ты кто на хрен такой?

Голос звучал так, будто заговорила печь с генеральскими погонями, и поверхность подо мной дрогнула в такт словам.

Я опустил взгляд. Я сидел на огромном красном колене — горячем, с трещинами в коже, сквозь которые пробивался тусклый оранжевый свет. Жар шёл через халат и штаны, как от батареи, на которую я сел не глядя.

— Ты кто на хрен такой, я спрашиваю, — повторил голос. — И что ты делаешь на моей базе?

Я медленно повернулся. Передо мной сидело красное нечто метра три с половиной ростом, с шестью руками, четырьмя рогами, хвостом с костяным крюком и панцирными пластинами на груди. Морда у него была размером с дверь, глаза шли в два ряда, и ещё один маленький глаз сидел почти

у самого уха.

Я завис именно на нём. Этот глаз выглядел оскорбительно лишним: с таким углом обзора он мог разглядывать разве что собственную мочку и немного стыд хозяина.

— А ты кто на хрен такой? — спросил я. — И где я на хрен?

Тишина стала гуще. Первый ряд демонов перестал дышать, или то, что они делали вместо дыхания, временно приостановилось.

Красное нечто наклонилось ко мне, и в лицо дохнуло горячим, с привкусом гари и старого мяса.

— Я Вельфей, владыка Седьмого Предела. Главный стратег армии демонов. Хозяин врат. Разоритель городов. Пожиратель народов.

— Артём Ильин. Химеролог. Трижды доктор наук, хотя одна комиссия это до сих пор оспаривает, потому что у них слабые нервы и нет уважения к перспективным исследованиям.

Вельфей моргнул, причём не всеми глазами сразу: маленький, возле уха, отстал.

Я скривился.

— У тебя синхронизация глаз хромает.

— Что?

— Глаз возле уха. Он моргает позже остальных. Это врождённое или после травмы?

Вельфей медленно открыл пасть. За первой челюстью рас-

крылась вторая — узкая, мокрая, с мелкими зубами, которые двигались сами по себе.

— О, — сказал я. — Вот это интереснее. Можешь чуть наклониться? Хочу разглядеть вторую челюсть. Уж очень интересно, нахрена она тебе там внутри.

Кто-то в первом ряду демонов очень тихо хрюкнул.

Вельфей повернул голову на звук. Первый ряд мгновенно превратился в образец воинской дисциплины, без единого хрюка и признака жизни в глазах. Очень профессионально.

— Я тебя сожру, — сказал Вельфей.

— Сначала наклонись. С твоего колена до пасти метра два, я отсюда ничего не разгляжу.

Он поднялся, и колено подо мной пошло вверх. Я съехал с него, зацепился халатом за костяной выступ, дёрнулся, оторвался и упал на чёрный пол. Пол оказался гладким, тёплым и неприятно упругим, и больше ничего про него знать не хотелось.

Вельфей шагнул ко мне, и тут под моими ногами вспыхнул белый круг.

Владыка остановился. Существо, которое собиралось меня съесть, вдруг перестало злиться и уставилось на пол с выражением «кто открыл не тот шлюз», и я понял, что ситуация ухудшилась.

— Кто запустил обратный захват?

Он спросил это почти шёпотом, и первые ряды подались назад. Шёпот у трёхметровой туши пугал сильнее любого рё-

ва.

— Закрыць! — Голос ударил по ушам так, что зазвенело в черепе. — Немедленно закрыть!

Было поздно. Меня дёрнуло вниз, и я схватился за первое, что попало. Попался хвост — серый, тонкий, с костяным крючком на конце.

Хвост заверещал:

— А-А-А! ОТПУСТИ! ЭТО СЛУЖЕБНЫЙ ХВОСТ!

— А мне за что держаться?!

— За собственную ничтожную жизнь!

— Неудобно!

Белый круг разорвал пол. Вельфей бросился ко мне, шесть рук пошли вперёд, внутренняя челюсть раскрылась до конца, и теперь я уже совсем расхотел её изучать. Наука, конечно, важна, но некоторые научные вопросы лучше оставить будущим поколениям.

— Вернись, человек!

— Сам иди на хрен!

— Я тоже против! — орал хвост. — Я вообще не участвую! Я младший распределитель! У меня смена через сорок минут заканчивается!

Мир вывернуло, и я заорал единственное слово, которое честно описывало происходящее:

— МЛЯ-А-А-А!

Меня протащило обратно через белую муть. В этот раз я не закрывал глаза, хотя разобрать всё равно ничего не полу-

чалось: свет, тени, куски красного зала, рога, чей-то вопль, мой халат и серый хвост в кулаке мешались в одну кашу.

Хвост дёргался в кулаке, как шланг под давлением, и костяной крючок раз за разом царапал мне запястье.

— Отпусти-и-и!

— Замолчи-и-и! — Нас перевернуло, и я сжал пальцы до боли в суставах.

— Ты нарушаешь регламент!

— Я вообще сегодня голубя вскрывал!

— Зачем?!

— Для науки!

— Какая мерзость!

Потом нас выплюнуло, и я упал на спину. Удар выбил воздух из лёгких, затылок стукнулся обо что-то твёрдое, перед глазами вспыхнули белые пятна. Хвост вырвался из руки, что-то серое пролетело над головой, ударилось в стену и свалилось рядом с тонким писком.

Несколько секунд я лежал и пытался вдохнуть. Получилось с третьей попытки. Воздух был горячим, в нём висела пыль, где-то выли сирены, где-то кричали люди, и совсем близко что-то горело — кожу на лице лизнуло сухим жаром.

Я повернул голову. Лаборатории больше не было. Точнее, она была, но в состоянии, после которого даже самый упёртый завхоз сказал бы «списать»: потолок проломлен, стену у окна вырвало наружу, пол пошёл трещинами, столы валялись перевёрнутыми, клетки раскидало по углам. На месте

моего рабочего стола зияла чёрная воронка.

За выбитой стеной горел город. Сирены резали ночной воздух. Над соседним корпусом висел красный разлом, и из него падали твари. Демоны добрались до Земли.

— Так, — прохрипел я. — Хорошо. Значит, галлюцинация коллективная.

Рядом зашуршало. Серая мелочь поднялась на четыре конечности. Выяснить, лапы это или руки, я не стал. Тварь была размером с крупного кота, с обломанным рогом, ушами летучей мыши и хвостом, за который я только что тащил её через неизвестно что.

Она отряхнулась, как мокрая собака, и уставилась на меня жёлтыми глазами.

— Ты испортил мне жизнь.

— Взаимно.

— Я был младшим распределителем при Седьмом Пределе.

— Поздравляю.

— У меня была стабильная должность.

— Сочувствую.

— У меня был стол.

— Уже трагедия.

— И хвост без растяжения!

— Вот за хвост извини.

Она открыла пасть, чтобы ответить, но в этот момент из белой воронки рядом с нами выпала ещё одна тварь, куда

крупнее первой.

Демон рухнул на бок, проломил остатки стола, перевернулся, ударился рогатой башкой о шкаф и остался лежать — метра два с половиной в длину, с чёрной кожей, когтистыми передними лапами и пастью, похожей на капкан. Задняя нога у него была вывернута под неправильным углом и явно сломана. Сломанная нога — это всегда приятно, если она чужая.

Демон застонал и открыл глаза.

Серый мелкий подскочил на месте.

— Бей!

— Что?

— Бей! Бей! Бей! По голове! По голове бей!

— Зачем?

— Чтобы он не встал!

— Логично, но хотелось бы больше деталей.

— Какие детали, хозяин?! — Он вцепился когтями мне в штанину и задёргал её. — Он сейчас встанет и сожрёт тебя!

— Почему хозяин?

— Потому что я привязался!

— К чему?

— К тебе!

— Почему?

— Потому что ты держался за мой хвост в обратном захвате! Не спрашивай глупостей, хозяин, бей по голове!

Чёрный демон дёрнулся. Пол под ним хрустнул, когти за-

скребли по плитке. Он попытался подняться, но сломанная нога подломилась, и тварь завалилась обратно, ударившись мордой о пол.

— Видишь?! — орал мелкий. — Пока тупит! Бей!

— Чем?

— Вон стул!

— Это лабораторный табурет.

— Ему всё равно! Он демон!

Я схватил табурет — металлический, тяжёлый, с круглым сиденьем и погнутой ножкой. Ладони вспотели, металл поехал в пальцах, и пришлось перехватить. Хороший табурет, рабочий. За такие в институте дрались, потому что нормальная мебель там исчезала быстрее грантов.

Демон снова попытался подняться.

— По шее! — завизжал мелкий. — Шею бей! У них там мягко!

— Откуда ты знаешь?

— Я демон!

— А почему ты мне помогаешь?

— Потому что если он тебя сожрёт, я исчезну!

— Почему ты исчезнешь?

— Потому что я привязался! Я уже говорил! У тебя что, память как у слизня?!

— Слизни, между прочим, обучаемы.

— Бей!

Я ударил. Табурет врезался демону в шею, отдача прошла

до локтей, а звук вышел неприятный — глухой, мясной, с хрустом внутри. Тварь дёрнулась, повернула голову ко мне и раскрыла пасть. Зубов там было больше, чем нужно.

— Ещё! — орал мелкий. — Ещё бей! Не разговаривай с ним! Он не ценит диалог!

Я ударил второй раз, потом третий. На четвёртом табурет погнулся окончательно, но шея демона тоже сдалась: голова дёрнулась вбок, пасть клацнула, когти царапнули плитку и затихли. Демон перестал двигаться.

Я стоял над ним с табуретом в руках, дышал через рот и смотрел на мёртвую тварь. Шею я ей свернул чисто, поперёк, одним углом сиденья — и мозг, паскуда, машинально отметил, что для человека, резавшего до сегодня только фиксированных голубей, работа вышла подозрительно уверенная. Руки тряслись мелко и противно, как после десятой чашки кофе. Несколько минут назад я собирался вскрывать голубя. Теперь я забил демона лабораторным табуретом. Научная карьера иногда делает странные повороты.

— Отлично, хозяин, — сказал мелкий. — Первый пошёл.

— Не называй меня хозяином.

— Хорошо, хозяин.

— И что теперь?

— Теперь ешь.

Я повернул голову.

— Что?

— Ешь демона. — Он кивнул на тушу с таким видом, буд-

то объяснял очевидное.

— Я не ем демонов.

Мелкий замер, потом медленно моргнул.

— Как это ты не ешь демонов?

— Ртом. Не ем.

— А зачем тогда убил?

— Потому что он собирался меня сожрать.

— Ну да. И ты его. Нормальный обмен.

— Нет.

— Совсем?

— Совсем.

Он перевёл взгляд с мёртвого демона на меня и обратно.

— Станный ты человек.

— Сказал серый хвостатый гад, который предлагает мне есть труп.

— Это не труп. Это ресурс.

— Нет.

— Материал?

— Нет.

— Трофей?

Я замолчал. Мелкий прищурился.

— О, вот это слово тебе понравилось.

— Не понравилось.

— Понравилось.

— Как тебя вообще зовут?

— У меня нет имени, доступного человеческому произ-

ношению.

— Удобно.

— Но после привязки хозяин может назначить короткое имя.

— Я не буду тебе ничего назначать.

— Уже назначил.

— Когда?

— В переходе.

— Я ничего не назначал.

— Ты орал «мля».

— Это было не имя.

— Теперь имя.

Я посмотрел на него. Он смотрел на меня с такой наглой уверенностью, что мне захотелось снова взять табурет.

— Мля — это не имя.

— Тогда полная форма: Млякс. — Он выпрямился и задрал обломанный рог, будто представлялся на дипломатическом приёме.

— Я тебя сейчас обратно в портал засуну.

— Портал закрылся, хозяин.

— Не называй меня хозяином.

— Да, хозяин.

Хвост у него качнулся с такой безмятежностью, что спорить расхотелось. Я закрыл глаза, сделал вдох и выдох. Снаружи снова рвануло, стена дрогнула, с потолка посыпалась пыль. В коридоре кричала женщина, затем простучала авто-

матная очередь и оборвалась коротким визгом, уже не человеческим.

Я открыл глаза.

— Что происходит?

Млякс прислушался. Уши дёрнулись, хвост поднялся.

— Прорыв.

— Какой прорыв?

— Демонический. Массовый. Через ваш мир открыли ворота.

— Через мой мир?

— Да.

— То есть это не только здесь?

— Нет.

— Где ещё?

— Много где.

— Насколько много?

— Хозяин, ты любишь плохие новости сразу или порционно?

Я посмотрел на выбитую стену. За ней горел город, а в небе висели ещё два красных разлома. Из ближнего падали крылатые твари. Дальний висел над центром, и вокруг него вспыхивали огни. С такого расстояния я не мог разобрать, работает там ПВО или начинается конец света, но радости не добавлял ни один вариант.

— Порционно, — сказал я.

— Тогда первая порция. — Он загнул коготь на лапе. —

Твой мир атакуют.

— Вторая?

— Ты привязан ко мне.

— Третья?

Млякс открыл пасть, и его вырвало прямо на пол. Звук был такой, будто маленький демон пытается вывернуть через рот собственную биографию. Он согнулся, закашлялся, хвост задрался, крылья затряслись, и из пасти вывалился золотой шарик — идеально круглый, с тонкими светящимися швами. Шарик прокатился по плитке и остановился у моего ботинка.

Я посмотрел на шарик, потом на Млякса.

— Это что?

Млякс вытер пасть тыльной стороной ладони и просиял.

— О-о-о, хозяин.

— Что «о-о-о»?

— Первая крутка.

— Что значит «крутка»?

— У нас, у демонов, есть такая система. Задания, трофеи, капсулы, награды, шанс, удача, унижение, зависимость. Очень культурная штука.

— Ты это выbleвал.

— Технически — выдал.

— Ты выbleвал мне золотой шар.

— Золотую капсулу, хозяин.

— И что это значит?

Он обошёл шарик по дуге, не приближаясь, будто тот мог укусить.

— Капсулы бывают серые, синие, фиолетовые и золотые. Серые я выдавал по десять штук за смену. Синие уходили начальству. Фиолетовую я держал в руках один раз, в перчатках и под протокол.

— А золотые?

Он сглотнул, и жёлтые глаза стали круглее.

— Золотую я видел издалека. Её несли шестеро, и все шестеро боялись.

— И что внутри?

— Никто не знает, пока не вскрыет. Из золотых выпадает всякое от ранга А и выше, и лично я предлагаю вскрывать её где-нибудь подальше отсюда.

Перед глазами вспыхнула надпись — прямо в зрении, миная стены, шар и всякую физику.

[Первый пользователь Земли обнаружен.][Добро пожаловать в Демонические Игры.][Доступен первый приз.][Золотая капсула.]

Я стоял с погнутым табуретом в руке, в белом лабораторном халате, рядом с мёртвым демоном, серым Мляксом и золотым шариком у ботинка. Снаружи горел город, с неба падали твари, а голубь, если выжил, где-то там радовался, что мой скальпель улетел куда-то вправо.

Я перевёл взгляд с надписи на Млякса и обратно.

— Какого хрена?

Глава 2

— Не трогай её руками!

— Ты сам её выблевал мне под ноги.

— Это была официальная выдача!

— Официальная выдача не пахнет желудочным соком.

— Всё пахнет желудочным соком, если достаточно долго ждать! — Млякс встал между мной и капсулой, растопырив лапы, как вратарь, который заранее знает, что пропустит. — Золотые капсулы вскрывают в подготовленном помещении! С протоколом! С ответственным демоном не ниже среднего звена!

— Здесь есть ответственный демон не ниже среднего звена?

— Нет!

— Тогда предлагаю считать помещение подготовленным.

Я потянулся к шарикю, и тут в коридоре что-то упало. Не так, как падает шкаф. Так, как падает шкаф, если его уронили специально, чтобы посмотреть, что внутри.

Млякс развернул уши в сторону двери. Уши у него работали независимо друг от друга, как две спутниковые тарелки, и сейчас обе смотрели туда, откуда донеслось тихое, мокрое сопение.

— Падальщики, — прошептал он. — Идут на пепел. Свежий пепел пахнет на километр.

— Какой пепел?

— Вон тот. — Он ткнул когтем в мёртвого демона, которого я забил табуретом. Туша уже не была тушей: она оседала, как костёр под утро, и по краям крошилась в серую пыль. — Мёртвый демон осыпается пеплом. Пепел — валюта. А ты его даже не собрал, транжира.

— Как я должен был его собрать? Веником?

— Рукой! Просто протяни руку!

Я протянул руку к серой осыпи. Пыль дрогнула, снялась с пола, как стая мошек, и втянулась мне в ладонь. Ощущение было, будто ладонью выпил тёплой газировки.

[Получено: пепел — 14.]

Цифра повисела в углу зрения и погасла.

— Четырнадцать, — сказал я. — Это много или мало?

— Это стыдно. Но для человека с табуреткой — приемлемо.

Сопение в коридоре стало ближе, и к нему добавилось второе. Потом третье. Я взял капсулу — Млякс зажмурился всем телом, — сунул её в карман халата и поднял погнутой табурет. Капсула оттягивала карман, как хороший грейпфрут.

— Не вскрыл, — заметил Млякс, открыв один глаз. — Почему?

— Ты только что орал, что нельзя.

— Мало ли что я орал. Я думал, ты вскроешь, и хотел посмотреть, что будет.

— С безопасного расстояния?

— Разумеется, с безопасного. Я же не идиот.

Дверной проём заслонила голова. Падальщик оказался тварью размером с телёнка, лысой, серо-розовой, с висячей кожей и мордой, будто кто-то начал лепить гиену, отвлёкся и не вернулся. Он увидел нас, разинул пасть и заорал — высоко, обиженно, как чайка, у которой отняли шаурму.

— План? — спросил я.

— Беги!

— Это не план, это рефлекс.

Падальщик прыгнул. Я шагнул в сторону, и дальше произошло то, что в отчёте я записал бы как «несчастный случай на производстве»: тварь приземлилась всеми четырьмя лапами на разлитый у санпоста дезраствор, поехала, как корова на льду, отчаянно засеменила, набирая скорость вместо торможения, и с разгону впечаталась башкой в стальной дверной косяк. Хрустнуло. Падальщик сложился и затих.

[Убит: демон-падальщик, ранг F.]

Я посмотрел на труп. Потом на свои руки. Табурет я даже не поднял.

— Блестящая техника, хозяин, — с уважением сказал Млякс.

— Я ничего не сделал.

— Лучшие бойцы Предела говорят точно так же.

— Он сам упал.

— Экономия усилий — признак мастера. Пепел собери,

мастер.

Я собрал. [Получено: пепел — 9.] Второй падальщик уже лез в дверь, а за ним в коридоре скрёбся третий — судя по звуку, он по дороге жрал огнетушитель, и огнетушитель сопротивлялся.

Второго я встретил у порога. Он был умнее первого — обошёл лужу, — но глупее, чем требовалось: когда я швырнул ему в морду подвернувшийся под руку лоток с чашками Петри, он встал на задние лапы, чтобы отмахнуться, и открыл живот. Бить демона табуретом в живот я не стал. Я пнул стоящую рядом стойку капельницы, стойка въехала ему между задних лап, тварь взвыла, потеряла равновесие, рухнула спиной на лабораторный стол, и стол сложился вместе с ней. Из-под обломков высунулась лапа, поскребла пол и замерла.

[Убит: демон-падальщик, ранг F.]

— Ты видел? — спросил я. — Он сам.

— Конечно, сам. Все они у тебя сами. У тебя талант, хозяин: ты не убиваешь демонов, ты создаёшь условия, в которых демоны принимают неверные решения.

— Это лучшее определение научного руководства, которое я слышал.

Третий падальщик в коридоре доел огнетушитель, разочаровался и ушёл искать что-то менее порошковое. Я собрал пепел со второго. [Получено: пепел — 11.] Итого тридцать четыре. Я поймал себя на том, что запомнил цифру без уси-

лия, как когда-то запоминал размер гранта. Плохой признак.

— Млякс.

— Да, хозяин.

— Что можно сделать с тридцатью четырьмя пеплами?

Уши у него медленно развернулись ко мне. В жёлтых глазах зажглось что-то профессиональное.

— О-о-о.

— Что «о-о-о»?

— Ничего. Просто «о-о-о». За десять пепла я могу выдать серую капсулу. Прямо сейчас. Без очереди. Только для первого пользователя — специальные условия.

— Ты говоришь как ларёк с шаурмой у общежития.

— Не знаю, что это, но звучит как уважаемое заведение.

Крутить будешь?

Я посмотрел на дверь. Сирены снаружи выли уже вразнобой, где-то далеко ухало, пол мелко дрожал. По уму надо было уходить — искать людей, военных, подвал, любую организованную структуру. По уму.

— Одну.

— Он сказал «одну», — сообщил Млякс потолку. — Они все сначала говорят «одну».

Его скрутило, хвост встал дугой, крылья затряслись, и на пол шлёпнулся серый шарик — маленький, матовый, размером со сливу. Я поднял. Шов на шарике засветился, капсула развалилась пополам, и мне в ладонь легла ложка. Столовая. Алюминиевая. С заусенцем на черенке.

[Получено: Ложка столовая, 1 шт.]

— Это ложка, — сказал я.

— Поздравляю, хозяин.

— Это. Ложка.

— Инвентарь. Начало любой империи.

— Десять пепла. За ложку.

— За ложку и опыт. Опыт бесценен.

Я молчал секунды три. Где-то в глубине черепа, в отделе, который отвечал у меня за «ну вдруг», уже тикало.

— Ещё одну.

— Двадцать четыре минус десять — четырнадцать, — мгновенно посчитал Млякс, и его скрутило снова.

Вторая серая раскрылась в носок. Шерстяной, серый, добротный. Один.

[Получено: Носок шерстяной, 1 шт. (левый).]

— Левый, — сказал я.

— Система считает, что правый надо заслужить.

— Система считает.

— Система вообще много думает о тебе, хозяин. Ты первый пользователь. Тебе положен стартовый пакет удачи.

— Ложка и левый носок.

— Я не говорил, что пакет большой.

И вот тут — на слове «большой» — здание вздрогнуло. Не как от взрыва снаружи. Как от шага внутри. Пыль посыпалась с потолка ровными струйками, и по коридору, издали, прокатился звук, от которого оба уха Млякса прижались к

черепу, а хвост обвил мою щиколотку без всякого разрешения.

Низкий, длинный скрежет. Как будто кто-то очень большой вёл когтем по стенам, чтобы не потерять направление.

— Что это? — спросил я шёпотом.

— Охотник, — прошептал Млякс. — Ранг С. Может, В. Идёт на золото.

— На какое золото?

— На то, которое у тебя в кармане, гений. Золотая капсула светится для всех, кто умеет смотреть. Ты таскаешь в халате маяк.

— И когда ты собирался мне это сказать?

— Я надеялся, ты вскроешь её раньше, чем кто-нибудь придёт!

— А ты говорил не вскрывать!

— Я говорил не вскрывать руками!

Скрежет приблизился. В дальнем конце коридора лопнуло стекло — спокойно так, обстоятельно, как лопается стекло, когда в него не торопясь входят плечом. Мы побежали в другую сторону.

Другая сторона закончилась виварием. Я влетел в знакомую дверь, Млякс вкатился следом, и я задвинул засов, прекрасно понимая цену этому засову. Виварий выглядел как после обыска: клетки открыты, поилки перевёрнуты, по полу рассыпан корм. Обитатели разбежались — кто смог. Аквариум Феде стоял пустой, с отодвинутой крышкой, и наклей-

ка «Федя» смотрела на меня с немым укором.

— Федя эвакуировался, — сказал я. — Единственный в этом институте, кто действовал по инструкции.

Дверь дрогнула. Потом ещё раз — уже с той стороны в неё не стучали, её пробовали на прочность. По железу побежала вмятина, похожая на след кулака, если кулак размером с арбуз.

Млякс вскарабкался мне на плечо, вцепился всеми когтями и заорал в ухо:

— Вскрывай!

— Ты говорил — в подготовленном помещении!

— Помещение подходит!

— Ты говорил — подальше от людей!

— Ты видишь здесь людей?! Я вижу одного покойника и одного демона в предпенсионном возрасте!

Я вытащил капсулу. Она лежала в ладони тёплая, тяжёлая, и светящиеся швы на ней медленно пульсировали — в такт ударам в дверь, что было уже совсем неприличной драматургией.

[Вскрыть золотую капсулу?][Да / Нет.]

— Как отвечать?

— Головой!

— В смысле — кивнуть?

— В смысле — подумать! Хотя от тебя, наверное, и кивок сойдёт!

Дверь выгнулась внутрь. Засов вылетел из гнезда, звяк-

нул о клетку, и в щель просунулась рука. Я успел разглядеть её отлично, во всех деталях, потому что мозг услужливо замедлил время: чёрная, лоснящаяся, с двойным локтем и четырьмя пальцами, на каждом — коготь длиной с мой скальпель. Красивое сочленение. Инженерно безупречное. Кто бы их ни собирал, руки у него росли откуда надо — угол сгиба чистый, хитин лёг внахлёст, как чешуя, без единого шва. За такое сочленение на кафедре дали бы грант.

«Да», — подумал я.

Мир стал белым.

На этот раз меня не тащило и не выворачивало. Наоборот: всё вокруг втянулось в точку, где стоял я, — воздух, пыль, крик охотника за дверью, кусок пола под ногами. Последним, уже на границе белого, система деловито сообщила:

[Совместный перенос: до 5 кг.][Выбрано автоматически: фрагмент демона-падальщика, 5,0 кг.]

— Кто выбирал?! — заорал я в белое.

— Система заботится о новичках! — заорал Млякс с плеча. — Стартовый паёк!

— Я не буду есть падальщика!

— Все так говорят в первый день!

Белое схлопнулось.

Тишина ударила по ушам сильнее любого рёва. Я стоял на каменном полу, и пол не дрожал. Не выли сирены. Не пахло гарью — пахло сыростью, старым пеплом и, слабо, серой, как в кабинете химии после шестого урока.

Зал был большой и пустой. Стены уходили вверх и смыкались рёбрами, как свод очень готического подвала или грудная клетка кого-то, в ком я не хотел находиться. С рёбер свисали потухшие светильники, горел только каждый пятый — тускло, рыжим. В дальнем конце зала стоял терминал: чёрная стела в человеческий рост, с костяной окантовкой, парой рогов для эстетики и — я не сразу поверил — рычагом сбоку. Блестящим. Отполированным. Такой рычаг я видел в детстве у игровых автоматов в фойе кинотеатра, и уже тогда он не приводил ни к чему хорошему.

Рядом с моим ботинком шлёпнулся кусок падальщика. Ровно пять килограммов, отрезано чисто, как в мясном отделе.

[Пристанище обнаружено.][Класс: заброшенное.][Предыдущий владелец: отсутствует (съеден).][Регистрация нового владельца: Артём Ильин, первый пользователь Земли.][Добро пожаловать домой.]

— «Съеден», — прочитал я вслух. — Обнадёживает.

Млякс сполз с моего плеча на пол и не ответил. Он стоял посреди зала на задних лапах, прижав уши, и смотрел вокруг с выражением, которого я у него ещё не видел. Так смотрит лаборант, впервые попавший в хранилище эталонов.

— Это Пристанище, — сказал он тихо. — Настоящее Пристанище. Хозяин, ты понимаешь, что это?

— Подвал с игровым автоматом.

— Это межмировой объект! Их не выдают! Их не выда-

ют никому! У нас в Пределе на Пристанище очередь из владык! Вельфей своё выгрызал триста лет и получил урезанную комплектацию!

— А мне вывалилось из шарика, который ты выблевал.

Млякс сел на хвост.

— Знаешь, хозяин, я начинаю подозревать, что кто-то там, — он неопределённо повёл лапой вверх, потом вниз, потом по диагонали, — очень сильно пошутил. И я пока не понял, над кем.

— Ладно. Тот, с рукой, что ломал дверь. Он за нами сюда влезет?

Млякс фыркнул, и оба уха съехали набок.

— Сюда — нет. Пристанище межмировое, с Земли в него только через капсулу, а капсула была у тебя. Охотник остался там, где ты его бросил. И, если он не успел зацепиться, его скоро выдует обратно на Предел вместе со всей мелочью.

— Выдует куда?

— Домой. — Млякс сел на хвост и заговорил нудно, как инструктор, которому собственный текст уже снится начал. — Прорыв — не потоп, хозяин, а форточка. Разлом держит вход открытым час, ну полтора. Час выйдет — форточку захлопнет, и всех, кто не врос в ваш мир, всосёт назад. Хоть падальщика, хоть охотника, хоть меня, не пристройся я вовремя к тебе.

— А «врос» — это как?

— Смотря кто. Мелочь вроде падальщиков цепляется,

только сожрав кого-то из ваших — убил жильца, занял его место, пустил корни. Кто покрупнее и с системой — тем чище, воткнул точку привязки, как флажок в торт, и живи. Точки из капсул падают, ими торгуют, из-за них режут глотки. А кому ни жрать, ни втыкать нечем — того форточка выплюнет, и поделом.

— Система есть не у каждого?

— Ты первый пользователь на всю планету и спрашиваешь, у всех ли система. — Он поглядел почти жалостливо. — Система — лотерейный билет. Те, кто сыплется к вам с неба, по большей части безбилетники, пришли на час пожрать и сгинуть. Останутся единицы, кто успел вгрызться. А твой город вскрылся поздно, с самого краю — из последних в списке, — окно тут схлопнулось, толком не раскрывшись, закрепились совсем немногие. Оттого у тебя за оградой скоро делается пусто и тихо. Подозрительно тихо — ни орд, ни войска, вросшая мелочь по подвалам да охотник, если успел зацепиться. А в следующий раз единиц будет больше, форточка — шире, и тихо — короче. Но плакать об этом будешь потом, по расписанию.

[Доступное время пребывания: 00:30:00.][29:59. 29:58.]

— Так, — сказал я. — А это что за обратный отсчёт?

— А. Да. — Млякс прокашлялся и сделался официальным: спина прямая, уши торчком, голос как из окошка «выдача справок». — Пристанище класса «заброшенное» не приспособлено для проживания владельца. Лимит пребыва-

ния — тридцать минут. Повторный вход — через пять часов. Для снятия лимита требуется жилая постройка.

— Какая постройка?

— Дом.

Терминал, будто подслушивал — а он подслушивал, — засветился, и в воздухе над ним развернулась строка:

[Постройка: Дом (базовый)].[Способ 1: порталная крутка (шанс выпадения: есть)].[Способ 2: сборка. Требуется: древесина — 400 кг, металл — 60 кг, пепел — 500.]

— Четыреста килограммов древесины, — сказал я.

— Да.

— А переносить можно по пять.

— Да.

— Это восемьдесят ходок.

— Ты быстро считаешь, хозяин. Уважаю.

— По пять часов между входами. Это... — я посчитал и решил не произносить результат вслух, чтобы не разрушать себе психику. — Я что, бобёр с ипотекой?

— Или крути порталную, — вкрадчиво сказал Млякс. — Шанс выпадения есть. Шанс — это же прекрасно. Шанс — это лучшее, что есть в мире.

— Сколько стоит порталная крутка?

— Двести пепла.

— У меня четырнадцать.

— Значит, у тебя есть цель. Позавидуй себе: не у всех она есть.

Я подошёл к терминалу. Стела почувствовала меня шагов за пять — по костяной окантовке пробежал рыжий свет, и в воздухе раскрылось меню. Строки шли столбцом, как в дешёвой пивной: расходники, материалы, инструменты. Я листал взглядом — оказалось, меню слушается глаз, — и уже собирался отвернуться, когда столбец кончился, и после пустой строки выплыл отдельный раздел.

[Сооружения особые.]

Одна позиция.

[Лаборатория химер.][Полный комплекс для создания, сращивания и оживления составных организмов. Инкубатор. Хирургический блок. Банк тканей. Библиотека форм (частично повреждена).][Цена: 1 250 000 пепла.]

Я стоял и смотрел.

Где-то за спиной Млякс что-то говорил — про лимиты, про выброс, про то, что время идёт. Я не слышал. Я читал строку «банк тканей» четвёртый раз. Создание составных организмов. Сращивание. Оживление. Всё то, за что меня три раза не пустили в приличные журналы, один раз — в Стокгольм, и дважды — в вивариум без сопровождения. Всё, что я делал в мечтах и в двух несанкционированных экспериментах, о которых комиссия так и не узнала.

Идеальная химера. Не голубь с подрезанными нервами. Настоящая, собранная с нуля, живая.

— Хозяин. — Млякс подёргал меня за штанину. — Хозяин, у тебя лицо.

— Какое лицо?

— Как у демона перед чёрной капсулой. Это плохое лицо.

Таким лицом берут кредиты.

— Млякс. — Я не мог оторваться от строки. — Скажи мне вот что. Заброшенное пристанище. Четыреста лет никого. И в магазине из всех особых сооружений — ровно одно, и это ровно то, ради чего я жил последние двадцать лет. Какова вероятность?

— Никакова, — спокойно сказал Млякс. — Это витрина, хозяин. Терминал считывает носителя и выкладывает то, от чего у носителя лицо. Первое правило распределения: витрина всегда под клиента.

— Он читает мысли?!

— Зачем ему мысли. Мысли не платят. — Млякс зевнул.

— Он читает желания. Желания платят всегда.

Мне бы, дураку, уже тогда задуматься, что означает система, которая знает твою мечту с первого дня и вешает на неё ценник. Но я смотрел на слова «банк тканей» и думал совсем не о том, о чём следовало.

— Млякс. Сколько пепла дают за падальщика?

— Восемь. Десять, если жирный.

Я посмотрел на цифру ещё раз. Миллион двести пятьдесят тысяч. Делим на восемь. Сто пятьдесят шесть тысяч двести пятьдесят падальщиков. Или демоны покрупнее. Или порталы. Или то, о чём Млякс говорил «рейды». В голове, в отделе «ну вдруг», что-то щёлкнуло и встало на место — со

звучком рычага игрового автомата.

— Мне понадобится больше падальщиков, — сказал я.

— Вот теперь у тебя правильное лицо, — растрогался

Млякс. — Хищное. Кредитное.

[До выброса: 05:00.]

Пять минут. Полчаса утекли, как семинар по этике.

— Так, стоп. Выброс — это как? Меня вернёт туда, откуда
взяло?

Млякс сделал то, что я уже научился распознавать как
«сейчас будет мелкий шрифт»: уши разошлись в стороны,
взгляд ушёл в угол.

— Не совсем.

— Насколько не совсем?

— Выброс происходит в случайную точку в радиусе десяти
километров от входа.

— Случайную.

— Абсолютно честную! Система не подыгрывает никому,
в этом её прелесть.

— А если точка окажется в стене?

— В стену не выбросит. Система выбирает свободное про-
странство.

— Свободное пространство, — повторил я. — Млякс. Са-
мое большое свободное пространство в городе — это небо.

Млякс посмотрел на меня с искренним уважением.

— Быстро соображаешь. Обычно новички понимают это
уже в полёте.

— И часто выбрасывает в небо?

— Демонам всё равно. Мы либо летаем, либо прочные. Ты вот не летаешь... — он окинул меня оценивающим взглядом заготовителя, — и мягкий.

[До выброса: 03:00.]

— Как это отключить?

— Никак. Дом построишь — лимит снимется, выброс отменится. Потом радар купишь, он точку выхода показывает. А пока — лотерея. Всё по-честному, хозяин: ты же любишь науку, вот тебе теория вероятностей в полевых условиях.

Терминал мигнул, и над ним развернулась новая строка — почти ласковая:

[Награда первого владельца.][Выдача: фиолетовая капсула.]

Млякса согнуло без предупреждения. Он кашлял, давился, хвост ходил кругами, и наконец на пол выкатился шарик глубокого фиолетового цвета. Млякс отполз от него на всех четырёх, отдышался и сказал с чувством:

— Двенадцать лет в распределении. Фиолетовую выдавал один раз, в перчатках, под протокол, комиссия из трёх когтей. А тут — на голый пол. Тебе, хозяин, система даёт так, как приличным демонам не снилось. Так дают либо любимчикам, либо тем, кого потом дороже продать. И я, хозяин, на твоём месте не спешил бы радоваться.

Я поднял капсулу. Швы вспыхнули, половинки разошлись, и в ладонь лёг плоский костяной жетон размером с

монету. По кругу шла вязь, в центре — что-то вроде сложенного зонтика.

[Получено: Аварийный полог.][Ранг: В.][Полностью поглощает один любой урон.][Использований: 1.][Активация: сжать и пожелать не умереть.]

— «Пожелать не умереть», — прочитал я. — Интуитивно понятный интерфейс.

— Береги его, — серьёзно сказал Млякс. — Один любой урон. Любой, понимаешь? Хоть лапа владыки, хоть скала. Такие штуки спасают жизнь ровно один раз, и вся мудрость в том, чтобы угадать, который раз твой.

[До выброса: 00:10.]

— Уже?!

— Время в приятной компании летит. Присядь, хозяин, выброс лучше встречать с согнутыми коленями...

[00:03. 00:02. 00:01.]

[Выброс.]

Белая муть сожрала зал, рычаг, тусклые светильники и недочитанное меню. Меня крутануло, сжало, вытянуло — уже привычно, почти по-домашнему, я даже язык на этот раз не прикусил, и я успел подумать, что начинаю осваиваться, и это, наверное, худший признак из всех.

Потом белое разошлось.

Стало холодно. Стало ветрено. Стало очень, очень просторно.

Я висел в ночном небе. Подо мной — далеко, неприлично

далеко — лежал город: рыжие пятна пожаров, чёрные провалы кварталов, две нитки прожекторов у горизонта и красный разлом над центром, сверху похожий на воспалённый шов. Красивый вид. Обзорный. Такой обычно показывают в рекламе авиакомпаний, только без слова «падение» в голове.

Ветер ударил в лицо, халат хлопнул и завернулся на голову. Рядом, барахтаясь в воздухе и молотя своими карликовыми крыльями, орал Млякс:

— СЛУЧАЙНАЯ ТОЧКА, ХОЗЯИН! АБСОЛЮТНО ЧЕСТНАЯ!

Я сорвал халат с лица. Земля была километрах в полутора и предлагала встретиться. Пальцы сами нашли в кармане костяной жетон и сжали до боли.

— НЕ СЕЙЧАС! — Млякс спикировал ближе, вцепился в рукав. — РАНО!

— ЧТО ЗНАЧИТ РАНО?!

— Полог гасит ОДИН урон! Активируешь в воздухе — потратишь на порыв ветра! Жди землю!

— ТО ЕСТЬ МНЕ НАДО ДОЛЕТЕТЬ ДО ЗЕМЛИ?!

— ТЕХНИЧЕСКИ — ДА! И НЕ ПЕРЕПУТАЙ МОМЕНТ!

Город приближался. Уже различались улицы, перевёрнутый трамвай, чья-то крыша с натянутым между антенн бельём — бельё пережило конец света и сушилось дальше, у белья были железные нервы. Я летел вниз со скоростью, которую в другой ситуации с удовольствием бы записал, сжи-

мал в кулаке одноразовое «не умереть» и слушал, как рядом, кувыркаясь, орёт мой демон:

— И ЕСЛИ ПРОМАХНЁШЬСЯ С МОМЕНТОМ, — над-
рывался Млякс, — Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ТЫ ЗНАЛ: ТВОЮ
ЛОЖКУ Я ЗАБЕРУ СЕБЕ!

Земля неслась навстречу, и мозг, паскуда, уже считал —
высота под километр, ускорение девять и восемь, секунд де-
сять до знакомства с асфальтом, полог один, и жать его на-
до в ту единственную секунду, которую я всё никак не мог
вычислить.

Глава 3

— РАНО!

— А СЕЙЧАС?!

— РАНО!

Земля занимала уже всё поле зрения. Двор, гаражи, детская площадка, перевёрнутая песочница — всё это несло мне навстречу с энтузиазмом, которого я не заслуживал. Ветер выл в ушах, халат стоял за спиной колом, и где-то слева, кувыряясь, орал Млякс — он умудрялся падать медленнее меня, потому что его карликовые крылья хоть что-то делали, в отличие от моей учёной степени.

— МЛЯКС!

— РАНО! ЖДИ!

— ЧЕГО ЖДАТЬ?! ЗЕМЛИ?!

— ДА!

До асфальта оставалось метров сто. Потом пятьдесят. Мозг услужливо подсунул формулу свободного падения, и послал его нахрен вместе с формулой, и тут Млякс завизжал так, что перекрыл ветер:

— ПОРА-А-А!

Я сжал жетон и пожелал не умереть. Честно, искренне, всем организмом — так я не желал ничего со времён защиты первой докторской.

Мир мигнул.

Удар был. Я его видел: асфальт подо мной треснул звездой, песочницу рядом подбросило, качели заходили ходунном, и с гаражей снялась вся пыль разом. Я стоял в центре маленького кратера на слегка согнутых ногах — стоял, а не растекался, — и единственное, что я чувствовал, это как в кулаке рассыпается в труху костяной жетон.

[Урон поглощён: падение с высоты 1512 м.][Аварийный полог израсходован.]

Тишина. Потом сверху, с балкона девятиэтажки, голос — усталый, прокуренный, мужской:

— Совсем уже. С неба падают.

Я поднял голову. На балконе четвёртого этажа стоял мужик в трениках, курил и смотрел на меня без всякого удивления. За его спиной, за домами, горел город и висел красный разлом, но мужик выбрал осуждать меня.

— Доброй ночи, — сказал я.

— Ага. — Он затянулся, перевёл взгляд с меня на кратер, с кратера на Млякса, обратно на меня. — Из этих будешь?

— Из каких?

— Ну. Которые падают.

— Я учёный.

— А-а. — Мужик кивнул так, будто это всё объясняло, и даже больше, чем нужно. — Учёные, значит, уже посыпались. Понятно всё с вами.

Он щелчком отправил окурок за перила и ушёл в квартиру. Балконную дверь за собой прикрыл и запер на шпингалет

— от конца света.

Рядом, спланировав по спирали, приземлился Млякс — на все четыре, мягко, как будто и не падал с полутора километров. Отряхнулся, посмотрел на кратер, на труху в моём кулаке, на меня.

— Поздравляю, хозяин. Ты потратил вещь, которая оста-навливает удар владыки, на встречу с двором.

— Альтернатива была?

— Нет. Но осадочек есть.

Я вылез из кратера. Колени дрожали, руки дрожали, где-то в грудной клетке дрожало то, что обычно не дрожит. Со-рок пять лет — это возраст, в котором организм после таких вечеров выставляет счёт с пенёй. Я сел на край песочницы и минуту просто дышал.

[Пристанище: следующий вход через 04:58:12.]

— Пять часов, — сказал я. — Что делают пять часов в горящем городе?

Млякс сел рядом, обернул хвост вокруг лап и сказал сло-во, которое я уже начинал ненавидеть и любить одновремен-но:

— Копят.

Копить получалось так себе, потому что первые полчаса мы просто шли. Город изменился за ночь, как меняется квар-тира, в которой побывали воры: вроде всё то же, но всё не так. Подольск и раньше не был красавцем — депо, промзона, девятиэтажки, — но раньше он был живой. Брошенные ма-

шины с открытыми дверями. Светофор, мигающий жёлтым на пустом перекрёстке. Магазин с выбитой витриной, из которого никто ничего не выносил — это пугало больше всего: город, в котором не мародёрят, это город, в котором бояться выходить.

Живых мы слышали дважды: раз — стрельбу кварталах в трёх, раз — женский голос из подвального окошка, коротко, «тихо, тихо, спит». Я сунулся было к окошку, но Млякс повис на штанине:

— Не надо.

— Там люди.

— Там люди, у которых всё пока хорошо. А у тебя на кармане пепел, а по следу — не знаю кто. Хочешь привести «не знаю кого» к людям, у которых всё хорошо?

Я посмотрел на него. Он смотрел снизу вверх, жёлтые глаза не мигали.

— Иногда ты говоришь разумные вещи.

— Я всегда говорю разумные вещи. Просто обычно они про еду.

Про «не знаю кого» он вспомнил не просто так. Уши у него последние минут десять стояли, как две антенны, и оба локатора смотрели назад, туда, откуда мы пришли.

— Кто за нами идёт, Млякс?

— Пока не знаю. Идёт ровно. Не падальщик — падальщики так не умеют. — Он втянул воздух, и морда у него сморщилась. — Гончая. Может, две.

— Чьи?

— А ты как думаешь? Охотник тебя упустил. Охотники не любят упускать. Он пометил твой след и пустил гончих.

— Чем пометил?

— Тем, что у тебя из кармана светило на весь квартал, гений. Золотую капсулу ты вскрыл, но нюх у гончих долгий.

Я огляделся. Мы стояли во дворе-колодце: две арки, гаражи, турник, на котором болталось одинокое сушёное бельё, и открытый канализационный люк посреди двора — крышка лежала рядом, как будто её снял кто-то очень аккуратный или очень голодный.

— Здесь, — сказал я.

— Что «здесь»?

— Встретим здесь. Двор с двумя выходами, узкие арки, темно. Если бежать — догонят на открытом.

— Хозяин, ты видел гончую?

— Нет. Поэтому и хочу посмотреть.

Млякс закрыл морду лапами.

— Вот из-за таких фраз у демонов и появились легенды про людей.

Гончая вошла в арку первой — и я в самом деле сначала посмотрел. Не удержался.

Она была собрана из недоразумений: тело борзой, растянутое до размеров пони, кожа без шерсти, блестящая, как мокрая резина, шея на треть длиннее разумного, и голова почти без черепной коробки — сплошная челюсть на шар-

нире. Глаз не было вообще. Вместо них по бокам шеи шли ряды влажных дырочек, и все дырочки смотрели на меня.

— Хеморецепция, — сказал я с уважением. — Она нюхает всем телом.

— Она жрёт всем телом! — зашипел Млякс с гаража. — План! У тебя был план!

План был. Гончая рванула с места без разгона, как арбалетный болт, я дёрнулся в сторону — и она, не умея поворачивать на такой скорости (длинная шея, смещённый центр масс, я всё это отметил ещё на подлёте), со всего маху влетела туда, где я только что стоял. А стоял я перед открытым люком.

Дырочки на шее среагировали за миг до — гончая попыталась развернуться в воздухе, сложилась и ушла в колодец по самые задние лапы. Задние лапы заскребли по асфальту. Из люка донёсся звук, который издаёт очень большая собака, застрявшая в очень маленькой двери, и звук этот был полон обиды.

Крышка люка лежала в метре. Чугунная. Килограммов пятьдесят.

— Добивай! — орал Млякс. — Добивай, пока...

Я уже катил крышку. Не поднимал — катил, по-умному, ребром. У самого люка крышка легла, я перехватил её обеими руками, поднял на ребро над колодцем — гончая как раз выпростала одну лапу и половину челюсти — и отпустил.

Лязг. Хруст. Тишина.

[Убит: гончая охотника, ранг D.][Получено: пепел — 26.]

— Городская инфраструктура, — сказал я, отряхивая ладони, — самое недооценённое оружие в этой войне.

Договорить мне не дали. Вторая гончая — а их было две, Млякс же говорил, что две, и я это учёл, но арок тоже было две — вошла со спины тихо, как учили, и я услышал её в последний момент. Успел только развернуться и упасть назад, поэтому челюсть-шарнир сомкнулась не на моей голове, а на рукаве халата вместе с куском предплечья воздуха. Меня мотнуло, приложило спиной о турник — тот самый, с бельём, — что-то в левом боку сказало «хрусть» голосом плохих новостей, и я осел на землю, глядя, как тварь перехватывает пасть для второго захода.

Дальше произошло то, за что я потом три дня извинялся.

Млякс упал ей на шею с турника. Весь его боевой вес — килограммов семь — ничего не решал, но он и не решал: он вцепился когтями в дырочки хеморецепторов и заорал ей прямо в шею что-то на демоническом. Не знаю, что это было. Судя по интонации — что-то из области жилищных претензий. Гончая взвилась, замотала башкой, пытаясь стряхнуть семь килограммов визжащей бюрократии, ослепла всем телом сразу — и рванула вперёд, не разбирая дороги.

Впереди был гараж. Гаражу было всё равно.

Удар, лязг, ворота гаража сложились внутрь вместе с гончей. С крыши съехал лист шифера и добавил сверху — контрольным, по-хозяйски.

[Убит: гончая охотника, ранг D.][Получено: пепел — 24.]

Млякс выполз из руин гаража, шатаясь. Отряхнулся. Посмотрел на меня.

— Никому, — сказал он. — Никогда. Не рассказывай. Что я сделал это ради человека.

— Ты сделал это ради себя. Если меня сожрут — ты исчезнешь.

— Да! — с облегчением сказал он. — Именно! Спасибо, хозяин. Ты умеешь вернуть демону самоуважение.

Самоуважение было у него. У меня было сломанное ребро — как минимум одно, судя по тому, что вдох на две трети обрывался белой вспышкой, — и счётчик, на котором висело шестьдесят четыре пепла.

Мы сидели в разгромленном гараже — соседнем, целом, — среди чьих-то солений и зимней резины. Снаружи выл город. Внутри выла моя грудная клетка.

— До входа три часа, — сказал Млякс. — Дотянешь?

— Дотяну. Дышать больно, жить можно. Дома перевяжу... — я осёкся. — В Пристанище перевяжу. Слушай, а аптечки в твоей лотерее бывают?

— В синих бывают. Синяя — тридцать пепла.

— А в серой?

— В серой бывает всё, хозяин. В этом её философия. Серая — это честный срез мироздания: девяносто процентов мусора и десять процентов чуда. Как жизнь.

— Ты сейчас процитировал кого-то?

— Инструкцию для младших распределителей. Раздел «Как отвечать на жалобы».

Я посмотрел на счётчик. Шестьдесят четыре. Синяя аптечка — тридцать, и это разумно, это по уму: вложение в основной капитал, в единственный организм, который у меня есть.

— Давай серую.

— Он сказал «серую», — сообщил Млякс банке с огурца-ми. — У него сломано ребро, и он сказал «серую».

— Десять пепла против тридцати. Я оптимизирую расходы.

— Ты не оптимизируешь расходы. Я двенадцать лет смотрел на эти лица, хозяин. Через окошко. У окошка очередь, а лица одинаковые. У тебя сейчас лицо человека, который хочет услышать, как хрустит шов на капсуле. Скажи вслух: «я хочу крутить».

— Давай. Серую.

— Скажи.

— Млякс.

— Что «Млякс»? Я Млякс уже давно. Скажи.

— Я тебе ребром в глаз ткну. Сломанным.

— Ладно, ладно. Какие вы нервные, первые пользователи.

Его скрутило, хвост дёрнулся, и на бетонный пол выкатился серый шарик. Я поднял его — тёплый, матовый, со сливу размером. Знакомый уже вес. Знакомый уже зуд в ладони. Шов засветился.

Я ждал ложку. Честно, я ждал вторую ложку — или правый носок, у системы явно было чувство юмора и картотека.

В ладонь лёг пузырьрёк.

Стеклянный. Гранёный. С притёртой пробкой, как из старой аптеки, и жидкостью цвета рассветного неба. От пузырьрёка шло лёгкое тепло, и швы света на стекле пульсировали — так же, как на золотой капсуле.

[Получено: Эликсир «Минус двадцать».] [Ранг: А.] [Омоложивает организм на 20 лет.] [Восстанавливает повреждения, соответствующие возрасту цели.] [Побочные эффекты: возможны.]

Млякс не дышал. Он стоял на задних лапах, вытянувшись, как суслик, и смотрел на пузырьрёк с выражением, с которым в приличных семьях смотрят на выигрышный лотерейный билет в руках у постороннего.

— Из серой, — прошептал он. — Ранг А. Из серой. За десять пепла.

— Это хорошо или плохо?

— Это не бывает. Понимаешь? Я двенадцать лет в распределении. Я видел, как владыка третьего кольца крутил серые вёдрами — вёдрами, хозяин! — чтобы выбить хотя бы С. Он выбил дуршлаг. Дуршлаг потом три века висел у него в тронном зале, и все делали вид, что так задумано. А тебе... — Млякс перевёл взгляд с пузырьрёка на меня, и в жёлтых глазах появилось что-то новое. Подозрение пополам с ужасом. — Система тебя не просто любит. Система в тебя вкладывается.

— Может, у первого пользователя буст на удачу.

— Может. А может, кто-то очень хочет, чтобы ты дожил до чего-то. И я не уверен, что тебе понравится, до чего.

Мы помолчали. Снаружи, далеко, что-то обрушилось — целым кварталом, судя по звуку.

— «Побочные эффекты: возможны», — прочитал я. —
Какие?

— Возможные.

— Это не ответ.

— Это демонический ответ. У нас так пишут, когда юристы устали.

Я взвесил пузырёк в руке. Сорок пять минус двадцать — двадцать пять. В двадцать пять у меня были целые рёбра, спина без сюрпризов, глаза, читавшие шестой шрифт без очков, и вера в то, что комиссии существуют для защиты науки. Ладно, веру эликсир не вернёт. Уже неплохо.

С другой стороны — неизвестная субстанция неизвестного происхождения с ранговой меткой демонической лотереи. Я химеролог. Я в жизни не вводил в организм ничего, что не прошло хотя бы три протокола. Правда, обычно организм был не мой, но принцип-то тот же.

Ребро на вдохе снова полыхнуло белым.

— А, — сказал я, — в конце концов, испытания на людях когда-то надо начинать.

И выпил.

На вкус это было как холодный чай с мёдом, если бы мёд

собирали пчёлы, никогда не видевшие цветов, — сладость была правильная, но нездешняя. Три секунды не происходило ничего.

Потом меня выключили и включили заново.

Не больно — вот что странно. По телу сверху вниз прошла волна, как будто кто-то провёл ладонью по мокрому стеклу, стирая налёт. Ребро в боку шевельнулось, встало на место и замолчало. Спина хрустнула всеми этажами сразу и — перестала быть спиной, о которой думаешь. Колени... про колени я понял только через минуту, когда встал: я встал и не услышал ни звука. Двадцать лет мои колени комментировали каждый подъём. Тишина оглушала.

В зубе слева, где с тридцати лет стояла пломба, что-то щёлкнуло. Я потрогал языком: пломбы не было. Зуба, который был под пломбой, тоже не было. Был новый зуб.

— Хозяин, — сказал Млякс странным голосом. — Посмотри на руки.

Я посмотрел. Руки были мои — и не мои. С них исчезла вся мелкая история: шрам от колбы на левом запястье, пигментное пятно, о котором я старался не думать, сетка первых стариковских морщин, которую я старательно называл «мимической». Кожа лежала гладко и нагло, как у аспиранта.

В углу гаража стояло старое зеркало — треснутое, в раме, кто-то хранил его тут вместе с резиной. Я подошёл.

Из зеркала на меня смотрел я образца две тысячи лохматого года. Двадцать пять, может, двадцать шесть. Тёмные

волосы без единой седой нитки — а седина у меня, между прочим, была заслуженная, я каждую прядь мог соотнести с конкретной комиссией. Лицо без складок у рта. Шея без предательства.

— Мля, — сказал я.

— Звал? — отозвался Млякс.

— Нет. Это было междометие.

— У нас с тобой это уже было. Так рождаются имена.

Я стоял и смотрел. Смешно: за сорок пять лет я ни разу не пожалел о возрасте — некогда было. А сейчас, глядя на эту наглуую молодую рожу, почувствовал что-то среднее между восторгом и злостью. Двадцать лет стажа, три докторских, две грыжи и вся седина — списаны одним пузырьком из мусорной лотереи.

— Знаешь, что самое обидное? — сказал я зеркалу. — Мне теперь никто не поверит, что я трижды доктор наук.

— Тебе и раньше никто не верил, — утешил Млякс.

— Раньше не верили из зависти. Теперь будут не верить из логики.

Млякс подошёл, обнюхал мою штанину и сморщился.

— И пахнешь теперь по-другому. Моложе. Свежее.

— Спасибо.

— Это не комплимент. Молодых едят первыми. У вас мясо мягче.

— Млякс.

— Я делюсь культурным контекстом!

Про запах он был прав — я его тоже чувствовал, свой собственный, чужой. И не только запах. Голод пришёл резкий, молодой, злой, какого я не помнил лет двадцать: новый мотор требовал, чтобы его кормили, и требовал громко.

[Пристанище: вход доступен через 00:41:07.]

Оставшиеся сорок минут я потратил с пользой: во дворе за гаражами нашлись разбитые ящики, и я разобрал их на доски. Молодое тело работало как чужое — в хорошем смысле: я таскал, ломал, выдёргивал гвозди голыми пальцами и всё ждал, когда организм выставит привычный счёт. Организм молчал. Организму было двадцать пять, и он искренне не понимал, о чём я.

— Может, ещё ту дверь возьмём? — Млякс сидел на заборе и руководил. — Хорошая дверь. Дубовая.

— Она весит килограммов тридцать.

— А ты по частям.

— Дверь. По частям.

— Ты же учёный. Распили наукой.

К моменту, когда таймер дошёл до нуля, у меня была вязанка досок, перетянутая бельевой верёвкой с того самого турника. Верёвку я, каюсь, взял без спроса — вместе с прищепками. Если хозяин белья выжил, я должен ему верёвку, прищепки и объяснение, которому он не поверит.

[Вход в Пристанище доступен.][Открыть?]

— Да.

На стене гаража проступил контур двери — рыжим, тон-

ко, как будто кто-то с той стороны вёл раскалённой проволокой. Дверь открылась в темноту, из темноты потянуло знакомой сыростью и серой. Я подхватил вязанку и шагнул.

[Перенос ресурсов: 5,0 кг из 5,0 кг. Принято: доски, 5,0 кг.][Отклонено: 11,3 кг.]

За спиной глухо стукнуло: две трети моей вязанки аккуратно легли на пол гаража, отрезанные, как ножом. В руках осталась жалкая охапочка.

— Пять кило, — сказал я, стоя в тёмном зале Пристанища с охапкой дощечек, как первоклассник с гербарием. — Четыреста нужно. Я бобёр. Я официально бобёр с ипотекой.

— Бобры — уважаемые звери, — сказал Млякс, просачиваясь следом. — Строят, копят, не крутят. Тебе есть чему у них поучиться.

Зал встретил нас, как в прошлый раз: рёбра свода, тусклые рыжие светильники — каждый пятый, — терминал-стела с рычагом в дальнем конце. Кусок падальщика, стартовый паёк, лежал у стены, где я его оставил, и уже начал осыпаться пеплом.

— О, — оживился Млякс. — Дозревает.

— Что значит «дозревает»?

— Полежит ещё сутки — весь в пепел уйдёт. Мясо молодое было.

— Ты говорил, это еда.

— Это и еда, и вклад. Редкое сочетание. У вас такого нет.

Я на всякий случай собрал, что насыпалось: [Получено:

пепел — 4]. Не хватало ещё, чтобы паёк пропал.

Пятьдесят восемь пепла. Я подошёл к терминалу, и меню развернулось само — узнало хозяина.

[Постройка: Дом (базовый). Сборка: древесина — 400 кг (внесено: 5), металл — 60 кг, пепел — 500.][Или: порталная крутка — 200 пепла. Шанс выпадения Дома: есть.]

— «Шанс есть», — сказал я. — А процент?

— Проценты пишут там, где хотят, чтобы ты посчитал и ушёл, — сказал Млякс. — У нас пишут «шанс есть». Это честнее: сразу ясно, что тебя разводят, но сердце всё равно верит.

— Двести пепла. Двадцать падальщиков.

— Или два хороших демона. Или один рейд. Или...

Он не договорил. Его согнуло.

Не так, как обычно. Обычно выдача выглядела как короткий приступ кашля с призом в конце. Сейчас Млякса сложило пополам, шерсть на загривке встала дыбом, хвост вытянулся струной, и звук он издал такой, будто из него выходило что-то, с чем он был категорически не согласен.

На чёрный пол Пристанища выкатился шар.

Чёрный. Не тёмный, не графитовый — чёрный, как дыра в мире. Швы на нём светились тусклым багровым, и свет этот не освещал ничего вокруг, даже пол под шаром.

Млякс отполз от него на всех четырёх — быстро, не отрывая взгляда, — и упёрся спиной в мою ногу.

— Млякс. Что это?

— Чёрная. — Голос у него был тонкий и трезвый, безо всякого ларька. — Хозяин, я её не выдавал.

— В смысле? Она из тебя выпала.

— Я. Её. Не выдавал. Чёрные не заказывают. Чёрные приходят сами. К тому, кого выбрали.

Шар качнулся — сам, без причины, на ровном полу — и замер швами ко мне. В воздухе над ним проступили строки. Багровые.

[Чёрная капсула.][Адресат: Артём Ильин, первый пользователь Земли.][Отказ: невозможен.][Самовскрытие через: 01:00.]

[00:59.]

— Млякс, — сказал я, не отводя глаз от шара. — Быстро и по делу. Что бывает в чёрных?

— Сильное. — Он сглотнул. — Сильное и с ценой. Всегда с ценой.

— С какой?

— Узнаешь, когда заплатишь.

[00:54.]

[00:53.]

Я смотрел, как тают секунды над шаром, который нельзя не вскрыть, в базе, из которой меня через двадцать пять минут выбросит неизвестно куда, — и единственный вопрос, который имел сейчас значение, звучал просто:

что эта штука попросит взамен?

Глава 4

Глава 4

— Отойди от неё! — Млякс тянул меня за штанину обеими лапами, упираясь всеми когтями в пол, и волок с такой силой, что я реально ехал по камню. — Дальше! Ещё дальше!

[00:03.]

— Ты сказал, отказ невозможен!

— Отказ невозможен! А стоять рядом — добровольно!

[00:02.]

— Если она сейчас рванёт...

— Она не рванёт! Чёрные не взрываются! Наверное! Я их два раза в жизни видел, оба раза — убегая!

[00:01.]

[Самовскрытие.]

Чёрный шар не взорвался. Он сделал хуже: раскрылся беззвучно, как зрачок, и из него вверх потянуло тонкую струю багрового дыма. Дым не рассеивался. Дым встал в воздухе столбом, развернулся плоскостью, и на плоскости, строка за строкой, начал проступать текст. Красивым шрифтом. С завитушками.

Я такой шрифт видел один раз в жизни — на грамоте «За вклад в развитие отечественной науки», которую мне вручили вместо обещанной надбавки.

[Персональное предложение.][Только для первого пользователя Земли.][Кредитная линия «Первый шаг».]

— Кредитная... — начал я.

— Нет, — сказал Млякс.

[Сумма: 1000 пепла. Немедленно.][К возврату: 2500 пепла.][Срок: 7 суток.][Взыскание: неотвратимо.]

— Млякс.

— Нет. Нет, нет и нет. — Он выпустил мою штанину, обещал дымную плоскость по дуге и встал между мной и текстом, что при его росте выглядело как попытка заслонить собой рекламный щит. — Хозяин. Послушай меня один раз в жизни. У нас этим детей пугают. Не темнотой, не охотниками — этим. «Будешь плохо себя вести — подпишешь кредит».

— Процент грабительский, — согласился я. — Сто пятьдесят за неделю.

— Причём тут процент?! Ты слово «взыскание» видел?

— Видел. А кто взыскивает?

— Взыскатель.

— Какой взыскатель?

— Неотвратимый.

— Это эпитет?

— Это должность!

Дымный текст терпеливо висел. Я подошёл ближе — Млякс издал звук умирающего чайника — и посмотрел под основные условия. Правильно посмотрел — там, вни-

зу, бледнее основного текста, шёл мелкий шрифт. Мелкий шрифт есть везде, где есть деньги. Это константа поустойчивее гравитационной.

[П. 4. Досрочное погашение: разрешено. Без снижения суммы возврата.]

— Ну естественно.

[П. 7. Частичная оплата не приостанавливает взыскание.]

— Кто бы сомневался.

[П. 11. При невозможности взыскания пеплом взыскание производится иным имуществом должника.]

— Млякс. Что у меня есть из имущества?

— Ложка, — начал загибать когти Млякс. — Носок. Халат. Табурет остался в лаборатории, спишем. Пристанище...

— Пристанище?!

— А ты думал. Оно записано на тебя. Всё, что записано, — то и имущество. У нас один так базу проиграл. Целую базу, хозяин, с гарнизоном. Гарнизон, кстати, до сих пор служит — просто уже другому. Им, говорят, даже больше нравится: кормить стали по графику.

[П. 14. Взыскатель при исполнении имеет право на вежливое обращение.]

— Это как понимать?

— Буквально. Один должник обозвал Взыскателя. Не заплатил за это ничего дополнительно, но Взыскатель теперь рассказывает эту историю на каждом взыскании. Сорок минут. С паузами. Все просят: лучше заберите что-нибудь.

Под пунктами проступила строка помельче:

[Предложение действительно: 09:41.][Решение о подписании — добровольное.]

А в углу зрения, наискосок от кредитных завитушек, висело моё расписание на ближайшую жизнь:

[До выброса: 19:12.]

И вот тут я почувствовал, как две системные строки складываются в клещи. Через девятнадцать минут меня выбросит из Пристанища в случайную точку в радиусе десяти километров. Точку, где сейчас ночь, пожары и твари с шеями-локаторами. Аварийного полога больше нет — его труху я вытряхнул из кулака ещё во дворе. Если выбросит в небо — всё, финита, некролог: «трижды доктор наук, разбился, помолодев».

Выброс отменяется, если есть Дом. Дом — это порталная крутка, двести пепла. У меня пятьдесят восемь.

— Млякс. Посчитай мне вероятность выброса в открытое небо.

— Никто её не считал...

— Ты демон или где? Прикинь.

Млякс страдальчески пошевелил ушами.

— Город плотный. Дворы, крыши, улицы... Ну, одна из двадцати. Может, из пятнадцати.

— То есть я бессмертен девятнадцать раз из двадцати.

— Приятная формулировка. На надгробиях хорошо смотрится.

Я ещё раз перечитал условия. Тысяча сейчас. Две с половиной через неделю. Взыскание неотвратимо. Классика: банк всегда выигрывает, казино всегда выигрывает, а демоническая система, судя по всему, объединила лучшие практики обеих индустрий.

С другой стороны, за сегодняшнюю ночь я заработал шестьдесят с лишним пепла, почти не выходя из состояния паники. Гончая — двадцать шесть. Охотники ходят с гончими, значит, где охотник — там полтинник минимум. Порталы, по словам Млякса, дают ещё больше. Две с половиной тысячи за семь суток — это не подвиг. Это план продаж.

— Хозяин. — Млякс смотрел на меня снизу, и голос у него был непривычно тихий. — Я серьёзно. Я видел одного, который подписал. Давно, ещё в Пределе. Мелкий счетовод, хотел выкупить себе хвост длиннее.

— И что с ним стало?

— Ничего. Он выплатил.

— Так а страшное-то что?

— Страшное — как он выплачивал. Он за шесть суток сделал то, на что у него ушла бы вечность. Он спал стоя. Он грыз всех. Он стал лучшим счетоводом трёх колец. — Млякс поёжился. — Кредит не наказывает, хозяин. Кредит выясняет, кто ты, когда у тебя нет выбора. У нас говорят: хочешь узнать демона — дай ему в долг.

— У нас тоже так говорят.

— Вот. А теперь подумай: эта штука пришла к тебе сама.

Через час после того, как система подарила тебе молодость. Тебе не кажется, что тебя ведут по этапам? И ещё одно, бесплатно, как другу: чёрные не приходят к нищим новичкам. Чёрные присылают тем, за кем смотрят. Кто-то решил, что ты дозрел до кредита, хозяин. Я бы на твоём месте думал не «подписывать или нет». Я бы думал — кто решил.

Кажется, подумал я. Ещё как кажется. Сначала бесплатный выигрыш, потом выигрыш побольше, потом первый кредит — я читал про эту воронку в статьях по аддиктологии, я сам показывал эти графики студентам. Дофаминовая лесенка, по которой клиента заводят наверх, где уже ждёт касса.

Проблема была в том, что лесенку строили под меня, а выброс — через восемнадцать минут. Иногда понимать, что тобой манипулируют, и иметь альтернативу — это два разных удовольствия.

— Подписываю, — сказал я.

— Ну конечно, — сказал Млякс.

[Подтвердите подписание.][Требуется: капля крови.]

— Серьёзно? Кровь? У вас там что, нотариусы девятнадцатого века?

— Кровь — это подпись, которую нельзя подделать, — с достоинством ответил Млякс. — Ваши закорючки на бумаге — вот это несерьёзно.

Я поискал глазами, обо что уколоться, вспомнил, что стою в пустом зале, и решил вопрос по-простому — прикусил ко-

стяжку пальца. Больно, негигиенично, зато в полевых условиях. Капля сорвалась и, не долетев до пола, втянулась в дымную плоскость.

Текст вспыхнул, свернулся в точку и исчез. Чёрный шар рассыпался пылью — даже пепла не оставил, жмот.

[Кредит «Первый шаг» оформлен.][Зачислено: пепел — 1000.][Долг: 2500. Осталось: 6 суток 23:59:51.]

Счётчик долга не погас. Он отъехал в угол зрения — в противоположный от таймера выброса — и остался там. Висеть. Тикать. Я моргнул — висит. Закрыл глаза — сквозь веки, конечно, не видно, но я его чувствовал, как чувствуешь незакрытую дверь за спиной.

— Он теперь всегда тут?

— Всегда, — подтвердил Млякс. — До последней монеты. Это называется «напоминание о взятых обязательствах».

— Это называется «коллекторские звонки в мозг».

— О, тебе понравится вторая функция. Он умеет вздыхать.

— Что?

Счётчик долга вздохнул. Тихо, укоризненно, прямо в середину головы — так вздыхает бухгалтерия, когда приносишь авансовый отчёт за прошлый квартал. У нас в институте так вздыхала Тамара Павловна. Тамару Павловну боялся даже ректор. Ректора боялась даже комиссия. Пищевая цепочка страха, и на вершине её — вот этот звук.

— Ненавижу, — сказал я.

— Привыкнешь. К третьим суткам должники начинают с ним разговаривать.

— А он отвечает?

— Вздыхает.

[До выброса: 16:40.]

Так. Работаем. Тысяча пятьдесят восемь пепла на счету. Портальная крутка — двести. Я подошёл к терминалу, и меня развернулось навстречу — уже почти по-свойски.

[Портальная крутка: 200 пепла.][Возможные награды: базовые постройки, якоря, зоны, проходы.][Шанс выпадения Дома: есть.]

— «Есть», — повторил я. — Ну что, Млякс. Момент истины.

— Дёргай сам. — Он отошёл к стене и сел там с видом родственника у операционной. — Распределитель не должен касаться круток клиента. Конфликт интересов.

— У тебя есть этика?

— У меня есть инструкция. Этика — это её человеческое название.

Я взялся за рычаг. Рычаг был тёплый и лёг в ладонь так удобно, что это само по себе следовало считать предупреждением. Я потянул.

Терминал зажужжал. Внутри стелы что-то завращалось, разгоняясь, — с тем самым нарастающим стрекотом, на который у половины млекопитающих завязан ориентировочный рефлекс, а у людей ещё и кошелёк. Стрекот дошёл до

верхней ноты, оборвался, и в лоток у подножия стелы выкатилась капсула. Большая, с арбуз, полосатая — рыжее с чёрным.

[Минус 200. Баланс: 858.]

Швы разошлись.

Посреди зала, с глухим стуком встав на все четыре опоры, материализовалась будка. Обычная будка охранника — метр на метр, окошко, дверца, козырёк, облупленная синяя краска и след от сорванной таблички. Внутри виднелся табурет.

[Получено: Будка охранная, 1 шт.][Описание: будка. Охранная. Пустая.]

Мы помолчали.

— Это не Дом, — сказал я.

— Это будка, — согласился Млякс.

— Мне нужен Дом.

— А выпала будка. В этом суть жанра, хозяин: нужен Дом — выпадает будка. Зато смотри, какой козырёк.

— Зачем мне будка, Млякс?

— Поставишь охранника.

— У меня нет охранника!

— Уже есть будка. Полдела сделано.

Я обошёл будку кругом. Заглянул в окошко. Внутри, кроме табурета, обнаружился гвоздь в стене и на гвозде — журнал. Настоящий, в картонной обложке, разбухший от времени. Я вытащил его через окошко и открыл. Страницы были расчерчены на графы, и в графах, столбиком, шли записи на

демоническом — угловатые значки, похожие на следы птицы, которая сильно нервничала.

— Что тут написано?

Млякс вскарабкался мне на плечо и заглянул.

— «Смена сдана. Происшествий нет». — Он полистал когтем. — «Смена сдана. Происшествий нет». «Смена сдана. Происшествий...» — о, вот: «происшествие: приходил неизвестный, спрашивал дорогу. Дорогу не показал. Бдительность проявил».

— Сколько лет запишам?

Млякс понюхал страницу, чихнул, понюхал ещё.

— Четыреста. Плюс-минус. По чернилам — из желчи мокрицепса, такими уже лет триста не пишут, дорого стало.

— И где сам охранник?

— Судя по последней записи... — он перевернул журнал к свету. — «Смена сдана». И всё. Принята не была.

Мы оба посмотрели на пустой табурет. Есть в казённой мебели особый талант — она умеет стоять так, что понятно — человек вышел на минутку. Или демон. Четыреста лет назад.

— Журнал оставь, — сказал Млякс. — Хорошая вещь. Дисциплинирующая.

[До выброса: 12:05.]

Я посмотрел на счётчик, на будку, на рычаг. Внутри, в том самом отделе «ну вдруг», уже всю работу выполнял маленький злой бухгалтер — восемьсот пятьдесят восемь минус двести —

шестьсот пятьдесят восемь, на долг это не влияет, долг всё равно две с половиной, а ночевать в небе — влияет на всё...

Я дёрнул второй раз.

Стрекот. Разгон. Верхняя нота — я поймал себя на том, что не дышу, и мысленно отметил себе на будущее — вот так, Артём Ильич, это и работает, поздравляю, у тебя все симптомы по учебнику, страница сорок семь.

Капсула выкатилась. Большая. Не полосатая — коричневая, в цвет хорошей глины.

[Минус 200. Баланс: 658.]

Швы разошлись, полыхнуло тёплым, и дальний угол зала занялся стройкой. Именно занялся — из ничего, слой за слоем, как на ускоренной съёмке, собрался фундамент из тёмного камня, на нём — стены из бруса, крыша, труба, крыльцо в две ступени, дверь с косым окошком. Пахнуло свежей стружкой. Что-то щёлкнуло, в окнах затеплился жёлтый свет.

Посреди демонического зала, под сводом из рёбер, стояла изба. Обыкновенная деревенская изба — у бабки в Вязниках такая была, только у бабкиной наличники резные, а тут голые косяки. Базовая комплектация. Наличники, надо полагать, шли отдельной круткой.

[Получено: Дом (базовый), 1 шт.][Жилая постройка установлена.][Лимит пребывания: снят.][Плановый выброс: отменён.]

Таймер в углу зрения мигнул и погас. Просто погас. Я стоял и смотрел на пустое место, где он тикал, и чувствовал,

как разжимается что-то между лопаток — ромбовидная, та, что держит лопатку к хребту, и которую я до этой секунды за собой не замечал.

— Дом, — сказал Млякс с непонятной интонацией.

— Дом, — подтвердил я.

— Со второй крутки. Дом со второй порталной крутки.

— Он подошёл к крыльцу, потрогал лапой ступеньку, отдёргнул. — Настоящий. Хозяин, я тебе как специалист скажу: люди в среднем выбивают Дом с двадцатой. Есть статистика. Грустная, как всё у нас.

— Система вкладывается, — напомнил я.

— Вот это меня и греет. И пугает. Одновременно. Как твоя изба.

Изба внутри оказалась честной — одна комната, печь — холодная, но настоящая, — стол, лавка, топчан с тюфяком, полка. Я первым делом сунул в печь свои пять килограммов досок — все, что накопил на четырёхсоткилограммовый дом, который мне больше не был нужен, — и понял, что поджечь их нечем. Спичек в базовой комплектации не значилось.

— Млякс. Ты огнём дышишь?

— Я похож на печку?

— Ты демон.

— Я демон-распределитель! Мы дышим входящей корреспонденцией! — Он подумал и добавил с достоинством: — Могу искру когтем о камень. Но за это обычно благодарят.

Искру он высек с третьего раза, стружка занялась, и через пять минут в печи горели мои строительные накопления, а по избе пошло живое тепло. Горели, между прочим, отлично. Никогда ещё несостоявшаяся ипотека не приносила столько простой человеческой радости.

На полке стояла кружка. Одна. Глиняная. Я взял её в руки и почувствовал странное — это была первая вещь за всю ночь, которая ничего от меня не хотела. Не тикала, не светила, не предлагала кредит. Кружка. Просто кружка.

Я поставил на полку рядом ложку из серой капсулы. Натюрморт «Начало империи».

— Носок туда же положи, — посоветовал Млякс от двери.
— Для полноты хозяйства.

— Носок — это текстиль. Текстилю на полке не место.

— О, обживаешься. Быстро вы, люди.

Я сел на лавку. Лавка скрипнула — по-настоящему, деревом. Снаружи, за стенами избы, был чёрный зал с рёбрами, за залом — межмировая тьма, в тьме — долг на две с половиной тысячи, город в огне, охотник, у которого я в списке невыполненных задач, и Вельфей, у которого я в списке личных оскорблений. Внутри была лавка, кружка и тюфяк.

— Млякс. А еда в этой лотерее бывает?

— В серых — бывает. Консервы, сухари, крупа. Ваша, человеческая, со складов затянута.

— А вода?

— Колодец надо. Модуль такой, «Колодец», в порталных

попадается... — он увидел моё лицо и вскинул лапы: — Не сегодня! Даже не думай! Баланс береги, должник!

Счётчик долга одобрительно вздохнул.

— И вот так теперь всегда? — спросил я.

— Шесть суток, двадцать три часа, — подтвердил Млякс.

— Но у меня хорошая новость: я знаю, где брать пепел. Плохая: там, где его берут, обычно кто-то уже стоит и тоже его берёт.

Он не договорил, потому что терминал в зале коротко взвыл — я такого звука у него ещё не слышал, — и по стенам, по всем сразу, пробежала рыжая рябь, как по воде от брошенного камня.

[Внимание.][К точке привязки входа приближается существо.][Ранг: В.][Идентификация: демон-охотник.][Цель существования: точка входа.]

Мы с Мляксом посмотрели друг на друга.

— Дверь на стене гаража, — сказал я. — Он нашёл дверь.

— Нашёл, — согласился Млякс. Уши у него легли назад.

— Учужал привязку. Я же говорил: охотники не любят упускать.

— Он может войти?

— Дверь владельца чужим закрыта. Но дверь — это привязка, а привязку можно выгрызть. Не зубами — терпением. Сутки, двое — выгрызет, и тогда у тебя в прихожей будет двести килограммов обиды с руками-скальпелями.

— А дверь? Дверь можно... перевесить? Открыть в другом

месте, а эту бросить?

— Раньше — можно было: пока лимита не снял, вход открывался там, где ты стоишь. Помнишь, на стене гаража? Ты там СТОЯЛ, вот она там и прорисовалась. А теперь у тебя Дом, хозяин. Жилая привязка. Дверь зафиксирована к месту последнего входа намертво — это и есть твой адрес.

— И что, никак?

— Ритуал переноса привязки. Пять тысяч пепла и сутки без двери вообще.

— У меня шестьсот.

— Вот поэтому во всех мирах недвижимость начинается с одного и того же вопроса: «а что у нас с районом». А у тебя с районом теперь двести килограммов с руками-скальпелями.

— А выйти мы можем?

— Можем. Прямо в него.

Я встал с лавки. В новом доме, в котором я не успел посидеть и пяти минут, стало тихо-тихо — только счётчик долга тикал в углу зрения, и где-то там, за межмировой прослойкой, в ночном гараже, кто-то большой и терпеливый начал скрести когтем по рыжему контуру моей двери.

Скрежет я не слышал. Я его чувствовал — как чувствуешь бормашину через два кабинета.

— Млякс, — сказал я. — Сколько, говоришь, пепла дают за охотника?

Млякс медленно повернул ко мне голову.

— Хозяин. Я сейчас скажу фразу, которую младшие рас-

пределители не говорят никогда, потому что за неё лишают премии. — Он сглотнул. — Мне нравится ход твоих мыслей. Но у тебя нет ни одного шанса.

— У меня есть будка.

— Что?

— Пока не знаю. — Я смотрел на дверь и слушал бормашину. — Но у меня есть будка, дом, ложка и шесть суток долга. Человек в моём положении не выбирает, с кем драться. Он выбирает, где.

Скрежет за дверью стал ритмичным. Кто-то там уже понял, что дверь съедобная, — и теперь просто выбирал темп.

Глава 5

Глава 5

— ХОЗЯИН! — Млякс приземлился мне на грудь всеми четырьмя лапами. — ПОДЪЁМ! ОН ДОБРАЛСЯ ДО ДВЕРИ!

Изба вздрогнула от удара так, что с полки спрыгнула ложка, звякнула о кружку и покатила по полу, а я слетел с топчана — вместе с Мляксом, тюфяком и мыслью, что проспал защиту диссертации. Мысль устаревшая, но живучая, как всё в академической среде.

Бум.

— Он начал стучать, — сообщил Млякс. Он сидел на подоконнике косо́го окошка и смотрел в зал. — Час назад скрёб, теперь стучит. Растёт над собой.

Я сел на топчане. Печь прогорела, в избе стояло сытое деревянное тепло, и всё это было бы почти уютом, если бы не два обстоятельства — счётчик [Долг: 2500. Осталось: 6 суток 14:02] в левом углу зрения и звук, с которым двухсоткилограммовый демон вкладывался в мою входную дверь.

Бум. Пауза. Бум.

— Ритм ровный, — сказал я, прислушавшись. — Он не бесится. Он работает.

— Охотники не бесятся. Охотник может стучать неделю. У них где-то в башке шило вместо скуки.

Я вышел из избы в зал. Рыжая рябь расходилась по стенам от каждого удара, как будто всё Пристанище было барабаном, а мы жили внутри. Терминал встретил меня деловитой строкой:

[Целостность привязки входа: 91%.]

— Вчера было девяносто шесть, — сказал Млякс, устраниваясь у меня на плече. — Пять процентов за ночь. Считай сам, у тебя с арифметикой лучше.

— Меньше двух суток.

— Угу. И это он ещё не голодный. Голодный грызёт быстрее.

— А он проголодается?

— Он — нет. Он ест перед охотой. А вот мы...

Про «мы» он мог бы и не уточнять. Завтрак у нас состоял из кипятка. Воду я ещё с вечера нацедил с холодной стены в дальнем углу зала — там, где камень потел конденсатом, я поставил кружку под самую жирную каплю и за час собрал почти полную. Теперь эта добыча, вскипячённая на углях в той же глиняной кружке, была выпита по-братски напополам с демоном, который при этом ворчал, что в приличных мирах даже заключённым дают личинок.

— Между прочим, — сказал Млякс, дохлебав свою половину, — в двадцати метрах от нас лежит пять килограммов свежего мяса.

— Это кусок падалыщика.

— Это стартовый паёк. Он дозрел. Ну, наполовину дозрел.

Наполовину — ещё мясо.

— Я не буду есть падальщика, Млякс.

— А я буду. Я, в отличие от некоторых, не строю из себя высшую форму жизни.

— Ешь. Кто тебе не даёт.

— Совесть. — Он вздохнул. — Если я поем, а ты нет, ты ослабнешь и умрёшь, и я исчезну. Получается, я должен делиться. Ненавижу привязку. Она делает из демона порядочную сволочь.

Еды в Пристанище не было. Вода — только конденсатная, кружка в час, инженерное решение уровня «потерпевший кораблекрушение». Я даже знал, как его улучшить, но все улучшения упирались в одно и то же.

[Модуль «Колодец»: порталная крутка, 200 пепла. Шанс: есть.][Провизия: серые капсулы, 10 пепла. Шанс: есть.]

Шанс есть. Девиз этого мира. Выбить на воротах.

— Ладно, — сказал я. — Разбор ситуации. Вариант первый: сидим внутри. Он грызёт дверь двое суток и однажды догрызёт. Что мы ему противопоставим?

— Ложку.

— Вариант второй: выходим и деремся. Что мы ему противопоставим?

— Ложку. Но на его территории.

— Вариант третий: выходим, убегаем, бросаем Пристанище.

Млякс аж подпрыгнул на плече:

— Ты рехнулся?! Это же недвижимость!

— Согласен, вариант отпадает. Кроме того, п. 11: если я не выплачу долг, Пристанище опишут. То есть беречь его — мой кредитный долг.

— Вот! Наконец-то в тебе проснулась финансовая грамотность.

Бум.

[Целостность привязки входа: 90%.]

Я ходил по залу. Проходя мимо будки, машинально заглянул в окошко — табурет, гвоздь, журнал я забрал в избу. Четыреста лет назад отсюда вышел охранник и не вернулся. Может, умный был. Предвидел.

Думай, Артём Ильич. Ты учёный. У тебя есть — изба, будка, ложка, носок, кружка, шестьсот пятьдесят восемь пепла, демон-распределитель весом семь килограммов и дверь, которую грызут снаружи. Что из этого — оружие?

Я остановился.

Стоп.

Дверь.

— Млякс. Помнишь, как я вносил доски?

— Помню. Ты был похож на бобра, который разорился.

— Система отрезала всё, что сверх пяти килограммов. Верёвку разрежала. Чисто, ровно, без усилия. Она не спросила, где кончается вязанка. Она просто взяла пять кило — и отсекла остальное.

— Ну да. Порог переноса. Стандартная функция... —

Млякс замолчал. Уши его медленно, очень медленно развернулись ко мне. — Хозяин.

— Сколько весит охотник?

— Хозяин-н-н...

— Ну примерно. Двести? Двести двадцать?

— Ты хочешь... — он сполз с моего плеча на пол и посмотрел на меня снизу, и в жёлтых глазах плескался восторг пополам с ужасом, любимый коктейль этой недели. — Ты хочешь пригласить его войти.

— Я хочу открыть дверь. И пусть порог отрежет свои пять килограммов.

— Не отрежет, — Млякс замотал головой. — Хозяин, порог — не мясорубка. Порог — вахтёр. Он сначала спрашивает «кто», потом решает «сколько». Категории — житель — проходит целиком, у него прописка. Гость — целиком, по приглашению владельца. Груз — вот груз да, груз по лимиту, пять кило за цикл. И угроза. Вот с угрозой всё честнее, чем кажется. Порог её не впускает — но «не впускает» не бесплатно. Каждый удар снаружи он держит не воздухом, а собой — целостностью. Видел в терминале строку про целостность привязки входа? Твоя за ночь просела с сотни до девяноста одного. Это он грызёт её, а не доски. Пока целостность есть — для угрозы дверь стена. Целостность в ноль — стена падает, и тогда тот, кто ломился, уже внутри, и порог ему больше не указ.

— И сколько у меня до ноля?

— А вот тут вся соль, хозяин. Целостность держится на двух вещах — на пепле, которым порог сам себя латает, и на УРОВНЕ Пристанища. А у тебя Пристанище нулёвое, заброшенное. Целостность копеечная, регенит по капле. Потому эта туша за ночь и отъела почти десять процентов. Подними дом в уровне — целостность станет крепостной, и такой охотник будет грызть её год и помрёт от старости раньше, чем дойдёт до дерева. А пока не поднял — дом у тебя каменный только на вывеске. Изнутри солома. Толстая, но солома. Поэтому дверь надо гнать и охранять, кормить пеплом, а дом — растить. Иначе однажды проснёшься уже с гостем.

— А если не туша, а кто посерьёзнее? Владыка какой-нибудь?

— Владыка твою целостность снесёт одним чихом, если руки дойдут. Только зарегистрированного игрока Игр в лоб не сносят даже владыки — Игры за такое бьют по лапам, а с Играми не шутит никто, у кого есть что терять. Потому тебя, хозяин, будут не штурмовать, а выманивать, покупать и подставлять. Считай, единственная хорошая новость за сегодня: за тобой придут вежливо.

— Стоп. А как тогда съели прошлого владельца? Терминал писал: «владелец отсутствует, съеден».

— Изнутри, хозяин. Владельцев не штурмуют — владельцев выманивают. Или к ним подселяются. Или их съедают свои же гости, которых они сами объявили. — Млякс поёжился. — Дверь не берут силой. Дверь берут глупостью вла-

дельца. Запиши это на стенке, пригодится.

— Так. — Внутри у меня уже собиралась мысль — я чувствовал её край, как край стола в темноте. — Категорию назначает владелец?

— Владелец. Коснулся, объявил — система записала. Гостя вводишь — «гость». Мешок с досками — «груз»...

— А кто мешает мне объявить грузом его?

Млякс замер с открытой пастью.

— Он живой, — сказал он наконец, слабо.

— Кусок падальщика был мёртвый, и система приняла его как «фрагмент». Значит, ей всё равно, дышит груз или нет. Груз — это не состояние, Млякс, это категория. Категорию назначаю я. — Мысль встала на место целиком, со щелчком. — Я открываю дверь, кладу ладонь на контур и объявляю всё входящее ресурсом. Стартовым пайком. А у ресурса лимит — пять килограммов за цикл. Остальные сто девяносто пять пусть остаются снаружи.

Млякс сел на хвост. Потом встал. Потом опять сел.

— Это... это самое омерзительное применение складского регламента, которое я слышал за двенадцать лет службы.

— Не работает?

— В том и ужас, что работает! Регламент не спрашивает, зачем! — Он вцепился в собственные уши. — Знаешь, что самое противное? Ты рассуждаешь как наш аудитор. Тот тоже говорил «категория — это не мораль, категория — это графа», а потом у трёх колец отобрали печати.

— Значит, — сказал я, и внутри у меня стало спокойно и звонко, как перед хорошим экспериментом, — сегодня мы расширим границы науки.

— Мы расширим границы твоего некролога!

Бум. Бум.

[Целостность привязки входа: 89%.]

Подготовка заняла час. Не потому, что было что готовить, а потому, что Млякс требовал учесть «все сценарии», и на каждый сценарий у него была своя поза скорби. Если порог не сработает — я стою в двух метрах от двери с ложкой (другого металла в доме не было, и да, я держал ложку, как дурак, но с ней было спокойнее). Если сработает наполовину — то же самое, только хуже. Если охотник просунет руку, а не голову — руки у него длиной с меня, отбегаем за будку. Будку мы перетасили ближе к двери — вернее, перетасил я, а Млякс шёл рядом и говорил «левее».

— И последнее, — сказал Млякс. — Когда будешь открывать... не стой напротив. Они бьют в проём на движение. Рука-скальпель, помнишь? Двойной локоть. Он выстреливает её на три метра.

— Откуда знаешь?

— Я в Пределе жил. Охотников дрессируют рядом с распределительными. Для мотивации персонала.

Я встал сбоку от двери — рыжий контур на чёрной стене, тёплый на ощупь, как бок печки. С той стороны — я знал это, чувствовал через камень — стоял тот, кто съел бы меня

ещё вчера, если бы я не был быстрее на одно «да».

Бум.

Изнутри дверь открывалась просто — положить ладонь на контур и захотеть. Интерфейсы этого мира вообще были рассчитаны на существ, которые сначала хотят, а потом думают, — то есть спроектированы с глубоким знанием пользователя.

— Система, — сказал я вслух, для протокола. — Фиксирую: эксперимент номер один. Проверка категорийного учёта на крупном биологическом объекте. Объект: демон-охотник, ранг В, масса оценочно двести килограммов. Гипотеза: категорию входящего назначает владелец, согласие входящего не запрашивается.

— А если гипотеза не подтвердится? — пискнул Млякс из будки.

— Тогда эксперимент засчитывается как проверка гипотезы «охотник ест трижды докторов наук». Тоже результат. Наука не бывает в проигрыше.

— Я напишу это на твоём надгробии!

Бум.

Я положил ладонь на контур. Он был тёплый и ждал.

— Объявляю, — сказал я громко и отдельно, как диктуют под протокол. — Всё входящее через порог до моей отмены — ресурс. Категория: груз. Наименование: стартовый паёк.

[Категория назначена: груз («стартовый паёк»)].[Назна-

чил: владелец.][Открыть дверь?]

— Спасибо, что ведёшь протокол. Да.

Дверь открылась мгновенно и бесшумно — просто в стене возник прямоугольник ночного гаража, запах гари, бензина и мокрого железа. И силуэт.

Он стоял вплотную. Ближе, чем я думал. Три метра сгорбленной массы, лоснящаяся чёрная кожа, безглазая морда с венцом ноздрей-щелей по окружности башки — все щели разом раскрылись, вдохнули — и правая рука-скальпель уже шла в проём, быстрее, чем я успевал не то что отскочить — испугаться как следует.

Порог сработал на входе.

Звука почти не было. Так, лёгкое «щёлк» — как секатор через стебель. Кисть охотника с тремя когтями-лезвиями, ровно отсечённая по запястью, влетела в зал, вращаясь, пролетела мимо моего носа и лязгнула о будку. Из будки заорал Млякс.

[Совместный перенос: до 5 кг.][Принято: фрагмент демона-охотника, 4,9 кг.]

Охотник снаружи издал звук, которого я у демонов ещё не слышал, — недоумение. Гневное, режущее недоумение существа, у которого за всю карьеру ни разу не отнимали части тела при помощи документооборота. Он вдохнул всеми щелями и бросился в проём целиком.

— ЗАКРОЙ ГЛАЗА! — заорал Млякс.

Я не закрыл. Я учёный. О чём жалею.

Порог принял охотника так же вежливо, как принимал доски. Пять килограммов — с головы, строго по лимиту — передняя треть безглазой морды с частью венца ноздрей аккуратно отделилась и упала на пол Пристанища с мокрым стуком. Остальные сто девяносто с чем-то килограммов остались по ту сторону — я видел через проём, как они постояли ещё полсекунды, будто отказываясь подписывать акт приёмки, и рухнули.

[Принято: фрагмент демона-охотника, 5,0 кг.][Отклонено: 194,3 кг.]

Стало очень тихо. Только счётчик долга тикал — этому вообще всё было безразлично.

— Дверь закрой, — слабым голосом сказал Млякс.

Я закрыл. И — по протоколу, наука любит порядок:

— Система. Категорию «всё входящее — груз» отменяю.

[Категория снята.][Хорошая работа со складским учётом, владелец.]

— Она издевается?

— Она хвалит, — сказал Млякс. — Что гораздо хуже.

Я сел прямо на пол, спиной к тёплой стене. Посидел. Посмотрел на ложку, которую всё ещё держал в руке на изготовку, как рапиру.

— Млякс.

— А.

— Я убил демона ранга В дверью.

— Нет, хозяин. — Млякс вылез из будки, подошёл к от-

сечённой кисти и осторожно потрогал её когтем. — Ты убил демона ранга В регламентом. Дверь — исполнитель. Регламент — оружие. Я одиннадцать тысяч раз заполнял формуляр Р-6 и всегда знал, что где-то в нём спрятана смерть.

Прежде чем собирать пепел, я сделал то, что должен был сделать любой уважающий себя химеролог, запертый в межмировом подвале с фрагментами уникальной фауны — пошёл смотреть.

Кисть я поднял первой. Тяжёлая, плотная, тёплая ещё. Три пальца-лезвия, и у каждого у основания — сустав, каких не бывает, — двойная головка, замок с фиксатором, как у складного ножа. Коготь мог встать под нагрузку и запереться намертво. Кто-то это спроектировал. Не вырастил — спроектировал, я отличаю.

— Млякс. У вас в Пределе демоны рождаются или собираются?

— В смысле?

— Вот этот сустав. Он инженерный. Эволюция так не делает — эволюции лень, она берёт что было. А тут кто-то делал с нуля и с расчётом.

— Демоны как демоны, — Млякс пожал плечами всем телом. — Из яиц, из кладок, из ям. За охотников не скажу, охотников привозят.

— Откуда привозят?

— Оттуда, откуда привозят. Хозяин, есть вопросы, от которых у младшего персонала портится сон.

Я отнёс кисть в избу и положил на полку — рядом с ложкой, между кружкой и носком. Полка приобретала характер. Не «начало империи», а начало коллекции — образец номер один. Когда-нибудь — когда у меня будет миллион двести пятьдесят тысяч пепла — этому образцу найдётся стол, инкубатор и банк тканей. А пока пусть лежит. Наука начинается не с лаборатории. Наука начинается с того, что кто-то не выбросил интересный кусок.

— Ты положил руку демона рядом с посудой, — заметил Млякс.

— Это не посуда. Это натюрморт.

Пепел собирать пришлось в два приёма — сначала то, что внутри, — с куска морды насыпалось скромно, [Получено: пепел — 12], — а за остальным пришлось выходить. Туша лежала у стены гаража, привалившись к моей двери, как будто и после смерти не оставляла служебного рвения. Осыпалась она долго, красиво, крупными хлопьями.

[Убит: демон-охотник, ранг В.][Получено: пепел — 187.]

Прежде чем туша осыпалась до конца, я успел главное — снять шкуру со спины и боков. Не всю, на всю не было ни времени, ни навыка — три больших лоскута той самой лоснящейся чёрной кожи, которая держала когти падальщиков, как брезент — морось. Резал ложкой, заточенной о бетон (в опись пошло: «инструмент хирургический, столовый»), и Млякс комментировал каждое движение словом «мерзость», не отходя, впрочем, ни на шаг.

— Это ресурс, Млякс. Обивка, ремни, накладки на локти. В апокалипсисе не бывает трупов — бывают незаготовленные материалы.

— Ты цитируешь меня. Я это говорил над твоим первым падальщиком. «Это не труп, это ресурс».

— Учусь у лучших.

— Я польщён и оскорблён одновременно. Так и запишем.

Лоскуты пришлось вносить в три приёма — порог педантично отвешивал по пять кило, — и на третьем заходе система разродилась комментарием, которого я у неё не заказывал:

[Отмечена заготовка материалов.][Начисление за собирательство: пепел — 6.]

— Она платит за сбор?!

— Она платит за всё, что снижает её расходы на тебя, — пожал плечами Млякс. — Сбор, заготовка, производство. Копейки, но капает. А ты думал, почему падальщики такие живучие? У них это основной доход.

— Сто восемьдесят семь, — сказал я, глядя, как цифра на балансе перещёлкивается на восемьсот пятьдесят семь. — Плюс двенадцать. Почти двести за одну дверь.

— За одну гениальную дверь, — поправил Млякс. Он ходил вокруг оседающей туши кругами и что-то высматривал. — Так. Ага. Вот.

В пепле, там, где у охотника была грудь, лежали две капсулы — синие, глянцевые — и ещё что-то — плоский костя-

ной свисток на ремешке, с дыркой посередине и вырезанной на боку мордой гончей.

[Получено: Манок гончих, 1 шт.][Синяя капсула × 2.]

— Манок, — сказал Млякс с уважением. — Охотничий.

Этим он гончих звал. Рабочий инструмент, между прочим, дорогой.

— То есть я могу... звать гончих?

— Ты можешь звать гончих. Вопрос, зачем тебе гончие.

Обычно вопрос ставят наоборот.

Я повесил манок на шею — к науке ближе, разберёмся — и вскрыл синие, не отходя от кассы. Из первой выпала аптечка — армейский подсумок с человеческой маркировкой, бинты, жгут, что-то ампульное. Со складов затянута, как и было сказано.

— Слушай, а людям не жалко? Это же чей-то склад.

— Система не ворует, — оскорбился Млякс. — Система перераспределяет. Со склада, который завтра сгорит, в руки, которые сегодня живы. У нас за такую логистику дают премии.

— А кто решает, что склад сгорит?

— Статистика. У статистики сейчас хорошая неделя.

Из второй капсулы выпала фляга. Полная. Я отвинтил, понюхал — вода. Обычная, чистая, полторы кружки воды.

Мы разделили её торжественно, как на вручении премии. Пили из кружки по очереди, и Млякс перед каждым глотком нюхал воду с видом сомелье.

— За регламент, — сказал я.

— За недвижимость, — сказал Млякс. — И за то, что из всех людей мне попался тот, кто читает мелкий шрифт.

— Это тост?

— Это диагноз. Но звучит как тост.

И тут в правом верхнем углу зрения — не там, где долг, у долга был свой угол, обжитый, — вспыхнула новая строка. Я поперхнулся водой.

[Второй пользователь Земли обнаружен.][Расстояние: 340 м.][Статус: критический. Угасание.]

— Млякс.

— Вижу. — Он уже стоял на задних лапах, уши торчком.

— Ну вот и всё, хозяин. Кончилась твоя монополия.

— Что значит «угасание»?

— То и значит. Помирает твой коллега. Система пользователей чует, пока в них жизнь теплится. Погаснет — строка исчезнет.

— И система мне это показывает, потому что...

— Потому что ты первый. Первому показывают всех.

Привилегия.

Триста сорок метров. Я посмотрел на дверь, за которой оседал пеплом самый опасный демон этого квартала — уже мёртвый, уже мой, уже в балансе. Ночь снаружи стояла типовая — пожары, сирены где-то на юге, небо в красных швах. Где-то там, в трёхстах сорока метрах, умирал второй человек, который видел цифры в воздухе.

— Это может быть ловушка, — сказал Млякс без убеждения.

— Может.

— Это может быть кто угодно. Бандит. Псих. Чиновник.

— Может.

— И мы всё равно идём, да?

Я уже затягивал на себе халат и рассовывал по карманам аптечку.

— Млякс, у меня в этом мире один коллега, и он умирает в пяти минутах бега. Вопрос «идти или нет» наука не рассматривает. Наука рассматривает вопрос «успеем ли».

[Статус: критический. Угасание.]

Строка мигнула. Расстояние не изменилось — а вот слово «критический» стало на глазах тусклее, как будто выцветало вместе со своим хозяином.

Мы побежали. Дверь я захлопнул на ходу, манок бил меня по груди, Млякс скакал рядом по перевёрнутым машинам, срезая, и орал, чтобы я не срезал через дворы, потому что в дворах после заката живут не дворы. Триста сорок метров. Девяносто секунд, если по прямой. Если по прямой никого нет.

Строка в углу зрения выцвела ещё на тон.

Вопрос, который я не давал себе додумать, стучал в такт подошвам. Систему я увидел, когда охотник начал умирать. А сколько она молчала и смотрела до этого — и на скольких таких, как я?

Глава 6

— НАЛЕВО! — орал Млякс с капота перевёрнутой «газели». — В арку не лезь! Там гнездовье!

Я свернул, не сбавляя хода, перемахнул через рекламный щит, лежащий поперёк тротуара, и чуть не расстался с жизнью самым глупым из доступных способов: поскользнулся на россыпи мелочи из разбитого банкомата. Деньги. Кто-то всё-таки грабанул банкомат в конец света — и бросил добычу через двадцать метров, поняв то, что я понял за одну ночь: валюта сменилась.

[Второй пользователь Земли. Расстояние: 120 м.]

[Статус: угасание.]

Строка была уже не тускнеющая — серая. Как экран телефона на последнем проценте.

В арке, мимо которой мы пролетели, что-то шевелилось — много чего-то, слитно, как каша на медленном огне, и оттуда тянуло сладковатой тухлятиной. Гнездовье. Я очень постарался не разглядеть подробностей и впервые в жизни преуспел в ненаблюдательности. Наука подождёт. Наука вообще терпеливая, в отличие от строки в углу зрения.

— Быстрее! — Млякс нёсся уже по крышам гаражей. — Она сереет!

— Я вижу, что она сереет!

— Так беги так, будто это твоя строка!

Сто двадцать метров — это двор, ещё двор и дом с подъездами. Дворы чужие, проходные, а вот дом я узнал: девятиэтажка, песочница, мой персональный кратер у песочницы, уже обжитый лужей. Дом с балконами.

— Млякс! Это же...

— Дом твоего поклонника, — выдохнул Млякс. — Который «учёные посыпались».

— Погоди. Если он выживет... — сообразил я на бегу. — Ты говорил, охотника я объявил грузом. А человека? Человека можно объявить... кем-то?

— Можно! Как с охотником, только наоборот! — Млякс скакал по капотам. — Охотника ты объявил грузом — а живого человека можешь объявить ЖИТЕЛЕМ: провести через дверь, коснуться и объявить. Если он согласен — система запишет. Прописка, хозяин! Демоническая прописка! Только учти: изба у тебя одна, а изба держит двадцать душ, больше система не регистрирует — дальше строй вторую.

— Почему двадцать?

— Потому что норматив! Не я его писал! Скажи спасибо, что не восемь!

Подъездная дверь была выломана внутрь — не выбита, а именно выломана, косяк вместе с коробкой. На ступенях, привалившись к перилам, лежал падальщик со свёрнутой шеей. Второй валялся пролётом выше, и у этого в глазнице торчала отвёртка. Обыкновенная крестовая отвёртка с резиновой ручкой.

— Он отбивался, — сказал я.

— Он отбивался инструментом, — с уважением сказал Млякс. — Растёт же где-то такая порода.

Его мы нашли на площадке четвёртого этажа, у двери его квартиры. Тот самый — с балкона, в тех же трениках и в майке. Он сидел, привалившись к стене, и выглядел плохо: по левому боку майка пропиталась тёмным, лицо серое, губы серые. Рядом валялся молоток. На двери напротив, на уровне человеческой груди, было четыре борозды от когтей.

Глаза он открыл, когда я присел рядом.

— А, — сказал он тихо. — Учёный. Который падает.

— Он самый. Лежи, не разговаривай.

Я уже разгружал аптечку. Рана была рваная, длинная, через рёбра — коготь прошёл вскользь, но глубоко, и крови он потерял столько, что по-хорошему ему полагался стационар, а не лестничная клетка. Я вколол ампулу — судя по маркировке, что надо, — затампонировал, повёл жгутом под рёбра, как учили на курсах тактической медицины, которые я проходил ради полевых экспедиций и на которых инструктор говорил: «Учёные — самый живучий контингент. Их жаба душит умирать, не опубликовавшись».

— Тварей было три, — сообщил он потолку, пока я работал. — Двух я уложил. Третья зацепила и ушла. Обиделась, наверное.

— Молотком и отвёрткой. Двух.

— Ну а чем. Ружьё в сейфе, сейф в гараже, гараж в Там-

bove. — Он скосил глаз на Млякса. — А это твой?

— Это Млякс. Он... консультант.

— Финансовый, — уточнил Млякс.

— А. — Мужик прикрыл глаза. — Значит, тоже видишь.

Буковки эти. В воздухе.

Мы с Мляксом переглянулись.

— Какие буковки, отец?

— Не отец я тебе, я Геннадьич... Такие. В скобочках. —

Он говорил всё тише. — Как в бухгалтерии. «Пользователь номер два»... «пепел»... У меня его четыреста тридцать, между прочим. Пепла этого. А потратить некуда. Хожу как дурак с полным кошельком мимо закрытого магазина...

Голос сел совсем. Строка в моём углу зрения мигнула.

[Статус пользователя 2: угасание. Критическое.]

— Млякс, — сказал я. — Почему он не может тратить?

— Потому что у него нет распределителя! — Млякс уже приплясывал рядом, хвост ходил кругами. — Система доступ раздала, а инфраструктуру не завезла! Он копит вхолостую! Хозяин, спроси его, согласен ли он...

— На что?

— На обслуживание! Я могу его обслуживать! Распределитель может вести до пяти клиентов, это в регламенте, мне только нужно согласие первичного держателя — твоё — и клиента — его!

— И что ему это даст?

— Крутки! Аптечки! Синие капсулы! Он умирает с че-

тырьмя сотнями на счету, это даже не трагедия, это бесхозяйственность!

Я наклонился к мужику.

— Геннадьич. Слышишь меня? Этот серый может открыть тебе магазин. Прямо сейчас. Согласен?

— А процент? — прошелестел Геннадьич, не открывая глаз.

Умирает. Кровью истекает. Спрашивает про процент. Я почувствовал к этому человеку глубокое профессиональное уважение.

— Десять, — быстро сказал Млякс.

— Три, — прошелестел Геннадьич.

— Восемь! Это грабёж, но у тебя тяжёлое положение!

— Пять. И я никому не скажу... что тебя человек носком переторговал.

— При чём тут носок?! Откуда ты знаешь про носок?!

— Я не знал. Теперь знаю... — уголок серого рта дрогнул.

— Пять?

— Пять, — сдался Млякс с чувством, которое у людей называется «хоть кто-то в этом мире меня понимает». — Клиентский договор: обслуживание круток, комиссия пять процентов, оферта принята при свидетеле. Не умирай минуту, мне нужна твоя капля крови.

Дальше произошло то, что я потом записал как первый в истории Земли сеанс экстренной коммерческой медицины. Млякс принял каплю крови, скрутился, выдал синюю кап-

сулу — [Списано: 30. Комиссия распределителя (5%): 1,5. Округлено: 2. Баланс клиента: 398] — из капсулы выпала аптечка, вторая ампула ушла Геннадьичу в плечо, и через десять минут серые губы порозовели, а строка в моём углу зрения сменилась:

[Статус пользователя 2: стабилизирован.]

— «Округлено — два», — прохрипел Геннадьич, не открывая глаз. Первое, что он сказал, вернувшись с того света. — Полтора округлили до двух. В чью пользу?

— В пользу округляющего, — с достоинством ответил Млякс. — Стандарт отрасли.

— Я это запомнил.

— Ну вот, — удовлетворённо сказал Млякс. — Первый клиент. Живой, скандальный, следит за копеечкой. Восемь лет мечтал о таком портфеле.

— У тебя комиссия пять процентов с умирающего.

— У меня комиссия пять процентов с живого. Почувствуй разницу. Мёртвые клиенты комиссию не платят — это, если хочешь, главный этический принцип нашей профессии.

Геннадьич сел удобнее, посмотрел на свой бок, на пустую аптечку, на Млякса — долгим взглядом человека, пересматривающего картину мира.

— Ладно, — сказал он наконец. — Демоны с процентами. Могло быть хуже. Могли быть с ипотекой.

Я вежливо промолчал про свой счётчик долга.

Уходить сразу не получилось: Геннадьич, встав на ноги

(шатало, но стоял — ампулы работали), первым делом сказал «стоп» и полез в квартиру. Вернулся с рюкзаком, монтировкой и — я не поверил глазам — с термосом.

— Чай, — пояснил он. — Если конец света, это ещё не повод.

— Геннадьич, ты кем работал?

— Электромонтёр шестого разряда. Тридцать лет по подвалам и крышам. А что?

— Да так. Прикидываю штатное расписание.

По дороге вниз он подобрал свою отвёртку — вынул из глазницы падальщика спокойно, как из розетки, — вытер о штанину твари и убрал в карман. Хозяйственность этого человека внушала трепет.

А на выходе из двора я остановился. Подвальное окошко — то самое, прямок и решётка, — было в двадцати метрах. «Тихо, тихо, спит». Прошлой ночью Млякс сказал: не надо, у них всё хорошо. С тех пор по этому кварталу прошли гончие, охотник и стая падальщиков, двух из которых упокоил электромонтёр шестого разряда.

— Хозяин, — начал Млякс, проследив мой взгляд. — Я знаю, что ты хочешь сделать.

— И?

— И у нас уже есть раненый, комиссия и долг. Куда тебе ещё?

— Там ребёнок, Млякс.

— Откуда ты знаешь?

— «Тихо, тихо, спит». Так говорят только про детей.

У окошка я присел и постучал по решётке — три раза, медленно, костяшками. Изнутри замерли. Потом женский голос, ровный от усталости до звона:

— Уходите. У нас ничего нет.

— Мне ничего не надо. Я врач... почти врач. У меня есть еда и безопасное место. — Пауза. Я добавил: — И у меня самого руки трясутся, если это важно.

Тишина. Потом другой голос, тонкий:

— Вер, а у дяди правда есть еда?

— Тихо, Сонь...

— У дяди, — честно сказал я, — есть демон, который умеет доставать еду. Звучит плохо, понимаю.

За решёткой посовещались. Лязгнул засов на подвальной двери за углом, и наружу выглянула девушка лет двадцати — тёмный хвост из-под капюшона, спортивная куртка не по размеру поверх маечной тонкости, кухонный топорик в опущенной руке. По тому, как она его держала, было ясно: пользоваться пока не пришлось, но решение принято давно. И ещё было ясно, что до конца света она собирала взгляды, не собираясь их возвращать, — такие лица фотографируют для обложек, а не для пропусков. За её ногу держалась девочка лет шести и смотрела на Млякса круглыми глазами.

— Вера, — сказала девочка шёпотом на весь двор. — Это котик?

— Я не котик, — с достоинством сказал Млякс.

— Котик, — уверенно повторила девочка.

— Я младший распределитель Седьмого... — Млякс встретился с ней глазами, увял и закончил: — Ну, в целом, котик. Специализированный.

Звали её Вера, и девочка была ей не дочерью — сестрой. Это выяснилось с первых слов и сразу объяснило всё: и топорик, и взгляд, и то, как она стояла между нами и Соней, не замечая, что стоит. Слушала она молча, смотрела то на меня, то на Геннадьича — на Геннадьича дольше, и я её понимал: окровавленный мужик с термосом внушает странное, но всё же доверие, — а в конце спросила только:

— Почему вы нас зовёте? Вы нас не знаете.

Я мог бы рассказать про квест, которого не было, или про совесть, которая была, но с людьми, которые двое суток просидели с ребёнком в подвале, работает только правда.

— Потому что мне сказали, что каждый спасённый ест, пьёт и создаёт проблемы. Хочу проверить.

Вера посмотрела на меня ещё секунду. Потом убрала топорик в рюкзак.

— Проблемы будут, — пообещала она.

По дороге к гаражам мы прошли мимо «Продуктов» с выбитой витриной — целых, нетронутых, со стеллажами в глубине, — и я почувствовал, как хозяйственник во мне заскулил в голос. Консервы. Соль. Спички, в конце концов.

— Даже не смотри, — сказала Вера, перехватив мой взгляд. — У нас раненый на плече и ребёнок за руку.

— Две минуты. Один заход...

— В магазинах теперь живут, Артём Ильич. Мы все эти ночи слушали из подвала, кто в них селится. Дойдём до вашей двери — потом хоть весь район собирайте. С сопровождением.

Она была права, и хозяйственник во мне заткнулся, скуля. Я мысленно поставил на «Продуктах» зарубку: вернуться. С дубинкой, сворой и мешками.

В остальном до гаража добрались без приключений, если не считать, что Соня по дороге насчитала «четыре страшных дяди» (три трупа падальщиков и один дорожный знак), а Геннадьич дважды останавливался передохнуть и оба раза делал вид, что осматривает местность. У рыжего контура на гаражной стене все замерли.

— Это дверь, — сказал я. — За ней безопасно. Правда, выглядит там... своеобразно.

— Хуже подвала? — спросила Вера.

— Просторнее.

Порог пискнул на Веринем рюкзаке — [Перенос: 5,0 кг, отклонено: 3,2 кг] — и мы втащили остальное в два приёма.

— А люди, значит, целиком проходят, — заметил Геннадьич, оглядываясь на дверь. — Люди больше пяти кило весят.

— Жильцы не груз, — объяснил Млякс. — Жильцы — актив. Активы проносятся без ограничений.

— Тридцать лет живу. Первый раз слышу, что я актив.

— Привыкай. Тебя ещё и амортизировать будут.

Соня прошла последней, держась за Верину руку, увидела зал — рёбра свода, рыжие светильники, изба посреди черноты — и вынесла вердикт, который я бы поставил эпитафией ко всей этой истории:

— Как у бабушки, только в аду.

Дальше полагалась процедура — Млякс называл её «регистрация», я про себя называл честнее: присяга дому. Я объяснил как есть, без сказок: это место — моё, оно живое, оно считает всех, кто в нём. Жителем становишься добровольно: я касаюсь плеча, объявляю — система записывает. Житель проходит порог свободно, житель под защитой, жителя дом видит. Не хочешь — живи гостем, никто не выгонит, но и прописки нет.

— А выписаться можно? — спросила Вера. Правильный вопрос человека, который уже один раз доверилась двери с надписью «безопасно».

— Можно, — сказал Млякс. — В любой момент, по своему слову. Система рабство не оформляет. У неё на рабство отдельный прејскурант, и это не наш отдел.

— Утешил.

Я коснулся плеча Геннадьича:

— Житель.

[Житель зарегистрирован: Геннадий. 2/20.]

— Почему два? — спросил Геннадьич.

— Первый — я. — Млякс гордо задрал обломанный рог.

— Привязанные проходят вне очереди.

Вера подставила плечо молча. Соня — сама, раньше, чем я наклонился: подпрыгнула под ладонь.

— И меня! И рыбку потом! И Федю... а Феди у нас ещё нет, ну неважно, потом!

[Жителей: 4/20.]

[Поздравляем с началом заселения.]

— Двадцать, — Вера посмотрела на цифру, потом на избу.
— А если станет двадцать первый?

— Строим вторую избу, — сказал я. — Один дом — двадцать душ. Стратегия у этой системы тупорылая, как табурет, но честная.

Геннадьич обошёл избу кругом, потрогал брус, заглянул в печь, хмыкнул. Потом увидел будку.

— А будка зачем?

— Выпала.

— Понятно, — сказал он так, как будто ему правда было понятно, и это почему-то успокаивало лучше любых объяснений. — Проводки, я так понимаю, нет никакой. А светильники горят. Разберёмся, что у них тут за фаза.

Дальше начался быт — и я в очередной раз убедился, что быт сильнее апокалипсиса. Вера за десять минут провела в избе инвентаризацию, нашла на полке мой натюрморт и молча, одним движением брови, потребовала объяснений по каждому пункту. Ложка вопросов не вызвала. Носок вызвал. Кисть охотника она разглядывала долго, потом спросила:

— Это обязательно держать рядом с кружкой?

— Это образец номер один.

— У меня сестра. Ей шесть.

— Она уже видела, — честно сказал я. Соня в этот момент как раз стояла на лавке и рассматривала кисть с восторгом естествоиспытателя. — И, судя по всему, перенесла лучше нас всех.

— Вер, смотри, у него пальчики складываются!

— Переложу на верхнюю полку, — сдался я.

Потом был ужин, и на ужин пришлось крутить — при всех, потому что скрывать источник еды в одной комнате всё равно не выйдет. Я объяснил как мог: демон выдаёт шарики, в шариках бывает еда. Вера выслушала с лицом человека, который решил откладывать вопросы на мирное время. Геннадьич кивнул: «Автомат с кормами, ясно». Млякс оскорбился на «автомат», но комиссия примирила его с формулировкой.

Первая серая: [Получено: Гирлянда ёлочная, 1 шт. Работает.]

— Мусор, — вздохнул Млякс. — Бывает. Статистика.

— Это не мусор, — строго сказала Соня и забрала гирлянду себе.

Вторая серая: [Возврат: пепел — 20.]

— А это что было?

— Пустышка. Система вернула сдачу. — Млякс развёл лапами. — Скажи спасибо: раньше не возвращала, но у первого пользователя тариф с человеческим лицом.

Третья серая: [Получено: Тушёнка говяжья, 3 банки.] Вот теперь — аплодисменты, переходящие в овацию.

Третью серую я крутить не стал, хотя рука тянулась — я поймал её на полпути к рычагу и вернул в карман. Две банки тушёнки разогрели на печи, ложка была одна на всех, и ели по кругу, передавая, и это было самое цивилизованное, что происходило со мной за последние трое суток. Гирлянду Соня растянула по стене избы, Геннадьич без единого инструмента нашёл, куда её подцепить, и в избе стало похоже на новый год в бомбоубежище. Уютно. Не спрашивайте, как это работает.

За ужином и рассказали друг другу всё по-честному. Я — про портал, Вельфея, капсулы и дверь, которая режет по пять килограммов (Геннадьич уточнил: «А если ногу просунуть?» — и я зауважал его ещё раз: правильный вопрос, я сам два часа об этом думал). Вера — короче всех, ровным голосом, глядя в стол: мать погибла в первую ночь, при них, во дворе — не успела до подвала. Отец на вахте на севере, связи нет. Остались вдвоём с Соней: подвал, банки, топорик. Про топорик она сказала одной фразой: «Решила, что если открою дверь — то первой». Соне сказано, что мама уехала за папой. Соня, судя по глазам, знала правду и берегла сестру от неё. Соня спала у неё на коленях, обняв гирлянду.

А потом я рассказал про долг. Полностью: тысяча, две с половиной, семь суток, Взыскатель, пункт одиннадцатый.

Стало тихо. Геннадьич поставил кружку.

— То есть если не соберёшь, — сказал он, — опишут вот это всё. Вместе с нами.

— Вас не опишут. Имущество — моё. Вы жильцы.

— Жильцы описанного имущества. — Он покачал головой. — Знаешь, я тридцать лет в ЖЭКе. Я видел, как приходят за неплательщиками. Схема одна что у людей, что у чертей, только у чертей, подозреваю, исполнение лучше. Сколько тебе не хватает?

— Тысячи шестьсот. Плюс жить на что-то.

Геннадьич пожевал губами, посмотрел на спящую Соню, на Веру, на гирлянду. Потом сказал:

— Мои четыреста — в дело. Под расписку.

— Геннадьич...

— Под. Расписку. — Он ткнул пальцем в Млякса. — Этот пусть оформит. Как положено: сумма, срок, подписи. Я не благотворитель, я вкладчик. С паем в этой избе.

— Оформлю! — Млякс уже светился. — Долевое участие! Первый раз в жизни оформляю долевое участие в Пристанище, коллеги, это исторический документ!

И тут Пристанище дрогнуло. Не от удара — изнутри, мягко, как вагон, тронувшийся с места. Терминал в дальнем конце зала засветился весь, сверху вниз, и строки пошли одна за другой, крупно, так, что видели все — судя по тому, как Вера прижала к себе Соню, а Геннадьич потянулся к отвёртке:

[Обнаружено: устойчивая группа жильцов.]

[Пользователей: 2. Жителей: 4.]

[Статус объекта повышен: Пристанище Поселение.]

[Название по умолчанию: «Пристанище Ноль».]

[Поздравляем, владелец.]

— О, — сказал Млякс. — Статус растёт. Это хорошо. Это доступ к модулям поселения, к колодцу, к...

Он осёкся. Следующая строка выползла медленнее остальных — как будто система сама не торопилась её показывать:

[Внимание.]

[Объекты статуса «Поселение» подлежат учёту.]

[Запись внесена в Единый реестр Предела.]

Млякс стоял и смотрел на эту строку, и уши его опускались медленно, как флаги.

— Млякс. Что такое Единый реестр Предела?

— Это список, — сказал он тихо. — Всех поселений во всех мирах. Его ведут в канцелярии владык. Его читают владыки.

— Все владыки?

— Все, у кого есть доступ. — Он повернулся ко мне, и жёлтые глаза были совсем круглыми. — Вельфей входит в пятёрку держателей реестра нашего анклава, хозяин. Твоё Пристанище только что само отправило ему открытку с обратным адресом.

Соня — она проснулась от общего молчания, дети всегда просыпаются от молчания — дёрнула сестру за рукав и спро-

сила шёпотом:

— А кто такой Вельфей?

Никто ей не ответил. В тишине потрескивали дрова в печи, мигала ёлочная гирлянда, и тикал у меня в углу зрения счётчик долга: шесть суток, ноль часов, одиннадцать минут.

Найдёт ли нас Вельфей — такого вопроса больше не существовало. Существовал другой, и я гонял его по кругу, глядя на строку реестра: кто постучит в мою дверь первым — владыка или Взыскатель?

Глава 7

— НЕ СОГЛАШАЙСЯ! — заорал Млякс раньше, чем я дочитал первую строку.

— Я ещё даже не понял, на что.

— Вот именно поэтому!

Строки висели над терминалом — появились через час после того, как реестр Предела получил открытку с нашим адресом. Система выдержала паузу, как хороший коммивояжёр, дала осознать проблему — и постучалась с решением:

[Уведомление для владельца поселения.]

[Ваши данные внесены в открытые реестры. Уровень внимания к вам: повышен.]

[Рекомендация: соответствуйте вниманию.]

[Персональное предложение: Испытание первого класса.]

[Класс: Создатель существ.]

[Стоимость входа: 400 пепла.]

[Награда: определяется результатом.]

[Время прохождения: 10 часов. Время снаружи: 10 минут.]

— Так, — сказал я. — По порядку. Что такое испытание?

— Данж, — мрачно сказал Млякс. — Отдельный карман пространства с задачей внутри. Зашёл, выполнил, вышел. Или зашёл и не вышел, тогда награда не положена, зато положено место в статистике.

— А «класс»?

— Специальность. Официальная, системная. Класс открывает ветку: свои предложения, свои инструменты, свои испытания дальше. У людей классов не было никогда, потому что у людей и системы не было никогда. — Он забегал по столу. — Хозяин, это опять оно. Витрина под клиента. Она знает, что ты за существо, и вешает перед тобой именно ту морковку, за которой ты полезешь в любую дыру. «Создатель существ»! Она же тебе даже название подобрала по мечте!

— Название хорошее, — сказал я честно.

— ВОТ ИМЕННО!

Совет был короткий. Вера сказала «а если это ловушка» — и сама же ответила: «хотя у них всё ловушка, вопрос цены». Геннадьич спросил, что за десять минут может случиться с поселением, получил ответ «ничего, что не решат засов и две монтировки» и кивнул. Млякс поднял единственный процедурный вопрос:

— Кто выдаёт награду, хозяин? Чья касса?

— А это важно?

— Это всегда самое важное. Испытания первого класса — старьё, их не проводили... — он пошевелил ушами, вспоминая, — очень давно. Если касса живая — значит, кто-то её заново открыл. Под вас.

Мы все помолчали. Слово «под вас» повисело в воздухе и никуда не делось.

— Четыреста пепла, — сказал я. — Десять минут снару-

жи. Постоянная специальность и награда по результату. Если за мной смотрят — я предпочту, чтобы смотрели на вооружённого. Плачу.

[Оплата принята.]

[Сопровождающий назначен.]

[Испытание начнётся через: 00:01:00.]

— Сопровождающий? — успел спросить я, и воздух рядом с терминалом сложился в демона.

Небольшого, аккуратного, в сером форменном балахоне с эмблемой, которую я не знал, а Млякс, судя по звуку, знал: за моей спиной раздался звук, каким счёты падают со стола. Демон был немолодой — это читалось не по коже, а по манере: он стоял так, как стоят те, кому некуда торопиться уже пару тысяч лет. В лапах — планшет из кости.

— Экзаменатор, — представился он голосом усталого лектора. — Отдел испытаний. Испытуемый — вы? — Он посмотрел на меня, потом в планшет. — Ильин. Первый пользователь. Так-так. Наслышаны. Это вы дверью охотника?

— Регламентом.

— Коллеги оценили. — Он сделал пометку. — Правила простые. Внутри — полигон: лаборатория коллеги Зурршвана. Коллега Зурршван... — он сверился с планшетом, — да, с тремя «р», вечно путаю... был создателем существ. Давно. Полигон собран из его наследия. Ваша задача: войти, выжить, дойти до сердца лаборатории и выйти через выходную арку. Время: десять часов внутренних. Убивать обитателей

можно. Договариваться можно. Убегать можно и рекоменду-
ется. Вопросы?

— Что значит «был»?

— Хороший вопрос, — одобрил экзаменатор. — За него полагался бы балл, если бы начисление уже шло. Съеден. Собственными созданиями. Это, к слову, профессиональ-
ный финал восьми создателей из десяти, о чём вам как пре-
тенденту на класс полагается знать до входа. Ещё вопросы?

— Сопровождение — это вы?

— Я наблюдаю и фиксирую. Не помогаю, не мешаю, не спасаю. Считайте меня... — он поискал слово, — комиссией.

— О, — сказал я. — С комиссиями у меня богатый опыт.

— Наслышаны, — повторил экзаменатор, и мне показало-
сь, что под форменным капюшоном что-то дрогнуло в сто-
рону улыбки.

— Десять минут, — сказала Вера. Она стояла у избы, скрестив руки, и смотрела на меня так, что становилось ясно: секундомер уже запущен. — Я засеку. На одиннадцатой начну ломать терминал.

— Терминал не виноват.

— Вот и возвращайся вовремя, чтобы мы это не проверя-
ли.

— Дядь Артём! — Соня высунулась из-за Вериной ноги. — А если там будут котики — не бей их! Может, они просто голодные!

— Там будут химеры, Сонь.

— Ну я и говорю.

— Испытание начинается, — сказал экзаменатор.

Мир сложился, как складывается лист бумаги, — и развернулся другим помещением.

Лаборатория Зурршвана была... Знаете, я двадцать лет прожил в лабораториях и думал, что видел всякое: виварии на триста клеток, криохранилища, операционные с наследственным запахом. Это было другое. Зал уходил вверх на десятки метров, и весь его объём занимали ёмкости — стеклянные, костяные, перепончатые, от колбы до цистерны размером с автобус. В части из них что-то плавало. В части — что-то плавало и смотрело. Между ёмкостями шли мостки, столы, инструментальные стойки, и всё это заросло тем особым лабораторным хаосом, по которому сразу видно: хозяин умер внезапно и не прибрался.

[Испытание первого класса: «Наследие создателя».]

[Задача: достигнуть сердца лаборатории. Выйти живым.]

[Время: 10:00:00.]

[Совет: создатель познаётся не по тому, что он создал. По тому, что он понял.]

Первые полчаса я не шёл к сердцу лаборатории. Первые полчаса я читал.

Потому что на столах лежали журналы. Рабочие журналы Зурршвана — на демоническом, но со схемами, а схемы интернациональны: сочленения, узлы, кровотоки, точки сборки. Я стоял над чужими чертежами чужих существ и чув-

ствовал то, что не с чем сравнить: я двадцать лет считал себя одиноким сумасшедшим, а у меня, оказывается, были коллеги. Тысячи лет назад. С тремя «р».

— Испытуемый, — напомнил экзаменатор от дверей. — Время идёт.

— Время — расход, — сказал я, не отрываясь. — Информация — актив.

Он сделал пометку. Длинную.

Обитатели полигона начали проявляться на втором часу, и это были они — химеры Зурршвана, точнее, их одичавшие потомки: существа, собранные из логики и кошмара в разных пропорциях. Первую я встретил на мостках: шестиногое, с панцирем краба и головой, в которой угадывался волк, если волка проектировал комитет. Она шла на меня боком, по-крабьи, и я успел заметить главное — шов. Настоящий сборочный шов по панцирю, след старой операции: тварь была не рождена, а собрана, и собрана вот здесь.

Дальше я делал то, что делал всю жизнь, только быстрее и с более высокими ставками: смотрел, понимал, использовал.

Крабоволк атаковал клешнёй — правой, всегда правой, потому что левая была установлена позже и хуже иннервирована (шов грубее, движение с запаздыванием на четверть секунды). Я ушёл влево, под слепую сторону, и столкнул на него инструментальную стойку. Пока он выбирался — ушёл.

Тварь-фильтратор в затопленном ярусе ловила движение по волне. Я шёл, толкая перед собой пустую колбу на верёвке

из жгута: колба рябила воду в трёх метрах впереди меня, и фильтратор бил по колбе. Четыре раза.

— Испытуемый, — не выдержал экзаменатор на четвёртом. — Вам не совестно?

— Перед кем?

— Перед ним. Он же старается.

— Я оставлю ему колбу. Будет игрушка.

— Отмечаю: «гуманность, нестандартная». — Скрип пера. — Или «жадность к собственным конечностям, стандартная». Формулировку выберу позже.

На пятый удар мне стало фильтратора почти жалко. Колбу я действительно оставил.

— Вопрос, — сказал я, отдышавшись за стеллажом. — Эти существа тысячи лет живут в замкнутом кармане. Чем они питаются?

— Полигон самодостаточен, — ответил экзаменатор. — Нижние ярусы производят биомассу, верхние её потребляют. Замкнутый цикл.

— То есть Зурршван построил экосистему. Искусственную. Устойчивую. На тысячи лет.

— Вас это восхищает?

— Меня это оскорбляет. У меня дома аквариум цвёл за две недели.

Стая мелочи — рой сшитых из крыс и чего-то летучего комков — жила по принципу муравейника: матка в гнезде, рой глуп без неё. Гнездо висело над мостками, у самого про-

хода. Я не полез в бой. Я нашёл в журналах Зурршвана страницу про эту стаю — он гордился, подчёркивал: «рой предан матке абсолютно» — и понял, что абсолютная преданность значит абсолютную предсказуемость. Маткой оказался комок размером с подушку, неповоротливый и вечно голодный. Я скормил ему пойманного на мостках слизня размером с ботинок, и пока матка ела, рой висел неподвижно, как выключенный. Я прошёл под ним пешком. Медленно. С достоинством. Насколько оно бывает у человека, который на цыпочках идёт под тонной сшитых крыс.

— Отмечаю, — сказал экзаменатор за спиной (он перемещался за мной без шагов и без стеснения), — что испытуемый за четыре часа не вступил ни в один прямой бой.

— А должен?

— Обычно вступают. Обычно к этому моменту уже теряют конечность. У вас нестандартный профиль прохождения.

— Запишите: «жадный». Конечности у меня в единственном комплекте.

Сердце лаборатории ждало на нижнем ярусе, и там шутки кончились.

Это был инкубационный зал: круглый, тёплый, с одной-единственной действующей цистерной в центре — она светилась изнутри мягким янтарным, и в ней, свернувшись, висело существо. Незаконченное. Я видел это по всему: по открытому сборочному шву вдоль хребта, по неподключённой второй паре конечностей, по тому, как оно висело —

не как живое и не как мёртвое, а как проект, поставленный на паузу. Зурршвана съели раньше, чем он закончил последнюю работу.

А между мной и цистерной, на тёплом полу, лежал страж. Он был лучшим, что создал Зурршван, — это тоже читалось сразу: ни одного грубого шва, ни одной комитетской нелепости. Хищник размером с лошадь, собранный из кошачьего, змеиноного и чего-то, для чего у меня не было слова, — и он не спал. Он ждал меня с самого входа, я понял это по глазам: единственное существо полигона, которое смотрело не на еду. На конкурента.

[До конца испытания: 3:12:44.]

Три часа. Я сел на безопасной дистанции — страж не двинулся — и стал думать.

Бой исключался: эта тварь была быстрее, тяжелее и, судя по посадке головы, умнее минимум половины моего диссертационного совета. Обмануть колбой — смешно. Обойти — зал круглый, страж в центре, у цистерны, и с места не сойдёт: он охранял. Вот оно, ключевое, вертелось рядом, и я его наконец поймал: охранял. Не территорию. Не еду. Он лежал мордой к цистерне, спиной ко входу — неправильно для охраны от вторжения и единственно правильно для охраны... кладки. Он охранял незаконченного. Последнее дитя создателя. Своего младшего брата.

«Создатель познаётся не по тому, что он создал. По тому, что он понял».

Я встал, поднял пустые руки и пошёл — не к цистерне. К стене зала, где среди хлама лежал инструментальный стол Зурршвана: зажимы, шовный материал, банки с гелем, всё пересохшее, но узнаваемое до слёз. Страж поднял голову и вёл меня взглядом. Я двигался медленно, по дуге, не сокращая дистанцию до цистерны ни на метр, — и вслух, спокойно, как разговаривают с крупными недоверчивыми животными, объяснял:

— Шов у него открыт. Видишь? Он не спит, он не растёт — он сохнет. Пауза без консервации — это не пауза, это медленная смерть, у тебя на глазах, годами. Ты это знаешь. Ты потому и лежишь тут... сколько? Ты же чувствуешь, что он остывает.

Страж смотрел. Я взял со стола банку с гелем — окаменевшим, но на дне, под коркой, ещё живым, — зажимы, шовную нить.

— Я не могу его закончить. Я не Зурршван, я даже журналы его читаю через пень-колоду. Но законсервировать открытый шов и подключить вторую помпу — могу. Это четыре часа работы... у меня три. Значит, сделаю за три. А ты можешь меня съесть — до, после или вместо. Предлагаю «после»: до — нелогично, вместо — обидно.

И я пошёл к цистерне. Прямо. Мимо него.

Не буду врать, что не боялся: я шёл и слышал собственный пульс в зубах. Страж поднялся — текуче, беззвучно, лошадь кошачьей сборки, — и пошёл рядом. В метре. Голова

на уровне моей головы. До самой цистерны, и когда я положил руки на тёплое стекло, он сел напротив и стал смотреть, как я работаю.

Три часа я делал самую странную операцию своей жизни: консервация незаконченного существа неизвестной анатомии по чужим журналам под надзором химеры, которая при первой ошибке съела бы меня без пережёвывания.

— Зажим соскальзывает, — комментировал я вслух, потому что молчать было страшнее. — Гель окаменел по краю... так, подрезаем... Страж, не дыши мне в затылок, у тебя дыхание влажное, а тут стерильность. Условная. Очень условная стерильность.

Страж отодвинулся на полголовы. Клянусь — на полголовы.

— Испытуемый разговаривает с химерой, — фиксировал экзаменатор.

— Испытуемый разговаривает с ассистентом. Привыкайте, это надолго... Шов пошёл. Нить держит. Зурршван, коллега, у тебя гениальная нить, я такую композицию даже не... ладно, потом. Помпа. Где у тебя вторая помпа, где-где, вот она. Контакт первый... не пошла. Контакт второй... не пошла. Так. Страж. Не смотри так, все помпы запускаются с третьего раза, это закон лабораторий, он старше твоего создателя.

Экзаменатор стоял поодаль и писал, писал, писал.

Шов я закрыл на последних минутах. Помпа запустилась с третьей попытки — толкнула, зашелестела, и по цистерне

пошла волна, а по незаконченному телу внутри — медленная сытая судорога, какая бывает у спящего, которого наконец укрыли. Страж издал звук. Не рык — ниже, глубже, вроде того, каким большие собаки встречают хозяина.

[Задача выполнена: сердце лаборатории достигнуто.]

[Дополнительное условие исполнено: наследие сохранено.]

[Результат: с отличием.]

— С отличием, — повторил экзаменатор. Впервые за десять часов в его голосе было что-то, кроме усталости. — Я принимаю испытания второго класса четыреста лет, испытываемый. Первого — сегодня впервые: их не заказывали со времён... неважно. Так вот, к вашему сведению: «с отличием» здесь не оценка скорости. Это оценка понимания. Вы поняли, что охранял страж. До вас на этом полигоне — по архиву — понимали двое.

— А остальные?

— Остальные дрались. — Он захлопнул планшет. — Награда, испытываемый. Стойте ровно, будет странно.

Странно — было. В меня как будто влили стакан горячего янтарного света — того самого, которым светилась цистерна: тепло прошло от затылка до пяток, кости на секунду стали слышимыми, каждая своя, по имени, — и осело.

[Класс получен: СОЗДАТЕЛЬ СУЩЕСТВ (первая ступень).]

[Навык класса: РАСЩЕПЛЕНИЕ.]

[Касание: разъять связь в структуре живого — сочленение, шов, узел.]

[Ограничения: контакт ладонью; одна связь за касание; откат по глубине цели.]

[Внимание: навык работает в обе стороны опыта — чем лучше вы знаете существо, тем глубже расщепление.]

[Улучшение носителя: выносливость, скорость восстановления, плотность тканей — повышены.]

[Внешние изменения: отсутствуют.]

И последней строкой, отдельно, помедлив:

[Первая ступень пути: РАЗОБРАТЬ.]

[Вторая ступень: ИЗУЧИТЬ.]

[Третья: СОЗДАТЬ.]

[Удачи, коллега.]

«Коллега». Система никогда не говорила «коллега». Я стоял в тающем зале — полигон сворачивался, как лист, страж у цистерны провожал меня своим низким собачьим звуком, — и у меня было десять часов усталости, новый класс, гудящее чужой силой тело и вопрос, который я забрал с собой наружу, где прошло всего десять минут:

если испытания первого класса не заказывали «со времён неважно» — кто заказал моё, и почему последняя строка звучала так, будто меня ждали?

Глава 8

— ДЕВЯТЬ МИНУТ СОРОК! — Вера стояла над секундомером Геннадьича, когда воздух выплюнул меня обратно к терминалу. — Ты почти опоздал!

— Я успел.

— Ты ПОЧТИ опоздал.

— В нашей семье, — сказал Млякс, свисая с печи, — стакан всегда наполовину пуст, зато никто не умирает от неожиданности... ХОЗЯИН! — Он разглядел меня и скатился вниз. — Ты светишься!

Я не светился — это снаружи не было видно вообще ничего, система своё слово держала: никаких внешних изменений. Но Млякс был привязан ко мне тоньше, чем зрение, и чувствовал то, что чувствовал я: тело гудело. Не больно — плотно. Как будто все эти годы я ходил в ботинках на два размера больше, а теперь мне выдали мои.

— Ну?! — Соня подпрыгивала. — Что там было?! Десять часов же! Ты ел? Ты спал? Ты дрался?!

— По порядку. Было — лаборатория. Ел — нет. Спал — нет. Дрался — тоже нет.

— КАК не дрался?! Десять часов!

— Наука, Соня, это в основном не драться. Наука — это смотреть и понимать. Драться — это когда наука не успела.

Рассказ занял полчаса, и это были лучшие полчаса моей

лекторской карьеры: такой тишины в аудитории я не добивался никогда. На «съеден собственными созданиями» Вера прижала кулак к губам. На страже у цистерны Соня влезла на лавку с ногами и сказала «я же говорила про котиков». На «с отличием» Геннадьич крякнул и посмотрел на меня, как смотрят на удачно проведённую проводку.

— А этот, — Вера кивнула в пространство, — экзаменатор твой. Он что, так и ходил за тобой десять часов и записывал?

— Так и ходил.

— И ты работал под надзором комиссии. Десять часов. Молча терпел.

— Почему молча? Я комментировал.

— Бедная комиссия, — с чувством сказала Вера, и я почему-то решил не уточнять, кого она жалеет.

— Покажи, — потребовала Соня, когда я дошёл до навыка. — Ну хоть на чём-нибудь!

— Не на чем. Расщепление работает по живой структуре, а живых структур, которые не жалко...

— Туша! — хором сказали Соня и Млякс.

Туша охотника ещё лежала у гаражей — осыпалась третьи сутки, серая, наполовину ушедшая в пепел. Мы вышли всем поселением, как на открытие памятника. Я присел, положил ладонь на плечевой узел — тот самый, с двойным локтем, который я успел изучить до последней связки, пока препарировал кисть.

— Внимание. Первое контролируемое применение.

— Дядь Артём, а можно поближе?

— Соня, за Веру. Все — за Веру.

— А Вера за кого?

— А Вера за всех, — сказала Вера и переставила Соню за свою спину за шкурку, как котёнка. Соня немедленно высунулась с другой стороны. — Работай, Ильич, публика зажда-лась. У меня каша на плите.

Мысль оказалась похожа на диагноз: не «сломать», а «вот здесь связь, и она лишняя». Под ладонью тихо, сухо щёлкнуло. И плечевой узел охотника разошёлся.

Не оторвался. Не сломался. Разъялся — по слоям, как разбирают часы. Сустав отдельно. Тяжи отдельно. Панцирная накладка отдельно. Аккуратными деталями, хоть в коробку складывай.

[Расщепление: применено.]

[Цель изучена ранее: глубина — полная.]

[Получено: сустав охотника (компонент), тяж силовой (компонент), пластина панцирная (компонент).]

[Начисление за заготовку: пепел — 11.]

А потом меня качнуло.

Не сильно — как после сдачи крови: пол на секунду стал дальше, в ушах прошумело, и под ложечкой образовалась гулкая пустота. Млякс успел подставить плечо, Вера успела сказать «я же говорила», хотя ничего такого не говорила.

[Откат навыка: глубина полная.]

[Восстановление: 00:40:00.]

[Совет: не расщепляйте то, чего не понимаете, — откат считает не массу, а невежество.]

— Вот и цена, — сказал я, отдышавшись. — Полная глупина — сорок минут отката и самочувствие студента после первой донорской. Это по изученной цели. По неизученной, надо полагать...

— По неизученной, — сказал Млякс, — тебя сложит пополам, и хорошо, если только тебя. Читай мелкий шрифт, хозяин: «откат считает невежество». Это не оружие, это экзамен с рукоприкладством. Каждый раз.

— Стеклянная пушка, — перевёл я на язык моей юности.

— Не знаю, что такое пушка из стекла, но звучит как ты. Хрупко и громко.

Тишина уже прошла, и Геннадьич сказал с чувством:

— Это ж какой инструмент. Это ж не ломать — это ДЕМОНТАЖ.

— Это, — поправил Млякс, и голос у него дрожал от восторга, — расходная опись с одного касания. Артём Ильич. Вы теперь ходячая приёмка вторсырья.

— Я теперь создатель существ. Первая ступень.

— Я и говорю. Приёмка.

Млякс попробовал сустав на зуб, заявил, что «компонентная база — это будущее», и потребовал завести под компоненты отдельный стеллаж. Стеллаж завели. На полке рядом с образцом 1 появились образцы два, три и четыре, и моя

коллекция впервые начала выглядеть не как натюрморт сумасшедшего, а как начало склада будущей лаборатории.

А после обеда мы пошли за продуктами. В «Продукты».

Зарубка, поставленная в день спасения Геннадьича, дождалась своего: магазин на углу, целая витрина вглубь, и Верино «в магазинах теперь живут» в качестве вводной по технике безопасности. Шли боевым порядком: я с дубинкой и новым телом, Геннадьич с ломом и пустой тачкой из гаражей, Вера с топориком (оставить её дома не вышло — «я все эти ночи слушала из подвала, кто там живёт, я имею право посмотреть ему в морду»), Млякс на моём плече. Тачка была ключевым участником операции: лимит переноса через порог — пять кило за цикл, но до порога добычу кто-то должен довести.

— Порядок такой, — сказал я у витрины. — Первым не вхожу я. Первым входит наука.

Наука — то есть загонный свисток, в который я дунул через разбитую витрину, — дала результат немедленно: в глубине зашуршало, зашипело, и наружу, злобно вереща, вылетели две мелкие твари вроде голых хорьков и падальщик-подросток. Свистка они не выносили физически.

— Мои! — Вера шагнула вперёд, и хорьки кончились. Оба. Топорик комментариев не требует.

Падальщика я, каюсь, расщепил. Ладонь на загривок в прыжке — тело после испытания успевало туда, куда раньше не успевало и подумать, — щёлк. Тварь разошлась на детали

прямо в воздухе и осыпала меня пеплом. Пепел набился за шиворот и в левое ухо. Слава, как обычно, приходила вместе с необходимостью вытряхивать одежду.

— [Пепел — 9. Компоненты — 3], — прочитал Млякс. — Хозяин, с тебя причитается: ты только что изобрёл самообслуживание.

Внутри магазин был печален, но щедр: то, что не сожрали хорьки и время, лежало на стеллажах и ждало.

— Крупа! — Геннадьич светил фонарём вдоль ряда. — Гречка, рис... овсянка, кому надо овсянку?

— Всё надо, — отрезала Вера. — Овсянка — это завтрак двадцати человек четыре раза.

— Макароны крысиные.

— Целые пачки есть?

— Есть штук двадцать.

— Берём целые. Геннадьич, тачку сюда!

Геннадьич вкатил тачку через пролом с грацией ледокола. Полки он читал по-своему: постучал по банке сгущёнки, послушал, кивнул сам себе — «полная, живая» — и дальше стучал по каждой, сортируя на слух быстрее, чем я читал этикетки. Тридцать лет аварийки не пропьёшь.

Мы работали два часа, как бригада на разгрузке: консервы, крупы, соль, сахар, спички, свечи, бытовая химия — Вера гоняла нас по списку, который держала в голове, и список этот был составлен человеком, который в подвале пересчитывал последние банки на голодные дни.

— Тушёнку всю. Сгущёнку всю. Макароны — только в целых пачках, крысиные не берём... Артём Ильич, положи шоколад.

— Это стратегический запас глюкозы.

— Это пять кило веса. У нас лимит и очередь на порог. Положи... одну плитку возьми. Соне.

— А тебе?

Она посмотрела на меня поверх стеллажа. В магазине было полутемно, пыльно, пахло прошлой жизнью, и глаза у неё в этом полумраке были очень тёмные и очень весёлые.

— А мне, — сказала она, — принесёшь в следующий раз. Отдельно. Будет повод.

Я стоял с плиткой в руке дольше, чем требует грузоподъёмность. Млякс на плече издал тихий звук, который у него означал «я всё видел и буду это использовать».

Уже на выходе — не спрашивайте зачем, руки сами — я пробил одну банку тушёнки через мёртвый сканер на кассе. Сканер не пикнул. Я положил на кассу горсть пепла, которого там никто никогда не найдёт.

— Ты только что заплатил призраку магазина, — прокомментировал Млякс.

— Я закрыл гештальт цивилизации.

— Вы, люди, удивительные. Конец света, а вы чеки пробиваете.

Обратно тачка сделала четыре рейса, порог отработал тридцать циклов. Очередь у двери выглядела сюрреалистич-

но. Подавал Геннадьич — по пять кило, на глаз, без весов, и порог ни разу не срезал ни грамма: у аварийщика рука — сама себе безмен. Он один раз ошибся на банке горошка, крикнул, забрал банку назад и больше об этом в его присутствии не говорили. Млякс вёл счёт циклам. А Соня, самоназначенная приёмщица с той стороны, орала через порог «ЕСТЬ!» на каждую передачу, как на разгрузке сейнера.

— Цикл двадцать восемь! Сгущёнка!

— ЕСТЬ!

— Цикл двадцать девять! Опять сгущёнка!

— ЕСТЬ!!

— Кто-то, — заметил я, — очень стратегически формировал очередность груза.

— Не понимаю, о чём ты, — сказала Вера, у которой список был в голове.

Кладовка Пристанища впервые стала похожа на кладовку, а не на посмертную опись отшельника. Млякс пересчитывал банки с таким лицом, что стало ясно: сегодня у него праздник, который он будет вспоминать до пенсии, если демонам её дают. Начисления за заготовку капнули трижды — мелочью, но Млякс был прав: капало.

Ужин в тот вечер был первым за всю историю поселения, который назывался не «приём пищи», а «стол». Вера развернулась на новых припасах: макароны с тушёнкой, чай с сахаром — с настоящим сахаром, белым, — и на сладкое по дольке шоколада каждому, начиная с Сони.

— За добытчиков, — Геннадьич поднял кружку.

— За науку, — сказала Вера. — Которая свистит в свисток, чтобы самой не лезть.

— Это называется «методология»!

— Я и говорю. За неё.

Соня свою дольку не съела — разломил пополам и половину спрятала в пустой будке у двери.

— Это сторожу, — объяснила она, вытирая шоколадные пальцы о Верин подол, за что была поймана и вытерта уже сама. — Который заведётся. В будках всегда заводятся сторожа, если прикармливать.

А потом случилось два события, и оба вошли в анналы.

Первое: Геннадьич провёл в избу второй контур света — теперь от новой скрутки питались и лампочка над столом, и гирлянда, и самодельный ночник в углу, где спали Соня с Верой. Геннадьич закрутил последнюю жилу, щёлкнул рубильником, свет зажёгся — и Геннадьич вдруг замер, глядя в пустоту перед собой.

— Эт чего, — сказал он. — Мне... капнуло?

— Что капнуло?

— Пепла. Полтинник.

— Откуда?

— А я знаю? Вот, буковки. — Он ткнул пальцем в воздух перед собой, зачитал по слогам: — «На-чис-ле-ни-е за со-зи-да-ни-е. Объект: освещение жилой зоны. Пятьдесят». — Пауза. Он повернулся ко мне медленно, как поворачивается

человек, у которого картина мира хрустнула и складывается заново. — Ильич. Мне заплатили. За проводку. Сразу. Без наряда. Без прораба. Без «в следующем месяце». Ильич, я тридцать лет ждал этого работодателя.

— Млякс?!

— А, да, — Млякс даже не открыл глаз (он лежал на печи в блаженном послескладском состоянии). — Забыл сказать. Система платит за созидание. Построил, провёл, починил — капает. Немного, но честно.

— ЗАБЫЛ СКАЗАТЬ?!

— У меня было много дел! Меня похищали!

— Тебя ещё не похищали!

— Значит, будут! С моей биографией — обязательно!

Геннадьич сел за стол, положил перед собой обе монтировки и потребовал бумагу.

— Ты чего задумал?

— Тихо. Не мешай. Я тридцать лет ждал работодателя, который платит сразу.

Следующий час он составлял — я не шучу — прейскурант работ: проводка, сварка, кладка, сантехника, «прочее по согласованию». Млякс консультировал по оформлению — двенадцать лет приёмных описей — и дважды прослезился от качества граф. Внизу Геннадьич приписал: «Оплата пеплом. Системой. Без посредников» — и посмотрел на Млякса с вызовом.

— «Без посредников», — прочитал Млякс. — Это выпад?

— Это условия.

— У меня, между прочим, лицензия распределителя!

— А у меня шестой разряд. Посмотрим, чья бумажка старше.

— Уважаю, — сдался Млякс, и это было искренне. — Первый человек, который понял эту систему правильно: не крутить, а доить. Хозяин, учись у старших.

— Мне сорок пять.

— А ему тридцать лет платили «в следующем месяце». Это другой стаж. Это выслуга.

Между первым и вторым событием система попыталась устроить третье.

Я проходил мимо терминала — просто мимо, с охапкой компонентов для стеллажа, — и витрина ожила сама. Раздел [Сооружения особые]. Лаборатория химер. Миллион двести пятьдесят. Строка повисела, убедилась, что я смотрю, и выдала новое:

[Специальное предложение для обладателя класса.]

[Крутка «ВА-БАНК»: 2000 пепла.]

[Диапазон наград: от «Ложка столовая» до «Лаборатория химер».]

[Шанс главного приза: 0,000001%.]

[Шанс показан единоразово. Больше вы его не увидите.]

Одна миллионная процента. Я стоял с охапкой суставов и честно, по-научному, ощущал, как работает эта машина: вот мечта, вот цена мечты, вот лотерейный мостик между ними

— две тысячи вместо миллиона, ну а вдруг, ты же везучий, тебе же система улыбается...

— Не смотри на неё, — сказал Млякс тихо. — Хозяин. Это ва-банк.

— Вижу.

— Его показывают каждому, у кого завелась мечта с ценником. Знаешь, сколько состояний он съел?

— Догадываюсь. Скажи мне другое. Она правда может выпасть? Лаборатория? С одной миллионной?

— Правда. — Он поскрёб обломанный рог. — В этом весь яд, хозяин. Она не врёт. Никогда. Она просто считает лучше тебя.

— Нет, — сказал я витрине. — Спасибо. Я лучше медленно.

[Предложение сохранено в вашем меню.]

[Оно никуда не денется.]

[И вы это знаете.]

— Она издевается?!

— Она работает, — вздохнул Млякс. — Пойдём, хозяин. Не корми её взглядом.

Второе событие было тише. Я разбирал на стеллаже дневной лут, когда подошла Вера — уже ночная, в отсветах гирлянды, с двумя кружками кипятка. Одну поставила рядом со мной.

— Слушай. А это твоё... расщепление. — Она облокотилась на стеллаж, близко, на дистанции, которую в учебниках

по этимологии называют личной. — Оно только демонов разбирает?

— Любую живую структуру, в которой я понимаю связи. Чем лучше понимаю — тем глубже.

— А человека?

Я посмотрел на неё. Вопрос был не праздный — вопрос был проверочный, и от ответа зависело больше, чем от любого дневного лута.

— Технически — да. Поэтому практически — никогда. Есть эксперименты, которые не ставят не потому, что нельзя, а потому что потом нельзя жить. Я на таких комиссиях сам сидел.

Вера кивнула. Медленно. Отпила из кружки.

— Правильный ответ, Артём Ильич. — Она оттолкнулась от стеллажа и пошла к избе, и уже через плечо, тем же ровным голосом: — Шоколадку мою не забудь. В следующий раз.

Млякс возник на стеллаже, как чёртик из коробочки, страшно довольный:

— Хозя-а-аин.

— Молчи.

— Я только хотел сказать, что по регламенту распределитель обязан сопровождать все перспективные вложения...

— МОЛЧИ.

Ночью я лежал и слушал дом. Млякс сопел на печи, свернувшись бубликом вокруг собственного хвоста. За стенкой

Соня во сне что-то доказывала — судя по интонации, про котиков. Тридцать циклов порога, полная кладовка, новый свет, гудящее новое тело.

— Хозяин, — сонно сказал Млякс с печи. — Спишь?

— Нет.

— Хороший был день, да?

— Хороший.

— Вот и я думаю... — он повозился. — Подозрительно.

Запиши куда-нибудь, что я был счастлив, а то потом никто не поверит.

Я уже почти спал, когда в углу зрения тихо, вежливо проступила строка. Не багровая. Не белая. Обычная, системная — и оттого вдвойне странная по содержанию:

[Поздравляем с получением класса, коллега.]

[Ваша ветка давно пустовала.]

[Архив предыдущего носителя класса «Создатель существ» частично разблокирован.]

[Доступно записей: 1 из 314.]

[Первая запись будет доставлена при следующем входе в Пристанище.]

Предыдущего носителя. Зурршвана — с тремя «р», съеденного своими созданиями, оставившего мне журналы, стража и незаконченное дитя в янтарной цистерне.

Мне только что пообещали наследство. Триста четырнадцать записей мёртвого коллеги — и вопрос, с которым я провалился в сон, был профессионально неизбежен: что та-

кого понял создатель существ за тысячу лет работы, что его архив заперли на замок, — и почему замок начали открывать именно мне?

Глава 9

— Хозяин! — Млякс свалился на меня откуда-то сверху, с полки, вместе с носком. — У нас под дверью едят!

— Что едят? — Я подскочил на топчане. В избе была ночь, гирлянда мигала дежурным огоньком, за стенкой сопели Вера с Соней, с печки свешивалась рука Геннадьича.

— Охотника едят! Твоего! Падальщики пришли на тушу — слышишь?

Я прислушался. Через дверь, через межмировую прослойку, шло знакомое ощущение бормашины — только теперь не ритмичное, а суетливое, чавкающее, многоточечное. Так скребётся не один демон. Так скребётся столовая.

— Сколько их там?

— По звуку — шесть. Может, восемь. Жрут его пепел, между прочим. Твой пепел. Твой законный, не собранный до конца пепел!

— Я собрал всё, что насыпалось.

— А теперь досыпалось! Туша большая, она сутки осыпается! Они там доедают твои сто, а то и сто пятьдесят!

Вот теперь он сказал это на языке, который будит лучше любого будильника. Сто пятьдесят пепла. Десятая часть остатка долга. У моей двери. В чужих желудках.

С печки, не открывая глаз, сказал Геннадьич:

— Если идём бить морды, я с вами. Только чаю сначала.

Военный совет длился десять минут и проходил при свече из серой капсулы (я крутанул утром на пробу: [Свеча хозяйственная, 3 шт.] — Млякс сказал «мусор», Вера сказала «наконец-то что-то полезное», и по этим двум оценкам можно строить всю социологию Пристанища). Расклад был такой: снаружи кормится стая падальщиков, ранг F, поодиночке — недоразумение с зубами, стаей — уже фарш-машина. Зато трусливы, зато тупы, и зато — главное — заняты едой.

— Бьём от двери, — сказал я. — Дверь за спиной, отход всегда открыт. Геннадьич с монтировкой держит правую сторону, я...

— А ты, — перебил Млякс, — сначала крутанёшь синюю. Или две. Потому что идти на стаю с ложкой я тебе не дам, у меня в тебе финансовая заинтересованность.

— Кстати о заинтересованности, — Геннадьич отхлебнул из термоса. — Ты ему сколько платишь?

— Кому, Мляксу? Он на комиссии.

— С меня пять процентов берёт.

— С тебя пять. С меня — нервами.

— Нервами я бы тоже брал, — задумчиво сказал Геннадьич. — У тебя их много.

Крыть было нечем. Я взялся за рычаг терминала — уже привычно, уже слишком привычно, рука сама знала, где у рычага удобный упор, и это знание было из тех, о которых лучше не рассказывать наблюдающему врачу.

Первая синяя: стрекот, разгон, лоток.

[Получено: Дубинка Убедительности.]

[Ранг: D.]

[Урон: скромный.]

[Особенность: каждый удар сопровождается звуком, обидным для слушателя.]

[Срок службы: 200 ударов.]

В лотке лежала дубинка. Чёрная, литая, с удобной рукоятью и — я поднёс её к свету — с маленькими дырочками вдоль тела, как у флейты.

— Это что за дырочки?

— Резонатор, — сказал Млякс с гордостью, будто сам сверлил. — Услышишь.

Вторая синяя высыпала связку: [Налобный фонарь, 1 шт. Батарея: есть.] — трофей с человеческих складов, которые «завтра сгорят». Я надел фонарь, взял дубинку, Геннадич допил чай и взвесил в руке монтировку. Вера с топориком встала у двери изнутри — договорились: открывает и закрывает только она, по стуку три-один.

— Вер, — спросила Соня с топчана, — а вы куда?

— Дядя Артём идёт выносить мусор, — сказала Вера, не моргнув.

— С дубинкой?

— Мусор сопротивляется.

У двери нас догнала Соня. Босиком, в Вериной кофте до колен, с самым серьёзным лицом, какое бывает у человека в шесть лет.

— Дядя Артём. Вот. — Она сунула мне в ладонь лампочку. Маленькую, из гирлянды, зелёную. — Она счастливая. Она мигала лучше всех.

— А гирлянда без неё как же?

— Гирлянда потерпит. Ты только верни потом, — она строго посмотрела снизу вверх, — а то узор нарушается.

Я убрал лампочку в нагрудный карман, к манку. Вера у двери проверила засов — три-один, стук только такой — и сказала нам обоим то, что говорят все женщины всех миров, выпуская мужчин за дверь с дубинкой и монтировкой:

— Без глупостей.

— Обижаешь, — сказал Геннадьич. — Только по плану.

— По плану у вас и есть глупости.

Дверь открылась, и мы вышли в предрассветный гараж — втроём: я, Геннадьич и Млякс на моём плече в роли артиллерийского наводчика.

Столовая была в разгаре. Туша охотника за ночь осела наполовину, и вокруг неё, спинами к нам, копошились семь серо-розовых тел. Чавканье стояло такое, что нас не услышали бы и с оркестром. Ближайший падальщик сидел в трёх шагах, целиком погружённый в гастрономию.

Я размахнулся и от души приложил его дубинкой по загривку.

Звук был... Я не знаю, как это описать в терминах акустики. Представьте, что кто-то уронил тубу с лестницы, и туба при падении успела оскорбиться. Глубокое, вибрирующее

«БУ-О-ОНК» с обертонами унижения прокатилось по гаражам, и все семь падальщиков разом перестали жевать.

Мой — первый — не упал. Он развернулся и посмотрел на меня с выражением, которое я до сих пор считал невозможным у существа без мимических мышц: «за что?». Второй удар — «БУ-ОНК» — сложил его окончательно.

[Убит: демон-падальщик, ранг F.]

— Обидно бьёт? — с интересом спросил Геннадьич, встречая монтировкой первого подбежавшего.

— Судя по морде — очень.

Дальше было три минуты честной работы. Падальщики, надо отдать им должное, поняли всё быстро — но стае, чтобы развернуться и убежать, нужно решение большинства, а большинство было занято: двоих встретил Геннадьич (монтировка против падальщика — это, как выяснилось, спор поколений, и опыт побеждает), одного, прыгнувшего мне на спину, я снял расщеплением — ладонь на плечевой узел, щёлк, и тварь осыпалась деталями, не долетев. Падальщиков я знал уже наизусть, откат по ним был копеечный — так, звон в ушах. Ещё одного я загнал ударами к люку — к тому самому, открытому, — и он ушёл туда добровольно, только лапы мелькнули. Крышку я на этот раз даже не трогал: судя по хрусту и обиженному эху, внизу ему было чем заняться.

[Убит: демон-падальщик × 4.]

[Сбежало: демон-падальщик × 2.]

[Получено: пепел — 41.]

Плюс то, что осыпалось с охотника за ночь и что не успели дожрать: ещё шестьдесят три. Итого сто четыре за вылазку. Геннадьич, отдышавшись, посмотрел, как я собираю ладонью серую пыль, и сказал:

— Слушай, а ведь это я теперь так же могу. У меня же эти... буковки.

— Можешь. Пятьдесят на пятьдесят: кто убил, тому и пепел, а с общих — пополам.

— Погоди, а тварь, которую я об стену, — она чья?

— Твоя.

— А которую мы вдвоём зажали?

— Млякс, оформи протокол раздела.

— УЖЕ, — сказал Млякс со счастливым лицом демона, у которого наконец-то завелась настоящая бухгалтерия.

И вот когда мы стояли над остатками туши, делили пепел и были почти довольны жизнью, система решила, что мы засиделись.

[Внимание, пользователи.]

[Обнаружен: малый портал. Расстояние: 1,7 км.]

[Тип: кормовой канал. Пропускная способность: растёт.]

[Задание: закрыть портал.]

[Награда: 800 пепла. Бонус за скорость: есть.]

[Принять?]

Мы с Геннадьичем прочитали это одновременно — я по его лицу видел, как строки доходят и до него.

— Восемьсот, — сказал он.

— Восемьсот, — сказал я.

— «Кормовой канал» — это что значит?

— Это значит, — сказал Млякс, и голос у него был без всякого ларька, — что через него в город идёт корм. В смысле, идут те, кто ест. Каждый час открытого канала — это новая стая в кварталах. Он как труба: чем дальше течёт, тем шире дыра.

— А закрывать его как?

— У малых порталов есть якорь. Костяной нарост с той стороны рамки. Сломаешь якорь — канал схлопнется. Проблема не сломать. Проблема — дожить до якоря: канал охраняют привратники.

Я посмотрел на Геннадьича. Геннадьич посмотрел на меня. Счётчик долга в углу зрения — [2500. Осталось: 5 суток 18:44] — вздохнул так, что мы оба его, по-моему, услышали.

— Принять, — сказали мы хором.

До портала шли по светящему городу, и город добавлял мотивации лучше любого коуча: на перекрёстке — раздавленная легковушка со следами когтей по крыше; у аптеки — баррикада из тележек, за которой никого; на балконе пятиэтажки — простыня с надписью «ЛЮДИ ЕСТЬ» и никого на балконе.

— Стой, — сказал Геннадьич и махнул простыне монтировкой.

Секунд десять ничего. Потом штора за балконной дверью шевельнулась, и в щели появилось лицо — мужское, боро-

датое, с глазами человека, который трое суток спит по очереди сам с собой. Он посмотрел на нас, на Млякса у меня на плече — и штора закрылась.

— Не верят, — сказал Геннадьич.

— Демону на плече? Странные люди.

— Вернёмся этой же дорогой, — сказал Геннадьич, не оборачиваясь. — Примелькаемся. На третий раз поверят. Я тридцать лет по квартирам ходил, я знаю: в первый раз никто не открывает. Открывают, когда труба уже всех затопила.

— У нас на третий раз может не быть времени.

— А куда они денутся. — Он поправил рюкзак. — Люди — они как вода. Куда безопасно, туда и стекут. Твоя задача, чтоб было куда.

Я оглянулся на простыню. «ЛЮДИ ЕСТЬ». Люди были. Люди прятались. Город учился жить шёпотом, и каждый час этой учёбы оплачивал кто-то, кто не спрятался.

Портал мы услышали раньше, чем увидели, — низкий гул, как от трансформаторной будки размером с дом. Он висел во дворе школы, метрах в двух над баскетбольной площадкой: вертикальная рваная дыра, красная по краям, и края дышали. Из дыры на площадку стекал по пандусу из спёкшегося чёрного стекла ручеёк тумана, а в тумане, покачиваясь, стояли двое.

Привратники не походили на падалыщиков. Рослые, под три метра, серо-красные, с пластинчатыми спинами и руками до земли; стояли они неподвижно, как шкафы, и только

головы — низкие, лобастые — медленно поворачивались из стороны в сторону. Сторожа. Скучающие, но добросовестные.

Мы залегли за трансформаторной будкой (настоящей), и я долго смотрел на портал в упор.

И чем дольше смотрел, тем больше он мне не нравился — профессионально не нравился. Края дыры не рвались, а пульсировали. Ритмично. С задержкой после каждого третьего толчка, как... я поймал себя на том, что считаю: раз-два-три-пауза. Раз-два-три-пауза.

— Млякс. Это не механизм.

— А что это?

— Это сфинктер. Канал живой. Смотри: перистальтика. Он не открыт — он проглатывает. Всё, что идёт через него, он проталкивает порциями, как пищевод. А якорь твой костяной — это не деталь. Это позвонок.

— Хозяин, я сейчас не понял, стало ли мне спокойнее.

— Мне стало. Живое — это по моей части. У живого есть физиология, а у физиологии есть слабые места. — Я перевёл взгляд на пандус из чёрного стекла. — Смотри, как оно устроено: порция проходит — края сжимаются — три секунды канал слепой и глухой, он занят глотком. В эти три секунды он не пропустит подкрепление, даже если привратники его вызовут.

— А привратники?

— А привратники стоят по бокам от пасти. Как зубы муд-

рости: вроде есть, а в жевании не участвуют... Геннадьич, у тебя в рюкзаке трос был.

— Был. — Геннадьич уже разматывал. — Между стоек натянуть?

— Между стойкой и кольцом пандуса. На голень им, обоим сразу не надо, хватит одного. Второго я беру на дубинку и веду на трос. Ты со спины. Млякс...

— Я мораль поддерживаю!

— Ты считаешь глотки. Вслух. От паузы до паузы.

Дальше всё прошло не по плану, потому что по плану не проходит никогда.

Начало было образцовым: я вышел из-за будки, шархнул дубинкой по баскетбольному щиту, и «БУ-ОНК» в утреннем дворе получился особенно оскорбительным — с эхом, с перекатом, с личным оттенком. Первый привратник развернулся всем корпусом, засёк меня и пошёл — тяжело, разгоняясь, как шкаф с горки. Голенью он зацепил трос и лёг с грохотом, от которого подпрыгнула сетка на кольце.

— Есть! — заорал Млякс. — Готовь второго!

Второго готовить не пришлось: второй готовил меня. Он не побежал следом за первым — он пошёл по дуге, отрезая меня от будки, и вот это уже было отклонение от плана: сторожа, который думает, в смете не значилось. Геннадьич в три прыжка добрался до лежащего и работал монтировкой по затылочной пластине — звук как на рельсовых работах, — а мой привратник тем временем перешагнул трос. Аккуратно.

Глядя на меня. Демонстративно.

— Он перешагнул! — сообщил Млякс.

— Вижу!

— Он умный!

— Вижу!!

— Может, у них поменяться?!

Привратник взял разгон. Я побежал — не от него, к пандусу, потому что бежать от существа с ногами в мой рост можно только в некрологе, — и Млякс с плеча орал счёт: «Раз! Два! Три! ПАУЗА!» На «паузе» канал ушёл в глоток: края сжались, гул сел на октаву, туман втянуло. Слепой, глухой, занятый. Привратник за моей спиной вдруг сбился с шага — я не сразу понял почему, а когда понял, полюбил физиологию ещё сильнее: его канал тоже не видел. Сторож без хозяина за спиной оказался просто большим существом на скользком стекле.

[Убит: привратник-страж, ранг С.]

— первый, от Геннадьича. Мой ещё жил и разворачивался.

Якорь-позвонок торчал у нижнего края рамки — жёлто-костяной, в палец толщиной у основания, гладкий от туманного ветра. Я примерился и ударил дубинкой — раз. «БУ-ОНК». Второй. За спиной привратник восстановил равновесие и пошёл на пандус — я слышал, как трещит под ним чёрное стекло.

— ХОЗЯИН, СЗАДИ!

— ЗНАЮ!

Третий удар. «КРРК».

Позвонок хрустнул.

Канал не схлопнулся — он поперхнулся. Края дыры свело судорогой, туман втянуло обратно, и привратника, уже занёсшего надо мной руку, повело в сторону вместе со всей его массой: пандус под ним пошёл трещинами и просел. Существо, всю жизнь простоявшее у пасти, впервые почувствовало, что пасть умирает, — и издало вопль тоскливого служебного отчаяния. Монтировка Геннадьича, прилетевшая с разбега снизу, поставила в этом вопле точку. Добивали вдвоём, деловито, без комментариев — за эти дни у нас выработалась целая культура производства.

[Убит: привратник-страж, ранг С.]

Портал закрывался, стягиваясь к центру, как зрачок на свету.

И в последнюю секунду, в сжимающейся красной щели, я увидел глаз.

Не привратника. По ту сторону канала, далеко и близко одновременно, к щели прижался кто-то большой. Глаз был жёлто-оранжевый, в два ряда век, и он смотрел не на портал, не на разрушенный якорь — он смотрел на меня. Спокойно. Внимательно. Запоминая.

Я знал эти веки. Я сидел у их хозяина на колене.

Щель схлопнулась.

[Задание выполнено: малый портал закрыт.]

[Награда: 800 пепла. Бонус за скорость: 120.]

Пепел с привратников собирали в четыре руки — вернее, в две руки и одну ладонь: Геннадьич попробовал, у него получилось, и по его лицу прошло то же самое выражение тёплой газировки. С двух тел ссыпалось честных двести.

[Получено: пепел — 97.]

[Получено: пепел — 103.]

[Баланс: 2081.]

— Две тысячи восемьдесят один, — сказал Геннадьич, глядя в свои буковки, где значилось его. — А у меня четыреста тридцать семь. Слушай, а этот твой... финансовый. Он мой может к твоим перекинуть? Расписка же.

— Могу! — немедленно отозвался Млякс. — Внутренний перевод между клиентами одного распределителя! Комиссия...

— Млякс.

— ...ноль, — с болью закончил Млякс. — Ноль комиссия. Семейный тариф. Никому в Пределе не рассказывайте, меня засмеют.

Геннадьич сматывал трос. Млякс прыгал по пандусу и орал что-то победное про баланс.

А я стоял и смотрел на пустое место в воздухе, где только что был глаз.

— Хозяин! Двадцать восемьдесят один! Ещё один портал — и долг закрыт! Ты чего застыл?

— Млякс. Кто с той стороны кормового канала?

— Как кто. Кормовая база Предела, распределительный узел, дежурный по каналу...

— А кто может подойти к дежурному каналу и посмотреть через него, когда канал глотает?

Млякс перестал прыгать.

— Никто, — сказал он тихо. — Каналом во время глотка пользоваться нельзя. Это все знают. Кроме тех, кому можно всё.

Утро вставало над школьным двором — обычное, розовое, с птицами, которым не было дела до конца света. Я потрогал манок на груди, зачем-то пересчитал баланс и подумал, что бонус за скорость мы, кажется, получили не только от системы.

Вельфей нашёл меня раньше Взыскателя. Вопрос теперь был другой: почему он просто смотрел — и чего он ждёт?

Глава 10

— ДЕРЖИТЕСЬ! — заорал Млякс за миг до того, как пол ушёл из-под ног.

Я не удержался. Никто не удержался, если честно, но я не удержался с особым позором — сначала меня понесло на печку, потом от печки, потом стол поймал меня бедром — тем самым местом, которым я в прошлой жизни уже знакомился с краем лабораторного стола. Организм отметил симметрию. Организм у меня вообще любит симметрию — синяк слева, синяк справа, красота, хоть в атлас.

Изба скрипнула всеми венцами разом, как старушка, которую подняли с лавки без предупреждения. Ложка с кружкой сыграли на полке короткий концерт для двух инструментов. Образец 1 — кисть охотника, моя гордость, мой единственный вклад в науку этого мира — пополз по полке к краю, тяжело, всеми своими сочленениями, и я поймал его в прыжке, которого устыдился бы любой вратарь, потому что вратари хотя бы падают красиво.

— Кисть цела! — доложил я, лёжа на полу и держа её над собой, как кубок.

— Он спасает руку мертвеца, — сообщил Млякс потолку. — В доме, который трясёт неизвестно что. Носитель. У тебя иерархия ценностей — как у сороки после сотрясения.

— Это ценный препарат.

— Это дохлая конечность!

— Одно другому не мешает.

Геннадьич поймал падающий термос жестом вратаря сборной — вот у кого с красотой падений всё в порядке, — а Соня, единственная из всех, засмеялась. Она сидела на лавке, вцепившись в край обеими руками, болтала ногами в такт качке и смотрела на нас сияющими глазами человека, которому наконец-то включили аттракцион.

— Ещё! — потребовала она.

— Не ещё! — Млякс висел на лавке всеми четырьмя, распластавшись, как белка на лобовом стекле. — Совсем не ещё!

Тряхнуло ещё. Соня взвизгнула от счастья. Вера возникла из-за занавески с топориком в руке — я даже не успел заметить, когда она его взяла, и сделал зарубку. Не успел заметить. Топорик у неё лежал в ладони так, как у меня лежит пипетка, — привычно.

Пол пошёл под ногами длинной пологой волной. Не как при землетрясении — я переживал одно, в командировке, там земля бьёт снизу, зло и коротко. Здесь было другое. Здесь была раскачка, крен, плавный подъём и плавный спуск, и желудок мой, сухопутный, кабинетный желудок, доложил об этом раньше головы — палуба. Мы на палубе. Земля кончилась.

Вестибулярный аппарат — честнейшая структура. Ему нельзя объяснить, что «всё под контролем» — у него три по-

лукружных канала, жидкость и волосы, и когда жидкость говорит «качает», волосы передают «качает», и никакие три докторские степени не могут вклиниться в эту инстанцию со своим особым мнением. Меня замутило. Трижды доктора наук замутило в собственной избе, и я сглотнул и подумал, что если меня сейчас вырвет на глазах у Веры, я попрошу систему погасить меня досрочно.

Мы высыпали из избы.

Зал ходил ходуном весь — рёбра свода поскрипывали, гирлянда, которую Соня ещё вечером велела перетянуть из избы над двором, раскачивалась, как на сельской танцплощадке в ветер, тени от неё ездили по стенам туда-сюда, и от этого казалось, что качается даже то, что не качается. Терминал горел весь, сверху донизу. По стенам бежали рыжие строки — Пристанище рассказывало о себе больше, чем за все предыдущие сутки:

[Поселение «Пристанище Ноль»: переход в фазу дрейфа.][Причина: плановая коррекция позиции.][Длительность: неизвестна.][Рекомендация жильцам: не паниковать.]

А в углу терминала, поверх всей рыжей паники, ровно и терпеливо мигала иконка, которую я задвигал уже который вход, — [Архив предыдущего носителя: запись 1 из 314. Доступна к прочтению]. Дом горел строками про собственный дрейф, а тот, кто создавал существ до меня и оставил мне и класс, и эти триста четырнадцать записей, терпеливо ждал, когда у меня дойдут руки. Руки не доходили — то долг, то

стройка, то вот это, «поехали».

— «Рекомендация: не паниковать», — прочитала Вера вслух. — Значит, есть от чего.

— Заметь, — сказал я, — «длительность: неизвестна» и «не паниковать» стоят рядом. Это как на упаковке — «не содержит ГМО» и состав на пол-этикетки мелким шрифтом.

— Дрейф! — Млякс уже метался между нами и терминалом, и хвост его писал в воздухе кардиограмму тяжёлого пациента. — Оно дрейфует! Пристанища дрейфуют между мирами, я говорил? Я говорил! Но оно не должно дрейфовать сейчас! Дрейф планируют! Подают заявку! За тридцать циклов! В трёх экземплярах! Потом заявку теряют, ты подаёшь снова, тебе отвечают, что форма устарела, ты берёшь новую форму, её тоже теряют, и вот когда ты уже готов лично съесть весь отдел согласований — ТОГДА тебе, может быть, разрешат дрейф! Это процедура! Это цивилизация!

— Млякс.

— ЧТО?!

— Кто согласовывает маршрут моего Пристанища?

Он остановился. Посреди двора, на полушаге, с поднятой лапой — остановился так резко, что уши по инерции продолжили движение.

— Никто, — сказал он совсем другим голосом. — Оно ничьё было четыреста лет. Оно... — уши медленно поднялись торчком. — Оно идёт по последнему согласованному маршруту. По старому. Куда ходило до того, как охранник не

принял смену. — Он помолчал и добавил тише, будто формулировка ему самому не нравилась: — Только маршрут — это память, а память сама с места не встаёт. Чтобы мёртвый протокол ожил и потянул тушу, кто-то должен был его дёрнуть. Подать за нас заявку. А мы с тобой, хозяин, ничего не подавали.

— И куда оно ходило?

— Откуда я знаю?! Я что, диспетчер? Я даже в своей смене маршрутов не видел, у нас доступ по рангу, а мой ранг видел только расписание обеда!

Ответила система. Она вообще любила встречать, когда её не спрашивали, — как отличница с первой парты:

[Сближение с объектом.][Тип объекта: кормовой склад. Принадлежность: Седьмой Предел.][Расчётное время контакта: 00:34:00.][Стыковочный протокол: действителен.]

Стало тихо. Даже гирлянда, кажется, мигала теперь через раз, как будто прислушивалась.

— Кормовой склад Седьмого Предела, — сказал я. — Это Вельфея склад.

Утренний вопрос — почему он просто смотрел и чего ждёт — я так и унёс в дневной сон нерешённым. А теперь мой дом сам вёз меня к его кладовке. Совпадения такого калибра я не любил ещё в той жизни — в науке совпадение — это закономерность, которую поленились проверить.

— Это Вельфея склад, — эхом подтвердил Млякс.

— И у нас с ним действующий стыковочный протокол.

— Потому что четыреста лет назад твоё Пристанище было приписано к снабжению! Оно возило грузы, понимаешь?! Оно грузовик! Ты живёшь в брошенном грузовике, который вспомнил маршрут!

Я стоял посреди качающегося двора и переваривал. Мой дом — транспорт. Изба, колодезное будущее, полка с ложкой, спальное место за печкой, всё моё нажитое непосильным трудом хозяйство — кузов. Я обживал этот кузов каждым свободным часом. Я, как дурак, радовался, что у кузова хорошие стены.

И тут же, следом, вторая мысль — биологическая, от которой по хребту прошло холодком. Если Пристанище — туша, а туша помнит маршрут, значит, у туши есть что-то вроде памяти. Рефлекторной дуги. Мышечной привычки. Мой дом не просто едет. Мой дом ВСПОМНИЛ. А что ещё он помнит — вопрос, который я решил отложить до времён, когда под ногами не качается.

— Куда конкретно мы едем, я спрашивать боюсь, — сказала Вера. — Но спрошу другое. Оно нас довезёт и повезёт обратно? Или мы теперь бродячий цирк?

— Маршрут кольцевой, — Млякс всмотрелся в бегущие строки. — Склад — и обратно на точку приписки. Точка приписки теперь — где встали. Гараж.

— То есть дом сам съездит к складу и сам вернётся.

— Да.

— Тогда почему у тебя лицо, как будто нас везут на раз-

делку?

— Потому что я смотрю не на маршрут. — Млякс ткнул лапой в строку контакта. — Я смотрю на протокол. Стыковочный протокол действителен. Это значит, склад нас примет как своего. Откроет грузовой переход. Сам.

Внутри у меня, в отделе, который я для удобства называю «ну вдруг» — он расположен где-то между здоровым смыслом и продолговатым мозгом и подчиняется только второму, — щёлкнуло знакомым звуком рычага.

Я посмотрел на терминал. На счётчик долга — [2500. Осталось: 5 суток 02:11]. На баланс — 2518 — ещё утром Млякс провёл «семейный тариф», и формально я уже мог погасить кредит хоть сейчас. Мог. Формально. А ещё я мог посмотреть, что лежит на кормовом складе врага, который прислал мне счёт.

— Млякс. Что хранят на кормовых складах?

— Корм.

— А в пересчёте на пепел?

Тишина. Млякс медленно, очень медленно повернул ко мне морду. На морде происходила борьба, знакомая мне по зеркалу — инстинкт самосохранения бился с инстинктом распределителя, и оба проигрывали третьему — тому, который считает.

— Хозяин. — Он сказал это очень ровно. — Носитель. Первый пользователь. Я вижу твоё лицо. Это плохая идея.

— Там лут.

— Там склад военного времени с действующей припиской!

— С нашей действующей припиской. Ты сам сказал — он нас примет как своего. — Я присел, чтобы наши глаза оказались на одном уровне. Приём из работы с аспирантами — на одном уровне врать труднее. — Млякс. У меня долг две пятьсот кровью подписан. За стеной город, в городе люди, людей надо кормить, а скоро их станет больше — они прячутся по своим подвалам и шторам, эти люди, и голод выгонит их из щелей раньше любых тварей. И мимо нас по старой памяти проплывает склад того самого демона, который выставил мне счёт. Скажи мне как распределитель распределителю. Что бы сделал Вельфей?

Млякс открыл пасть. Закрыл. Посмотрел на избу, на будку, на спящий манок у меня на груди. Потом сел на хвост и сказал с чувством, которого я от него ещё не слышал, — с гордостью, замешанной на обречённости, два к одному:

— Я начинаю вами гордиться. Это худшее, что со мной случалось.

Совет держали быстро, потому что тридцать четыре минуты — это тридцать четыре минуты, а у нас ещё никто не умел грабить склады. Во всяком случае, коллективно.

— Мы с Соней в избе, — сказала Вера раньше, чем я открыл рот. — Дверь на засов. Топорик у меня.

— Я и не собирался...

— Собирался. У тебя было лицо человека, который сейчас

начнёт распределять женщин и детей. Распределяй демонов.

Соня немедленно потребовала уточнений — почему в избе, если снаружи интереснее, и можно ли ей хотя бы «посмотреть на склад одним глазочком, я умею тихо». Вера ответила взглядом. Я в очередной раз отметил, что взгляд у неё работает эффективнее моего манка — Соня свернула переговоры мгновенно и отступила на заранее подготовленные позиции — к окну, откуда «всё равно всё видно».

— Я пойду, — Геннадьич уже набивал рюкзак, и качка ему мешала ровно настолько, насколько мешает профессионалу — никак, просто движения стали шире. Трос. Фонарь. Отвёртка. Моток проволоки. Термос — термос он положил с той же серьёзностью, что и трос. — Склад — это же склад. Я на складах полжизни. Что там может быть, чего я не видел.

— Многое, — честно сказал Млякс.

— Ну вот и посмотрим.

Пока Геннадьич собирался, изба качнулась глубже обычного, и Веру повело — прямо на меня. Я поймал её за талию, она поймала меня за плечо, и секунды полторы мы стояли, как два аспиранта, потянувшихся к одному микроскопу и не решивших, кто уступит. От её волос пахло дымом и хозяйственным мылом. Организм — молодой, двадцатипятилетний, наглый организм, доставшийся мне по акции «минус двадцать лет», — отреагировал на это с энтузиазмом, которого я не заказывал. В сорок пять я бы просто извинился. В этом теле я извинился, покраснел и ещё секунду не отпус-

кал, и все три пункта организм выполнил без согласования с научным руководителем.

— Качает, — сказала Вера, отстраняясь. В глазах у неё было что-то подозрительно похожее на смех.

— Качает, — согласился я голосом на пол-октавы ниже обычного и пошёл искать, чем занять руки. Руки нашли образец 1 и переложили его на полке подальше от края. Полегчало. Вот что значит якорь на здоровую психику.

Млякс тем временем вёл инструктаж — бегал по лавке туда-сюда, как лектор вдоль доски, и загибал пальцы:

— Значит, так. Склад — это туша. Большая мёртвая туша-платформа, внутри отсеки. Кормовые брикеты нас не интересуют, это прессованная тоска, её даже гончие едят с выражением. Интересует пепельный резерв — у каждого склада есть касса на текущие расходы. И капсульный фонд — то, что распределители не успели раздать. Всё это в учётном отсеке.

— А в учётном отсеке что?

— А в учётном отсеке, — Млякс притормозил, и хвост его сделал петлю, — сидит проблема. Штатная. Расскажу на месте, не хочу, чтобы вы передумали раньше времени.

— То есть проблема такого размера, что мы можем передумать?

— Проблема такого характера, что вы не поверите, пока не увидите.

Ожидание — крючок, лучший в арсенале, и знал я это

профессионально, по чужим историям болезни. В учебнике по аддиктологии, страница сорок семь, прекрасным казённым языком объяснялось, что пик дофамина приходится не на выигрыш, а на предвкушение. Я цитировал эту страницу студентам. Я делал по ней доклад. И теперь стоял посреди качающегося двора и чувствовал, как эта самая страница работает по мне — система тянула из меня предвкушение, за которое люди платят кошельком и головой. Приём я узнал в лицо и придержал за шкурку. Предвкушать было некогда. Надо было считать.

Мозг считал сам, без разрешения. Касса склада — сколько в кассе? Тысяча? Три? Военное время, склад не снабжался — может, и пусто... а может, наоборот — всё, что не успели вывезти на фронт. Капсулы. Серые по десять, это если по закупке, а в базарный день... Плюс брикеты, брикеты можно скормить гончим, гончие — это охрана, охрана — это порталы без потерь, порталы — это пепел, пепел — это...

— Хозяин считает, — доложил Млякс Геннадьичу, не оборачиваясь. — Видишь, глаза остановились, а губы шевелятся? В такие моменты его нельзя трогать. Можно только страховать.

— У нас в бригаде один так в лотерею играл, — кивнул Геннадьич. — Всю получку — на билеты. Тоже губами шевелил.

— И чем кончилось?

— Гаражом. Он с горя гараж построил. Руки-то золотые.

— Вот! — Млякс поднял палец. — Вот поэтому я и не мешаю. У этого — вон, целое поселение с горя получается.

Я хотел возразить, но осёкся — потому что и правда уже прикинул, сколько циклов грузового перехода уйдёт на кассу, фонд и корм. Только считал я не барыш. Считал, на сколько дней это накормит подвалы за стеной и хватит ли поднять долг, оставшись с запасом. Тот, из бригады Геннадьича, спускал получку на билеты ради шевеления в груди. У меня в груди было пусто и деловито — там лежал долг на две пятьсот, подписанный кровью, и его надо было закрыть. Считал я по работе. Этому меня учили тридцать лет, и апокалипсис методичку не отменил.

[Расчётное время контакта: 00:09:00.]

Девять минут мы стояли у стены зала и смотрели, как на ней — напротив моей всегдашней двери — медленно прорисовывается второй контур. Шире. Выше. С косою штриховкой по периметру, какой в моём мире метят грузовые зоны, и я в который раз подумал, что у бюрократии, видимо, единый предок во всех вселенных, как у позвоночных.

Качка стихала. Пристанище доворачивало — мягко, длинными полудугами, и в этих полудугах было что-то от того, как крупное животное устраивается на лёжку — не спеша, всем весом, с одним точным движением в конце. Пол качнуло в последний раз. Где-то в глубине стен прокатился гулкий костяной лязг — звук, с каким сцепляются вагоны, если бы вагоны были живыми и делали это добровольно.

[Стыковка выполнена.][Открыть грузовой переход?]

Мы стояли перед новым контуром втроём — я с дубинкой, Геннадьич с рюкзаком и монтировкой, Млякс с лицом приговорённого к премии. Четвёртый, которому предстояло всё это пересчитать по описи, ждал нас там, внутри, — но об этом я тогда ещё не знал.

— Порог там тоже пять кило? — деловито спросил Геннадьич.

— Грузовой переход — это грузовой переход, — оскорбился Млякс. — Тонна за цикл. Мы же не в гости. Мы по накладной.

— По какой накладной?

Пока контур дорисовывался, Млякс провёл строевой смотр. Обошёл нас с Геннадьичем кругом, как прапорщик — новобранцев, и остался недоволен всем.

— Значит, так. Легенда. Я — распределитель седьмой смены, следую с грузом особого назначения, вы — конвой. Хозяин. Сделай лицо конвоя.

Я сделал.

— Это лицо человека, который спасает руку мертвеца из банки. Мне нужно лицо существа, которому скучно, тяжело и давно не платили.

— Так мне и правда давно не...

— ВОТ! Вот это лицо! Держи его. Геннадьич — идеально, не меняй ничего, у тебя от природы конвойная фактура. Монтировку на плечо. Не как оружие — как инвентарь.

Оружие вызывает вопросы, инвентарь вызывает уважение.

— А если спросят, что за груз особого назначения? — спросил я, удерживая на лице скуку, тяжесть и невыплаченную зарплату.

— Не спросят. Груз особого назначения потому и особого, что про него не спрашивают. Спрашивают про накладную.

Из окна избы на нас смотрела Соня — приплюснув нос к стеклу и одобрительно показывая большой палец. Конвойная фактура Геннадьича ей явно нравилась.

— По той, — сказал Млякс, и в голосе его впервые за вечер прорезалось что-то от прежнего ларёчного величия, — которую я сейчас придумаю.

[Открыть грузовой переход?] — терпеливо повторила система, и палец мой уже лежал на подтверждении, когда мозг — с опозданием на полсекунды, как всегда в этом теле, — подал голос из заднего ряда — склад четырёхста лет стоит на мёртвом маршруте, снабжение срезано, сводки врут... так почему у него до сих пор **ДЕЙСТВИТЕЛЕН** стыковочный протокол — и кто все эти четырёхста лет его продлевал?

Глава 11

— На пороге стоим! — Млякс раскинул лапы, перегоравшая проём всем своим невеликим корпусом. — Стоим и дышим ртом!

Совет запоздал. Грузовой переход открылся с длинным влажным вздохом — именно вздохом, с перепадом давления, у меня заложило уши, — и из темноты дохнуло так, что дышать ртом я начал рефлекторно, вместе со всеми остальными защитными реакциями организма. Пахло старым рыбным цехом, в котором давно выключили холодильники. Не свежей смертью — смерть свежей не пахла здесь вообще, — а смертью, прошедшей полную амортизацию — солью, ржавчиной, высохшей чешуёй и той особой сладковатой нотой, по которой любой практикующий биолог опознаёт белок, разложившийся до стабильного состояния. Стабильного — ключевое слово. Этому запаху было лет сто, и он никуда не торопился.

— Знакомый букет, — сказал Геннадьич, принюхавшись без всякого отвращения. — У нас на овощебазе так пахло из подвала, куда никто не спускался с восемьдесят шестого года. Мы туда потом комиссию водили. Комиссия постановила подвал считать несуществующим.

— Мудрая комиссия, — оценил Млякс.

— Не то слово. Двадцать лет никто не проверял — и ни-

чего, стояла база.

Переход был не дверь — ворота. Мой обычный порог, дверной, пропускал пять кило за цикл и ощущался как шаг через натянутую плёнку. Здесь плёнки не было. Здесь был провал — широкий, в два моих роста, с косой штриховкой по кромке, и воздух в нём стоял плотный, как вода в проруби. Я шагнул первым — конвой я или кто, — и переход прошёл сквозь меня, а не я сквозь него — длинное тянущее ощущение, будто кто-то очень большой пересчитал меня по описи, от пломб, которых больше нет, до содержимого карманов, и остался равнодушен.

[Грузовой переход: субъект пропущен.][Категория: сопровождение груза.]

— «Сопровождение груза», — прочитал я. — Система, груза ещё нет.

[Категория: сопровождение груза.]

— Она оптимистка, — сказал Млякс, протискиваясь следом. — Учись.

Коридор за переходом оказался кишкой — я произнёс это про себя как диагноз, а не как ругательство, потому что это и был диагноз. Стены сходились кверху ребристым сводом, и рёбра были не архитектурой — настоящие шпангоуты, костяные, с суставными утолщениями, уходили в темноту с равным шагом, как у любого порядочного позвоночного. Между рёбрами стены поблёскивали потёками — застывшими, слюдяными. Под потолком тлели бляшки света,

тусклые, желтоватые, и я пригляделся. Не лампы. Органы. Люминесцентные бляшки, вросшие в ткань свода, — у глубоководных такие приманивают добычу, здесь, судя по расположению строго над проходом, они честно работали освещением. Кто-то когда-то вывел тушу, у которой вместо проводки — биология.

Склад был мёртв — и склад был телом. Я шёл по пищеводу мёртвого кита, выведенного под хозяйственные нужды, и во мне боролись два специалиста — один хотел остановиться и взять соскоб со стены, второй напоминал, что соскобы со стен незнакомых организмов берут в перчатках, которых у меня нет, и в лабораториях, которых у меня нет, и вообще он предупреждал.

— Млякс. Склад — он мёртвый или спит?

— Мёртвый. Совсем. Их мёртвыми и делают: живая туша жрёт, а мёртвая только хранит. Убивают на верфи, прости за подробности, до того, как... — он покосился на меня. — Тебе же интересно, да? У тебя лицо интересующееся.

— У меня лицо конвоя.

— У тебя лицо конвоя, который сейчас попросит остановиться и что-нибудь отрезать на память.

— Одну ма-аленькую пробу...

— НЕТ.

Геннадьич шёл третьим и вёл собственную ревизию — фонарь у него ходил по стенам коротко, по-хозяйски, как у человека, который не любит, а принимает объект.

— Вентиляции нет, — бормотал он. — Ливнёвки нет. Стеллажное хранение вон там было — кронштейны остались, полки сняли... Сняли, заметь, аккуратно, с крепежом. Это не грабили. Это вывозили по акту.

— Фронт, — мрачно сказал Млякс. — Я же говорил: всё, что можно открутить, уехало на фронт ещё в начале вторжения. Остался неприкосновенный фонд и...

Он осёкся. Опять. Третий раз за вечер он подъезжал к этому «и» — и третий раз сворачивал.

— Млякс. Кто в учётном отсеке?

— Скоро увидишь.

— Ты второй час это говоришь. Я начинаю думать, что там твоя тёща.

— Если бы, — сказал Млякс с чувством. — С тёщей можно договориться.

Первый поворот обозначился табличкой. Она висела на стыке двух коридоров — костяная пластина с демоническими значками, глубоко процарапанными и залитыми чем-то тёмным для контраста, и под значками, отдельной строкой, шёл универсальный язык всех бюрократий вселенной: стрелка.

— «Приёмка», — перевёл Млякс. — Нам туда.

— А туда? — я кивнул на второй рукав коридора, уходивший вниз, во тьму погуще.

— «Выдача». Нам туда не надо.

— Почему? Мы же как раз за выдачей.

— Потому что на выдаче стоит выдача, — сказал Млякс терпеливо, как ребёнку. — Автоматика. Ей нужен наряд, подпись и лимит. У нас нет наряда, нет подписи и нет лимита. А на приёмке сидит живое существо, а с живым существом всегда можно... — он пошевелил пальцами, — вступить в отношения.

— Ты хочешь сказать — обмануть.

— Я хочу сказать «вступить в отношения». Обманом это становится после протокола.

За вторым поворотом кишка расширилась в отсек, и мы встали. Не от опасности — от вида. Отсек был заставлен брикетами — штабеля выше меня, ровные, до свода, перевязанные жгутами, уходили вглубь шеренгами, и в свете фонаря брикеты отблёскивали одинаковой серо-бурой коркой. Пахло от них сухо и никак — так пахнет вещество, из которого убрали всё, что могло заинтересовать хоть одну живую тварь.

— Кормовые, — Млякс махнул лапой. — Прессованная тоска. Я говорил.

Геннадьич уже стоял у ближайшего штабеля и делал то, что сделал бы любой нормальный человек его биографии — взвешивал брикет в руке, стучал по нему костяшкой, нюхал.

— Плотный, — доложил он. — Килограммов семь. Не крошится. — И прежде чем кто-либо успел вмешаться, отломил уголок и положил в рот.

— ГЕННАДЬИЧ!

— А что такого? — Он жевал вдумчиво, с выражением

дегустатора, которому уже всё ясно, но положено досидеть до конца. — Комбикорм и комбикорм. У нас такой на элеваторе был, только наш душистей... Жмых, костная мука, что-то вяжущее. Есть можно.

— Это корм для гончих военного времени! — Млякс держался за сердце, вернее, за то место, где оно у него размещалось по штатному расписанию. — Его демоны-то едят только под приказом!

— Значит, у демонов с приказами лучше, чем у нас было со снабжением, — Геннадьич отряхнул ладони и посмотрел на штабеля уже другим взглядом — кубатурным. — Артём Ильич. Если братъ — тут одной ходкой не обойдёшься. Это ж тонн сорок.

И вот тут я почувствовал его снова — рычаг в отделе «ну вдруг». Сорок тонн корма. У меня на груди спал манок, на который рано или поздно придёт свора — одиннадцать голодных гончих покойного охотника, — и лучше бы к тому дню у меня было, что им предложить, кроме собственной анатомии. У меня город за стеной, где еда кончается быстрее, чем беженцы. И я стоял посреди мёртвого пищевода и делил штабеля на циклы перехода, а циклы на дни, и где-то на третьем действии поймал за этим занятием сам себя.

— Хозяин считает, — не оборачиваясь, констатировал Млякс.

— Не считаю.

— Губы шевелятся.

— Это я молюсь.

— Молящийся ты страшнее считающего, я запомнил с прошлого раза... Корм потом! — он встал между мной и штабелями, маленький и непреклонный. — Сначала — учётный отсек. Потому что без учётного отсека твои сорок тонн так и останутся имуществом Седьмого Предела, а с учётным отсеком... — уши его дрогнули, — с учётным отсеком есть варианты.

— Так. Стоп. — Я присел на корточки, выравнивая наши глаза. Аспирантский приём номер два — если номер один не сработал, повторить с меньшей дистанции. — Мы в тридцати шагах от твоего «увидишь». Рассказывай. Кто там сидит.

Млякс посмотрел на меня. На Геннадьича. На брикеты, будто искал у них поддержки.

— Кладовщик, — сказал он наконец. — Штатная единица. Они не уходят со смены. Никогда. Вообще никогда — и это не преданность, хозяин, не подумай. Это биология. Кладовщика не нанимают. Кладовщика выращивают. Вокруг учётной книги, с личинки: книга — первое, что он видит, книга — первое, что он трогает, к совершеннолетию они срастаются. Буквально. Цепочкой. Книга пишет через него, он живёт через неё, и разлучить их можно только по акту списания. Обоих сразу.

Я молчал, наверное, дольше, чем следовало. Во мне опять было два специалиста. Один — человек, которому только что описали существо, приговорённое к работе с рождения,

и человеку было не по себе. Второй — биолог, и биолог, стыдно признаться, был в восторге — облигатный симбиоз с документом. Симбионт документации. Никакая эволюция до такого не додумается сама — такое можно только вывести, специально, зная, чего хочешь, и тот, кто это вывел, хотел, чтобы учёт вёлся вечно.

— И этот кладовщик, — сказал я, — четыреста лет сидит на мёртвом маршруте. Один. С книгой.

— Да.

— Ему же не платят.

— Ему начисляют, — поправил Млякс. — Это разные вещи. Начисляют исправно, а получить можно только на базе снабжения, а база снабжения — по ту сторону закрытого маршрута. У них там, — он неопределённо повёл лапой вверх, где, по-видимому, размещалось всё демоническое мироустройство сразу, — это считается нормально.

— У нас тоже, — сказал Геннадьич. — Ты не думай, что удивил.

Третий поворот мы прошли уже тихо — Млякс поднял лапу, и разговоры кончились сами. Потому что из-за стены, из-за костяной переборки с последней табличкой, доносился звук.

Счёты.

Я знал этот звук. Его нельзя спутать ни с чем, если ты хоть раз сдавал отчёт в бухгалтерию старой школы — сухие костяшки, щелчок, прогон, щелчок. Размеренный, несчастый

— костяшка в три-четыре секунды. Звук не работы даже, а тика: так тикают часы, которым некуда спешить.

— Он что, работает? — одними губами спросил я. — Четыреста лет? Без поставок?

— Он сверяет, — так же тихо ответил Млякс. — Книга живая, ей надо шевелиться. Нет прихода — сверяешь остатки. Четыреста лет одни и те же остатки, хозяин. Представь себе эту опись.

Я представил. По спине, между лопаток, прошёл холод, не имеющий отношения к температуре — обычная моя реакция на цифры, у которых нет конца. Четыреста лет умножить на триста шестьдесят с чем-то местных суток, умножить на одну опись в сутки... Я оборвал себя. Есть подсчёты, после которых сложно вступать в отношения с их результатом.

— План такой, — зашептал Млякс. — Я захожу первый. Официально. С накладной. Вы — за мной, на два шага, молча, с лицами. Говорю я. Что бы он ни спросил — говорю я. Если он потянется к красной жиле над конторкой — вот тогда можете говорить вы, но уже громко и руками.

— Что за красная жила?

— Тревожная. Сигнал на базу приписки.

— На базу, которая четыреста лет не отвечает?

— Протокол не спрашивает, отвечает ли база. Протокол спрашивает, подан ли сигнал.

Учётный отсек открылся за переборкой сразу, без прихожей, — круглая камера, и первое, что сделал мой глаз, ещё

до всякого кладовщика, — побежал по стеллажам. Стеллажи шли вверх и терялись в темноте, честно, без метафор — фонарь Геннадьича доставал ярусов до шести, дальше угадывались только рёбра полок. Брикеты — но уже не штабелями, а перебранные, сорта по сортам. Ящики. Ящики с капсулами — серые россыпью, как галька, в открытых лотках. Синие — в ячейках, каждая в своём гнезде, как патроны. И отдельно, на уровне груди, на подкладке из чего-то тёмного — два футляра, длинных, узких, с фиолетовым отливом в шве.

Дофамин не спрашивает разрешения. Страница сорок семь, я всё помню, я сам это преподавал: предвкушение бьёт сильнее выигрыша. Знание не помогло ни на грамм. Рот наполнился слюной, честной павловской слюной, как у собаки на звонок, и я стоял в тёмном мёртвом складе и хотел эти лотки так, как никогда не хотел ни одного гранта.

А потом фонарь дошёл до центра камеры, и я увидел конторку.

Она не стояла на полу — она из него росла. Костяное основание расширялось книзу и уходило в пол без шва, одним материалом, как дерево уходит в корень. На конторке лежала книга. Учётная. В полтуловища размером — не моего туловища, — с переплётом, отполированным до костяного блеска тысячами прикосновений, и от нижнего угла переплёта уходила вниз цепочка. Тонкая. Тускло-жёлтая. Она свешивалась с конторки, шла коротким провисом — и входила под кожу существу, которое сидело за конторкой и спало.

Кладовщик был похож на Млякса — так, как гербарий похож на лето. Тот же вид, та же порода — уши, морда, четырёхлапая посадка. Но серый до белёсости, будто его четыреста лет вымачивали в проявителе, сплюснутый, как всё, что долго лежит под тяжестью, и высохший до состояния, когда о существе хочется говорить «экземпляр». Глаза закрыты. Голова опущена. А лапы — лапы работали. Во сне, сами, с той механической точностью, какая бывает только у движущихся, протёршихся до подкормки — костяшка, щелчок, прогон, щелчок.

Цепочка под кожей шевелилась в такт — чуть-чуть, у самого входа под шкуру, там, где ткань выросла вокруг звеньев валиком, старым, застарелым, как нарастает кожа вокруг вросшего кольца. Я смотрел на этот валик и чувствовал, как у меня самого чешется грудь. Есть вещи, которые тело примеряет на себя без спроса.

— Худой какой, — прошептал Геннадьич, и в его шёпоте было чистое, без примесей, сострадание завхоза к запущенному объекту. — Довели.

Млякс расправил несуществующие плечи, выставил перед собой накладную — лист, исписанный за время стыковки таким казённым почерком, что от него пахло приёмной, — и сделал три шага вперёд. Кашлянул.

Счёты замерли.

Тишина, которая наступила, была хуже любого звука: четыреста лет в этой камере что-то тикало — и перестало. Из-

за нас.

Один глаз кладовщика открылся. Мутный, жёлтый, он навёлся на Млякса не сразу — сначала прошёл мимо, вернулся, сфокусировался, как старый объектив. Второй глаз догнал первого с опозданием и устоялся при этом немного в сторону — у них тут это, видимо, семейное.

— Заявок нет, — сказал кладовщик. Голос у него был как сами счёты — сухой, костяной, разложенный на щелчки. — Приёма нет. Выдачи нет. Смена не окончена.

— Приёмка груза особого назначения, — отчеканил Млякс и положил накладную на конторку жестом, которым вручают верительные грамоты. — По форме сто двенадцать дробь шесть.

Глаз кладовщика опустил на лист. Второй глаз продолжал изучать что-то левее моего плеча, и я поймал себя на том, что тоже туда покосился.

— Форма сто двенадцать дробь шесть, — проскрипел кладовщик, — отменена. Циркуляром от третьего дня девятой луны. Действует форма сто двенадцать дробь восемь.

— Циркуляр какого года? — не моргнув, спросил Млякс.

— Года Жёлтой Кости.

— Ага. — Млякс выдержал паузу, которую в его исполнении я уже научился опознавать как разбег. — А Год Жёлтой Кости был до закрытия маршрута или после?

Костяшка на счётах щёлкнула — одна, сама, вне ритма. Я почти услышал, как в высохшей голове проворачивается

арифметика.

— После, — признал кладовщик.

— То есть циркуляр пришёл на закрытый маршрут.

— Циркуляры поступают вне зависимости от...

— То есть, — Млякс упёрся лапами в конторку и подался вперёд, — на этом складе циркуляры получают, а жалованье — нет?

Второй глаз кладовщика медленно, со скрипом, съехал с точки левее моего плеча и сфокусировался туда же, куда первый. На Млякса. Оба сразу. И в этих двух мутных желтках проступило выражение, которое я видел на симпозиумах у людей, услышавших наконец доклад по своей теме.

— Вы... — начал он, и голос его дрогнул на щелчке. — Вы из инспекции по труду?

— Хуже, — сказал Млякс скорбно. — Я коллега.

Кладовщик приподнялся над конторкой — насколько пустила цепочка, то есть на ладонь, — и всмотрелся. Фонарь Геннадьича давал немного, бляшки под потолком ещё меньше, но кладовщику, похоже, хватало. Он смотрел на Млякса долго, поворачивая голову то одним глазом, то другим, как птица, и с каждым поворотом что-то в его высохшей морде оттаивало.

— Распределительный контур... — проскрипел он. — Седьмая смена... Клеймо на левом ухе, недостача на правом... Млякс?! Млякс, распределительный, седьмая смена?! Ты же пропал! Тебя же в сводке провели как утраченного

при обратном захвате! Я сам вносил! Собственной лапой — «утрачен, списанию не подлежит, числить за фондом»!

И вот тут, глядя, как эти двое таращатся друг на друга поверх накладной по отменённой форме — один утраченный, но числящийся за фондом, второй начисленный, но не получивший, — я задал себе вопрос, который следовало задать ещё на пороге: старый знакомый в тылу врага — это выход... или просто второй свидетель?

Глава 12

— Утраченный?! — Млякс всплеснул лапами так, что накладная спланировала с конторки на пол. — Зузлик! ТОТ САМЫЙ Зузлик! Тебя же на вводном инструктаже проходят, ты легенда учёта! Я думал, ты давно на базе! Я по сводкам думал, тебя перевели! Ты хоть знаешь, что там, наверху, творится?!

— Не знаю, — сказал Зузлик, и это прозвучало как диагноз. — Мне не докладывают. Мне поступают циркуляры.

Они смотрели друг на друга поверх конторки — два существа одной породы, разведённые судьбой по разным описям, — и я тихо подвинулся к Геннадьичу, потому что чувствовал. Сейчас начнётся то, в чём посторонним делать нечего. Так и вышло. Следующие несколько минут я наблюдал высокое искусство, которому не учат ни в одном университете — разговор двух младших демонических чиновников после долгой разлуки. Это было похоже на встречу одноклассников, если бы одноклассники сверяли не жизни, а ведомости.

— Премию за оборот помнишь? — Млякс уже сидел на конторке, свесив хвост. — Квартальную?

— Срезали, — сказал Зузлик. — Ещё до войны. Ввели коэффициент полезности склада. Мой склад на мёртвом маршруте — какая у него полезность?

— И какая?

— Ноль целых ноль десятых. Я запросил разъяснение: как может быть нулевая полезность у склада, который хранит фонд в полной сохранности? Мне ответили.

— Что?

— «Ожидайте».

— Когда?

— Триста восемьдесят лет назад.

Млякс покивал с видом врача, которому описывают зна-
комую клинику.

— А снабжение?

— Прекращено с начала вторжения. Всё уходит на фронт. Мне прислали норму самообеспечения. — Зузлик выдвинул откуда-то из недр конторки костяную табличку и зачитал, держа её на отлёте, как читают приговоры: — «Штатным единицам закрытых объектов надлежит обеспечивать себя из некондиционных остатков, не подлежащих учёту». Знаешь, сколько у меня некондиционных остатков, Млякс? У меня идеальный склад. У меня ВСЁ подлежит учёту.

— То есть тебе официально разрешили есть только то, чего у тебя официально нет.

— Именно так.

— И чем ты...

— Пылью, — просто сказал Зузлик. — Пыль не учитывается.

Стало тихо. Геннадьич рядом со мной издал звук, который я знал по совещаниям в институте — короткий носовой

выдох человека, который слышит про чужую контору родное. Я смотрел на серое сплющенное существо за конторкой и производил в голове пересчёт, от которого делалось нехорошо. Четыреста лет. На пыли. С книгой, вросшей под кожу, с циркулярами вместо новостей и с «ожидайте» вместо жалованья. В моём мире про такое писали диссертации по истории ГУЛАГа, а здесь это называлось «штатная единица закрытого объекта» и проходило по графе «нормально».

— Сводки хоть читаешь? — спросил Млякс.

— Читаю. — Зузлик покосился на книгу. — Они врут. Я кладовщик, Млякс, я вижу цифры. Сводка пишет «плановое выравнивание фронта», а через неё транзитом идут заявки на восполнение потерь. По заявкам «плановое выравнивание» — это когда потери за декаду больше, чем за прошлый год. Я четыреста лет читаю чужие накладные. Меня нельзя обмануть документом.

— Вообще нельзя? — уточнил Млякс невинно.

— Вообще, — отрезал Зузлик и постучал когтем по нашей накладной. — К слову. Форма сто двенадцать дробь шесть, заполнена свежими чернилами по образцу четырёхсотлетней давности, груз особого назначения не указан, печать отсутствует, подпись неразборчива — и я обязан спросить: что здесь, собственно, происходит?

Вот теперь тишина стала рабочей. Геннадьич неторопливо переложил монтировку с плеча на плечо — не угрожающе, а так, как переключают инвентарь, когда предстоит

работа. Красная жила над конторкой висела в полуметре от лапы Зузлика, и я прикинул траекторию. Не успеем. Никак не успеем.

А Млякс — Млякс сделал то, чего я не ожидал. Он не стал врать дальше. Он вздохнул, слез с конторки, встал напротив старого знакомого во весь свой невеликий рост и сказал:

— Происходит вот что, Зузлик. Я в плену. У человека. Вот у этого. Меня заставляют работать. Комиссия — пять процентов, Зузлик. Пять. Я на дне.

— Кошмар какой, — с чувством сказал Зузлик и посмотрел на меня. Потом на Геннадьича. Потом на монтировку. Счёты в его лапах сами собой отщёлкнули что-то тревожное. — А... эти?

— Конвой, — не моргнув, сказал Млякс.

— Пленный с конвоем... грабит склад своего кредитора... по поддельной накладной. — Зузлик разложил ситуацию на составляющие с бухгалтерской беспощадностью. — Млякс. Я обязан подать сигнал.

— Обязан, — легко согласился Млякс. — Подавай.

— Что?

— Подавай сигнал. Дёргай жилу. — Он даже подвинулся, освобождая директрису. — Только сначала ответь мне на один профессиональный вопрос. Как коллега коллеге. Когда сигнал дойдёт до базы приписки — а он дойдёт, протокол есть протокол, лет через десять, маршрут-то мёртвый, — и когда сюда придёт комиссия, что она увидит?

Зузлик молчал.

— Она увидит склад, — ответил за него Млякс, — на котором четыреста лет числится штатная единица с неснятой недостачей моего имени. Ты же меня «числишь за фондом», сам сказал. Я — фонд, Зузлик. Утраченный, списанию не подлежащий. И я стою на твоём складе. Живой. Знаешь, как это называется на языке ревизии?

— Обнаружение ранее утраченного... — прошелестел Зузлик.

— С обязательной проверкой обстоятельств утраты! — Млякс воздел палец. — Всей смены! За весь период! Зузлик, родной, тебе устроят сверку за четыреста лет. Тебе поднимут каждую опись. И где-нибудь на двухсотом годе они найдут расхождение — не потому, что ты ошибся, а потому, что комиссия не уходит без расхождения, иначе зачем она ехала.

Я слушал и понимал, что присутствую при мастер-классе. Млякс не пугал — Млякс рисовал будущее, и будущее было составлено безупречно, из одних только подлинных деталей — я узнавал жанр. У нас так разговаривали с завлабами проверяющие из главка. Дословно так.

— Чего ты хочешь? — спросил Зузлик тускло. Счёты в его лапах остановились совсем.

— Я? Ничего. — Млякс сел. — Я хочу помочь. Смотри, какая картина складывается. Склад стоит на мёртвом маршруте. Снабжения нет, полезность нулевая, жалованье копится там, куда тебе не доехать. Это не жизнь, Зузлик, это опись

жизни... И тут — прорыв. Дикое Пристанище, четыреста лет без хозяина, вспомнило маршрут, пришло по протоколу и варварски разграбило вверенный тебе объект.

— Разграбило, — повторил Зулик.

— Подчистую, — подтвердил Млякс. — Унесло всё. фонд, кассу, резерв. Сопротивление было сломлено. — Он оглядел тщедушную фигуру кладовщика и поправился: — Сопротивление было решительным, но недостаточным. Я оформлю акт. Ты же знаешь, как я оформляю акты.

— Ты оформляешь акты... — Зулик прикрыл глаза, и в голосе его прорезалось что-то далёкое, тёплое, — как никто в седьмой смене. Твой акт о списании телеги с обрыва до сих пор в методичках. Восемь листов. Комиссия плакала.

— Телега, — скромно сказал Млякс, — того заслуживала... Так вот. Склад утрачен при прорыве. Штатная единица

Он сделал паузу. И Зулик, четыреста лет читавший чужие накладные, дочитал эту сам:

— утрачена вместе с объектом.

— Захвачена, — мягко поправил Млякс. — В плен. Как ценный специалист. Вместе с книгой, разумеется, — куда специалист без инструмента.

— А книга?.. — Зулик прижал лапу к переплёту, и цепочка натянулась. — Книгу же спишут. Если объект утрачен — фонды списывают. А я к ней...

Он не договорил. Не смог — я видел, как у него дёрнулось горло, сухо, вхолостую, как у человека, который разучился

сглатывать, потому что четыреста лет было нечего. И я шагнул вперёд, потому что дальше молчать было уже подло.

— Книгу никто не спишет, — сказал я. — Наоборот. У меня Пристанище без учёта: жители не переписаны, фонд не описан, склад — вот, весь этот, — сейчас поедет к нам без единой накладной. Мне нужен учётный отсек. Штатный. С книгой и с тем, кто умеет с ней обращаться. Это не плен, Зулик. Это перевод. На действующий объект.

Оба глаза кладовщика съехались на мне — медленно, с усилием, как прожектора.

— На действующий... — повторил он. — С оборотом?

— С ежедневным.

— С приходом и расходом?

— Приход, расход, жители, долги, кредитная линия. — Я загибал пальцы. — Инвентаризация не проводилась ни разу. Вообще ни разу, с основания.

Зулика передёрнуло. Целиком, от ушей до хвоста, — так вздрагивают от скрежета по стеклу.

— Ни разу, — прошептал он с ужасом, в котором явственно проступало вожделение. — Дикий фонд. Целина... — И тут же, спохватившись, выставил лапу: — Условия. Я обязан выдвинуть условия, без условий перевод недействителен.

— Выдвигай.

Он выдвинул. Из недр конторки появилась чистая костяная табличка, и Зулик, диктуя сам себе вслух, начал составлять документ, который я про себя озаглавил «Договор

о добровольном пленении» — пункт первый — учётные часы не более... он покосился на Млякса, Млякс показал четыре лапы... не более шестнадцати в сутки («Зузлик, это называется отдых, тебе понравится»). Пункт второй — доступ к описи беспрепятственный. Пункт третий — довольствие натуральное, от пыли отказ («смело, — оценил Млякс, — я бы торговался»). Пункт четвёртый...

— Отпуск, — подсказал я.

Счёты выпали у Зузлика из лап.

— Что такое «отпуск»? — спросил он осторожно, как спрашивают о процедуре, которая может оказаться болезненной.

— Это когда смена окончена, а ты жив, — объяснил Млякс. — Идёшь куда хочешь, делаешь что хочешь, и никто не имеет права дать тебе циркуляр.

— Так не бывает.

— У людей бывает. Я проверял. У них вообще, Зузлик, много интересного. У них есть изба. Печка — это как жаровня, только никого не жарят. И девочка у них есть, которая назовёт тебя котиком, — готовься заранее, это не лечится.

— Котиком, — повторил Зузлик без всякого понимания, записал в табличку «котиком (уточнить)» и вернулся к соединительным союзам, которых в его документе было больше, чем содержания.

Пока он скрипел, я разглядывал красную жилу над конторкой. Вблизи она была толще, чем казалась, — с палец,

глянцева, вживлённая в свод аккуратным хирургическим швом, и уходила куда-то в тело склада, к передатчику, которого никто из живых, вероятно, уже не видел.

— Зузлик. А ты её когда-нибудь дёргал?

Скрип прекратился.

— Один раз, — сказал он, не поднимая головы. — На двести одиннадцатом году. Не по регламенту — регламентных оснований не было. Просто... смена шла, опись сходилась, и я вдруг понял, что не помню, какой у голосов звук. Не команд из циркуляра, а голосов. И дёрнул.

— И что?

— Через шесть лет пришла квитанция. — Он выдвинул нижний ящик конторки, достал костяную карточку, затёртую по краям так, как затирают только то, что часто держат в лапах. — «Сигнал принят. Основание не установлено. Ожидайте».

Он подержал карточку и убрал обратно, в ящик, где она лежала, судя по всему, на почётном месте — единственный за четыреста лет документ, адресованный лично ему.

— Я ожидаю, — пояснил он. — Формально визит вашего Пристанища может быть ответом на тот сигнал. Сроки реагирования нигде не оговорены.

— Зузлик, — сказал я, — мы пришли тебя грабить.

— Не порть мне формулировку, — попросил кладовщик и дописал в таблицу пункт: «Прибыли по сигналу. Опоздание: 189 лет — в пределах допустимого». После чего поднял на

меня глаза. — Последний пункт. Цепь.

В отсеке стало тихо. Даже Млякс не нашёлся сразу.

— Её нельзя снять, — сказал Зузлик ровно, заранее, как говорят о давно решённом. — Крепление пожизненное. Я спрашивал. Писал запрос, ещё в первую сотню лет — процедура открепления существует? Мне ответили: существует. Акт списания единицы. Посмертный.

— Дай посмотреть, — сказал я.

Он замер. Я обошёл конторку — Млякс дёрнулся было, но промолчал, — и присел возле кладовщика на корточки. Вблизи было видно то, чего не давал фонарь издали — цепочка входила под кожу на груди, и ткань вокруг звеньев наросла валиком, но валик был... я осторожно, двумя пальцами, как на приёме, отвёл крайнее звено. Зузлик задышал часто, но не отстранился. Валик был рыхлый по краю. Не сросшийся монолитом, как я боялся, — наросший. Слоями. Как нарастает мозоль — тело не приняло цепь, тело всего лишь сдалось и застроило её, слой за слоем, четыреста лет.

— Больно? — спросил я.

— Что именно?

— Вот это. Постоянно.

Зузлик посмотрел на меня так, будто я спросил, мокрая ли вода.

— Это учётная связь, — сказал он. — Она не бывает больно. Она бывает всегда.

— Понятно, — сказал я, поднимаясь. — Значит, так. Ре-

зять по живому не будем. Будем по документам. Млякс, если единица числится утраченной при прорыве, а фонд захвачен целиком — книга уходит в трофеи вместе с носителем. Так? — Так.

— А трофеей поступает на баланс нового владельца. Значит, связь книги с фондом Предела разрывается в момент захвата. Юридически.

Млякс и Зузлик переглянулись. Потом оба посмотрели на цепочку.

— Юридически, — медленно сказал Млякс, — да. Физически это цепь.

— Физически это биология, а биология слушается статуса, я это здесь уже видел. — Первой мыслью было расщепление. Раз связь — два пальца, и нет связи. Первая мысль была плохая. Цепь вросла, а расщеплять по вросшему — это операция на живом, а не жест. Вторая мысль была лучше.

Я вытащил из-за пояса дубинку. Ту самую «Дубинку Убедительности» из синей крутки — ранг D, двести ударов по паспорту, из которых я истратил пока меньше десятка. — Зузлик. Как кладовщик кладовщику: вот стоит твой новый фонд. Целый, дикий, неописанный. По одну сторону цепи — четыреста лет остатков. По другую — целина. Скажи сам, как правильно оформить.

Зузлик посмотрел на цепь. На книгу. На меня. Потом взял книгу обеими лапами, прижал к себе — и развернулся так, что цепочка легла на край конторки, натянутая, открытая.

— Актом приёма-передачи, — сказал он твёрдо. — Единовременным.

Дубинка сказала «БУ-ОНК». Звук был совершенно не юридический.

Звено лопнуло у самого валика — сухо, легко, как лопаётся то, что четыреста лет ждало разрешения. Зузлик покачнулся, вцепился в книгу, и я приготовился ловить, потому что по всем законам физиологии после четырёхсот лет связи должно было...

Ничего не должно было. Зузлик стоял. Держал книгу. Оборванный хвостик цепочки свисал у него с груди, и кладовщик смотрел на него сверху вниз с выражением, для которого в моём словаре нашлось только одно слово, и слово было — оторопь.

— Я её держу, — сообщил он. — Руками. Просто руками. Она не... она же всегда тянула. Всегда. Я думал, это она меня держит, а это... — он поднял голову, и оба глаза впервые за вечер смотрели ровно, в одну точку, на нас. — Это я её держал?!

— Поздравляю с переводом, — сказал Млякс севшим голосом и отвернулся. И меня не обманул — я успел увидеть, как он провёл лапой по морде. Оба прослезились, просто один — по протоколу скорби о телеге, второй — без протокола вообще.

А потом книга шевельнулась.

Сама. В лапах Зузлика. Переплёт приоткрылся, страницы

пошли — не ветром, не от толчка — они перелистывались с сухим шелестом, одна за другой, все четыреста лет остатков подряд, до чистых листов в конце. И на первом чистом листе, сверху, поверх старой графики, начала проступать строка. Свежая. Жирная. Заголовочная.

— Она пишет, — прошептал Зузлик, не дыша. — Она пишет ПРИХОД. Млякс. Она четыреста лет не открывала раздел прихода. Я думал, он у неё атрофировался...

Мы сгрудились над книгой все, включая Геннадьича с монтировкой. Строка дописалась, высохла и встала — аккуратная, казённая, бесповоротная.

И я прочитал её — переводить не понадобилось, книга уже писала для нового фонда, — и почувствовал, как по хребту, от затылка вниз, проходит тот самый холод, с которым я в этом мире уже почти сроднился — мы ещё не вынесли со склада ни единого брикета, а в графе «приход» стояли три позиции.

«Кладовщик, 1 шт. Конвой, 2 шт.»

— Зузлик, — сказал я очень спокойно. — А почему нас записали в приход раньше, чем капсулы... и кто здесь, в таком случае, кого забирает?

Глава 13

— СТОЯТЬ! — рявкнул Зузлик таким голосом, что мы застыли все трое, с ящиком на весу. — Куда — без описи?!

— Зузлик, — осторожно сказал я. — Мы тебя грабим.

— Вот именно! — Кладовщик взгромоздился на тележку, чтобы быть выше, и распахнул книгу на чистом развороте. — Ограбление — это движение фонда! Движение фонда без описи — это не ограбление, это бардак! Меня грабят первый раз за четыреста лет, и я не позволю, чтобы это было оформлено кое-как!

Так начался самый странный час моей новой жизни: ограбление склада с полной инвентаризацией выносимого. Мы выносили — Зузлик вписывал. Млякс рядом, на перевёрнутом лотке, вёл встречный документ — акт варварского разграбления, — и периодически они сверялись.

— Ящик капсульный, серые, россыпью, сорок единиц, — диктовал сам себе Зузлик, и книга писала под его лапой, с нажимом, с наклоном, красиво. — Состояние фонда: отличное.

— Разграблено варварски, — вторил Млякс, скрипя когтем по своему листу. — С особым цинизмом.

— Ты написал «с особым цинизмом» про серые капсулы?

— Комиссия любит цинизм. Цинизм объясняет, почему сопротивление не помогло.

Серые я нёс первым — открытый лоток, сорок капсул россыпью, и они перекатывались на ходу с костяным шорохом, как галька в приборе. Остановиться и не запустить в них руку было выше моих сил, я и не останавливался — в смысле, запустил не останавливаясь — капсулы были прохладные, гладкие, приятно тяжёлые, и пересыпались между пальцев с тем самым звуком, ради которого люди в моём мире покупали бесполезные железные шарики на подставках. — Хозяин, — сказал Млякс, не оборачиваясь. — Я слышу, как ты в них копаешься.

— Я их несу.

— Несут молча. А ты копаешься со звуком. Положи горсть обратно в лоток и неси, как взрослый.

Я положил. Через десять шагов рука сползла обратно сама — я отловил её уже в лотке и дальше нёс, зацепив лоток обеими руками снизу, как носят арбуз — неудобно, зато честно. Сорок круток. Сорок дёрганий рычага. Статистически — четыре тонны пыли и одно ведро, если систему не переклинит на носках, но дофаминовой системе плевать на статистику, я это знал, преподавал и вёз лоток, улыбаясь, как идиот.

— Хозяин роняет слюну на фонд, — доложил Млякс, не отрываясь от акта.

— Не на фонд, а рядом.

— В описи так и запишем: «слюна — рядом».

Синие лежали иначе — каждая в своём гнезде, шестнадцать штук, как патроны в коробке, и вынимались с тихим

чмоком присоски. Я вынул одну, взвесил. Тяжелее серой, ровнее, шов толще. Синяя — это уже не «носок и ложка», синяя — это уровень «полог» и выше, и шестнадцать таких гнёзд смотрели на меня, как выводок, который я только что усыновил.

— Что из синих падает? — спросил я, укладывая её обратно в гнездо. — По твоему опыту.

— По моему опыту, — Млякс отложил акт, потому что тема была святая, — из синих падает судьба. Серые — это потеря, а синие — это уже характер. Я выдавал синюю одному караульному с южной заставы: выпал горн. Обычный горн, сигнальный. Караульный плевался, менять хотел. Через луну на заставу вышла орда — а у горна, оказалось, свойство: его слышно только своим. Он поднял гарнизон беззвучно. Для орды — беззвучно, понимаешь? Герой, награда, перевод в столицу.

— Хорошая история.

— Погоди, я не досказал. В столице он попал под сокращение штатов. С горном. Теперь играет на площади за подавание — и говорят, лучший беззвучный горнист Предела: никто не слышит, но все подают, потому что мимо такой судьбы стыдно пройти... Или вот, помню, выдал синюю банщику...

— Млякс.

— А?

— Из твоих историй следует, что синяя капсула — это горе.

— Из моих историй следует, — Млякс поднял палец, — что синяя капсула — это СУДЬБА В ТАРЕ. А будет она горем или подарком, зависит от того, кто вскрывает. Поэтому я и нервничаю, хозяин: у тебя их теперь шестнадцать. Шестнадцать судеб в ящике, переложённых крошкой от тоски.

А потом Геннадьич снял с подставки первый фиолетовый футляр, и в отсеке сам собой установился режим тишины.

Футляр был длинный, узкий, тёмного кост-материала, с фиолетовым отливом в шве — и Млякс подошёл к нему так, как в моём институте подходили к жидкому азоту новички — боком, не дыша, с руками за спиной.

— Две, — сказал он благоговейно. — Целых две. Хозяин, ты понимаешь, что такое фиолетовая в капсульном фонде рядового склада? Их сюда положили по ошибке. Или про запас на такой случай, про который даже думать вслух нельзя. Распределитель моего ранга видит фиолетовую два раза в жизни: на присяге и если очень не повезло.

— А мы сейчас — какой из двух случаев?

— Мы третий. Мы — «спереть обе».

Рука к футляру потянулась сама. Я поймал её на полпути — свою собственную руку, правую, с уже растопыренными пальцами — и вернул на место усилием, которое со стороны, надеюсь, выглядело спокойным.

— А если одну — прямо здесь? — услышал я собственный голос. Голос был не мой. — Проверить содержимое. Вдруг там что-то нужное для погрузки. Тележка. Кран.

— Кран, — повторил Млякс.

— Или тачка.

— Хозяин. Посмотри на меня. — Он встал между мной и футляром, что при его росте означало «между моими коленями и футляром», но выглядело всё равно внушительно. — Сейчас ты на складе. Вокруг фонд, который уже твой. Это самое сытое состояние лудомана — и ты всё равно хочешь крутить. Запомни это чувство. Запиши его. Потому что если ты крутишь, когда у тебя всё есть, то что ты будешь делать, когда не будет ничего?

Я посмотрел на него сверху вниз. Маленький серый демон с обломанным рогом стоял между мной и фиолетовым футляром и говорил мне слова, которые я сам, почти этими же формулировками, писал в методичке для консультантов игровой зависимости.

— Ты был хорошим распределителем, — сказал я.

— Я был лучшим, — сказал Млякс. — Поэтому меня и списали. Неси ящик.

Геннадьич уложил футляры в отдельный ящик, переложил брикетной крошкой, как хрусталь соломой, и застыл над ними на лишнюю секунду — я видел, как у него шевелятся губы. Не молился. Считал, во что обошлась бы такая упаковка по прейскуранту его овощебазы.

Пепельную кассу Зузлик выдал сам — торжественно, с передачей из лап в лапы. Костяной ларь, некрупный, с ладонь высотой, был опечатан полоской с оттиском, и Зузлик дер-

жал его так, что становилось понятно — сейчас произойдёт что-то важное.

— Касса объекта, — объявил он. — Наличность на текущие расходы. Не вскрывалась триста девяносто два года — расходов не было. Прошу.

— Почему я?

— Потому что новый фонд — ваш. Вскрытие кассы — прерогатива владельца. Пункт устава.

Я сломал печать. Внутри, на костяном ложе, горкой лежал пепел — не россыпью, а спрессованный в аккуратные тусклые пластинки, как мыло в гостинице, — и система отозвалась мгновенно, со своей всегдашней сухой праздничностью:

[Получено: пепел — 1930.][Баланс: 4448.]

Четыре тысячи. Четыре с половиной, почти. Я стоял с пустым ларём в руках и смотрел на цифру, и цифра смотрела на меня. У меня в жизни не было столько — в этой валюте, в смысле. Долг — две пятьсот, и на секунду я представил, как он снимается, весь, одним движением, и остаётся ещё почти две тысячи, свободные, мои, — а потом воображение, не спросив, поехало дальше. Лаборатория — миллион двести пятьдесят. Если один мёртвый склад даёт две тысячи чистыми, то сколько складов на карте у этой книги? Сколько мёртвых маршрутов? Я стоял посреди ограбленного склада и делил — склады на маршруты, маршруты на циклы, циклы на... У меня, оказывается, шевелились губы — я поймал это по тому, как пересохло во рту.

— Хозяин, у тебя опять лицо, — предупредил Млякс изда-
далека.

— Это моё обычное лицо.

— Вот я и говорю. Обычное. В том-то, хозяин, и беда.

Погрузка встала на конвейер. Геннадьич катал ящики че-
рез грузовой порог — тонна за цикл, и он быстро вычислил
ритм — два ящика, пауза на прокат порога, два ящика. «Тон-
на за цикл, живём», — бормотал он, и в его исполнении это
звучало как гимн. Зузлик семенял рядом со своей книгой на
тележке и вписывал. Я носил. Млякс командовал, что в его
случае означало — сидел на самом высоком ящике и сооб-
щал, что мы всё делаем неправильно.

На брикетах мы поспорили. Я хотел все сорок тонн.

— Зачем тебе сорок тонн корма для гончих, у тебя нет
гончих!

— Пока нет.

— Вот когда будут...

— Млякс. Когда они будут, склада не будет. Это как с по-
судой на свадьбу: берёшь, когда дают, а не когда пригодится.

— У вас так делают?

— У нас так делали всегда. У моей бабки в Вязниках на
антресолях лежало шесть сервизов. Дареных. Нетронутых.
На случаи, которые так и не наступили, — и я тебе клянусь,
она была самым спокойным человеком в области, потому что
у неё было шесть сервизов.

Млякс подумал.

— Бери двадцать тонн, — сказал он. — Остальное не влезет в окно стоянки.

Про окно стоянки я узнал только что — и узнал неприятно. Маршрут кольцевой, стоянка по протоколу, и где-то в недрах Пристанница уже тикал отсчёт, которого я не видел, а Млякс, оказывается, видел с самого начала и «не хотел портить продуктивность». Мы ускорились. И на ускорении, как положено, начались потери.

Ярус не выдержал на третьем часу — тот, с которого Геннадьич снимал крайние брикеты. Что-то хрустнуло вверху, в темноте, куда не доставал фонарь, и штабель повёл плечом — медленно, как всё тяжёлое, с достоинством. Я увидел это боковым зрением — наклон, которого не было секунду назад.

— ГЕННАДЬИЧ!

Тело сработало раньше протокола — я был у штабеля до того, как понял, что бегу, толкнул — не штабель, конечно, куда мне штабель, а Геннадьича, в плечо, со всей дури, — и мы оба покатались по костяному полу в обнимку с его монтировкой, а за спиной ударило. Не грохот — удар, плотный, слитный, семикилограммовые брикеты легли пачкой туда, где только что стояли его ноги, и подняли облако сухой кормовой пыли, от которой мы потом чихали втроём, включая Млякса, который не был рядом, но чихал из солидарности.

— Цел? — Я ощупывал Геннадьичу плечо, ключицу, привычным движением, как на осмотре. Пульс у меня стучал

где-то в ушах и не соби́рался успокаиваться.

— Цел. Плечо только... — Он повёл рукой, поморщился, я тут же полез смотреть. — Да не суетись, ушиб. Ты мне лучше вот что скажи. — Он сел, посмотрел на завал. Помолчал. — Тридцать лет на складах — и завалило меня в первый раз именно тогда, когда я сам грабитель. Есть в этом какая-то... — он поискал слово, — техника безопасности свыше.

— Нарушение схемы складирования! — Зузлик уже был тут, уже писал. — Я подавал докладную о необходимости ревизии креплений! Сто лет назад! Мне ответили...

— «Ожидайте», — хором сказали мы с Геннадьичем и Мляксом.

— ...да, — Зузлик моргнул. — Вы читали мою переписку? Пыль осела, и выяснилось, что завал упростил нам спор о брикетах — те двадцать тонн, что предназначались нам, теперь лежали компактной грудой у самого выхода. Геннадьич оглядел её, крикнул и объявил, что «свыше и логистика», после чего погрузка пошла злее и без лирики. Перевязанные штабеля я распускал [Расщеплением] — касание в узел — и жгут расходился сам, без ножа. Отката по мёртвой верёвке не было вовсе — откат считает не массу, а невежество, а в простом узле мне не в чем было ошибиться. Класс «Создатель существ» явно задумывался не для такелажных работ, но система молчала, а я не спрашивал. Я таскал, пока руки не начали сообщать о себе на каждом подъёме. Спина включилась в дискуссию к концу второго десятка тонн. Молодое

тело — прекрасная вещь, но грузчиком оно до этой ночи не работало — мышцы, которых не касалась ни одна из моих трёх диссертаций, вводились в эксплуатацию прямо сейчас, без обкатки — системные улучшения подняли телу потолок, но техпаспорт именно на это движение никто не выдавал.

— Спину держи, — не оборачиваясь, командовал Геннадьич. — Не гни. Ногами бери.

— Я биолог. Я знаю, как поднимать тяжести.

— Все вы знаете, пока не крикнет. Ногами, говорю. И дыши на подъёме, а не когда упал.

К концу второго десятка тонн я дышал строго по его методичке и признал её превосходство над всей своей биомеханикой — у него за плечами был элеватор, а у биомеханики — только я.

Последним через порог поехал сам Зузлик — на тележке, с книгой на коленях, торжественный, как ветеран на параде. У кромки перехода он вдруг попросил остановить.

Обернулся.

Отсек стоял пустой. Голые стеллажи уходили в темноту, на полу белели прямоугольники — следы ящиков, четыреста лет простоявших на своих местах, — и конторка торчала посреди этого одна, сросшаяся с полом, со своим ящиком, где лежала квитанция «Ожидайте». Зузлик смотрел на всё это долго. Потом сказал — не нам, отсеку:

— Смена окончена.

И мы прошли порог.

Дома нас встретил двор, гирлянда и Вера с Соней на крыльце — не спали, конечно, кто бы спал. Ящики вставляли рядами у избы, Соня носилась между ними, считала вслух и тыкала пальцем — «серых — гора, синих — шестнадцать, а это что за фиолетовое?!», и была отогнана от фиолетового объединённым фронтом из Веры и Млякса.

Зузлик въехал во двор на тележке, огляделся — и его повело. Я видел этот взгляд у коллег, дорвавшихся до нетропутого материала — зрачки навелись на резкость, дыхание установилось рабочее, лапы сами открыли книгу.

— Начнём с периметра, — объявил он дрожащим от счастья голосом. — Изба, одна штука. Состояние: жилое. Печь, одна штука, действующая. Будка... будка чья?

— Моя! — Млякс.

— «Будка служебная, занята». Гирлянда осветительная, дозорная... Колодца нет. Почему нет колодца? В описи поселения обязан быть источник...

— Будет колодец, — пообещал я, вспомнив про фиолетовые. — Не всё сразу.

— Записываю: «источник — в плане». — Он скрипел и скрипел, продвигаясь по двору, и вдруг упёрся в Соню, которая уже минуту стояла перед ним и ждала, когда её заметят.

— А меня? — спросила Соня.

Зузлик посмотрел на неё. На книгу. Снова на неё. В его четырёхсотлетней практике, судя по заминке, живые дети фонду ещё не предъявлялись.

— Жители, — решил он наконец, — четыре единицы...

— Я не единица. Я Соня. И у меня есть Куся, её тоже запиши, она вот. — Кукла была предъявлена. — И ещё запиши, что я умею считать до тысячи и рисую лучше всех.

— Это... не учётные характеристики...

— Запиши, — посоветовала Вера с крыльца, не поворачивая головы. — Она проверит.

И Зузлик — кладовщик закрытого объекта, четыреста лет не допускавший в опись ни одной лишней запятой, — склонился над книгой и старательно вывел то, что ему продиктовали: «Соня. Умеет считать до тысячи. Рисует лучше всех. При ней — Куся». Книга приняла запись без возражений, и я отметил про себя, между делом, не придав значения, — а зря, как выяснится позже. Книге понравилось. Страница под этой строкой потеплела. Пристанище под ногами уже разворачивалось — мягко, по-домашнему, ложась на обратный курс, и я стоял посреди этого разгружаемого счастья и позволил себе ровно одну минуту чистого, без примесей, довольства — у меня было четыре тысячи четыреста сорок восемь пепла, двадцать тонн корма, кладовщик с книгой, и долг, который я теперь мог погасить в любую секунду, не приходя в сознание.

Вера спустилась с крыльца, обошла меня кругом, как принимают технику после ремонта, — сняла с плеча кормовую пыль, посмотрела на ссадину на ладони, но комментировать не стала.

— Все целы?

— Целы. Богаты. И нас стало на одного больше, он с книгой и боится, что ты его не впишешь в довольствие.

— Впишу. — Она глянула на Зузлика, семенившего вдоль ящиков. — Худой какой. Каша на нём сработает или ему что-то специальное?

— Он четыреста лет ел пыль.

— Значит, каша сработает, — заключила Вера с интонацией, от которой у меня в грудной клетке сделалось теплее, чем полагается по погоде. — Как оружие.

Надо было, конечно, помнить, где я нахожусь. В этом мире «могу погасить в любую секунду» — не состояние счёта. Это оферта.

Воздух в центре двора сгустился.

Без вспышки, без грома — просто между мной и крыльцом стало на одно существо больше. Высокое. Серое. Прямое, как шкаф-купе. Плащ глухой, без единой пуговицы, и в руке — вернее, в том, что заменяло руку, — портфель. Обыкновенный портфель. Коричневый. С двумя застёжками. Я в детстве боялся такого у школьного завуча — и, как выясняется, инстинкт с самого начала знал, к чему меня готовит.

Млякс за моей спиной издал звук сдувающегося шарика.

Соня, наоборот, привстала на цыпочки.

А я смотрел на портфель, на застёжки, на серую фигуру, вежливо ожидающую посреди моего двора, и в голове с иде-

альной чёткостью, как заголовок в книге Зузлика, стояло одно: склад появился час назад. Час. О складе никто не знал. Никто не мог знать — и тот, кто всё-таки узнал, пришёл не постучавшись... так с чем он пришёл — за долгом или за складом?

Глава 14

— Хозяин. Не дёргайся. И руку. От дубинки. Убери.

Млякс взлетел мне на плечо одним прыжком, чего не делал с первой ночи, вцепился когтями и шептал в самое ухо — сдувшимся, севшим шёпотом, которого у него не водилось в принципе.

— Это он? За долгом?

— Не знаю.

— Как «не знаю»? Ты демон или где? К вам ко всем хоть раз приходили за долгами.

— Приходили. Но каждый рассказывает разное. Счетовод из нашего Предела клялся, что к нему приходила его покойная бабушка. С квитанцией.

— А на самом деле?

— А никто не проверял. Ты будешь спорить с мёртвой бабушкой, у которой квитанция?

Серая фигура посреди двора всё это слышала — двор маленький, а шёпот у Млякса как у суфлёра в запое — и вежливо ждала, пока мы договорим. От этой вежливости было хуже, чем от любого рыка.

Уведомление про окно самопогашения висело у меня в углу зрения с самого Предела: «сумма набрана, два часа, по истечении прибудет Взыскатель». Эти два часа я потратил не на оплату, а на вывоз из-под Вельфея двадцати тонн корма и

ящика судеб в таре — расчёт был простой, как таблица умножения: деньги от ожидания не протухнут, а склад протухнет вместе с нами, если Вельфей проснётся раньше. Так что визитёра я, строго говоря, заказал сам. Осознанно. Я только не заказывал, чтобы он был таким.

Руку с дубинки я убрал. Медленно. А глаза уже работали — сами, без спроса, как всегда работали на вскрытии, опись за описью.

Лица нет. Не «спрятано под капюшоном», а нет как класса: там, где полагается морда, ровная серая плоскость, и свет гирлянды в ней тонул, как в валенке. Ног нет. То есть плащ до земли, и под ним ничего не переминается, не дышит, не держит равновесие. Живое тело всегда чуть врёт позой — переносит вес, готовится, устаёт. Это стояло, как стоит шкаф. Симметрия — вот что было хуже всего. Идеальная, зеркальная, до тошноты. У любого живого левая половина чуть не как правая, эволюция вообще криворукий подрядчик, она всё сдаёт с перекосом. А тут перекоса не было. Со-сем.

Это не выросло. Это оформили. По ГОСТу.

— Добрый вечер, — сказала оно.

Голос был ровный, средней высоты и без источника — рта-то нет. Я машинально прикинул, чем он может резонировать без ротовой полости, и мысль пришлось придушить, потому что она уже тянулась к слову «вскрытие».

— Добрый, — сказал я. — Вы по объявлению или по мою

душу?

— По вашему счёту. — Портфель качнулся. — Взыскатель. Визит плановый.

«Плановый» прозвучало хуже любой угрозы. Угроза — это личное. А план — это где-то лежит бумага, и в бумаге строка, и в строке я.

Млякс на плече выдохнул — коротко, со стыдным облегчением.

— По счёту, — прошептал он. — По счёту, а не по описи. Хозяин, радуйся. Это по деньгам.

— А бывает не по деньгам?

— Бывает по тому, что ты есть. Вот тогда бабушка с квитанцией — лучший вариант.

Взыскатель поднял портфель и поставил его на воздух. На высоту стола.

И под портфелем оказался стол. Не появился — оказался. Задним числом, будто стоял тут всегда, а я его просто до сих пор не замечал: тёмный, канцелярский, с обтёртой кромкой и круглым следом от чашки, которую с него пили лет двести. Я такие столы знал лично. За такими сидят женщины, от которых зависит твоя жизнь, — в деканате, в собесе, в паспортном. За таким столом тебе не сделают ничего плохого. Тебе просто не сделают ничего. Пока не принесёшь справку, которой не существует.

Он сел. Стул успел подставиться.

— Заём «Первый шаг», — сказал Взыскатель. Лист лёг на

стол сам и сам разгладился. — Основной долг две тысячи пятьсот. Начислений нет. Вы в графике. Окно самопогашения истекло. Погашаете?

— Погашаю. Только уточню — а если бы я в окно успел, вы бы не пришли?

— Нет.

— И я бы вас не увидел.

— Нет.

— Жалко, — искренне сказал я. — Вы с точки зрения морфологии — событие года.

Взыскатель помолчал ровно один вдох. Вдохи у него были пустые, для проформы — воздух в них не участвовал. Я считал их машинально, как пульс на осмотре.

— Не понимаю, — сказал он наконец и, кажется, впервые не по регламенту.

— СТОП!

Зузлик. Я про него забыл — а он, оказывается, всё это время стоял у тележки с раскрытой книгой и не цепенел от страха, как я грешным делом решил. Он цепенел от возмущения. И к этой секунде возмущение наконец дозрело до формулировки.

— Движение по счёту объекта без внесения в книгу объекта — это не движение! — Он засеменил к столу, размахивая книгой, как хоругвью. — Это самовольство! Кто вы такой, чтобы проводить списание на моём фонде, не предъявив полномочие держателю учёта?!

Двор замер по-второму разу. Первый раз он замирал от ужаса. Теперь — от зрелища: наш завхоз шёл бодаться с налоговой инспекцией мироздания.

Взыскатель повернул голову. Медленно, как поворачивается башня.

— Держатель учёта объекта. Вы?

— Я! Четыреста лет непрерывного стажа! Объект принят, инвентаризирован, ведётся! Всякое движение фонда — через опись! Основание, номер поручения, форма допуска — или списание ничтожно!

— Ничтожно, — повторил Взыскатель. В ровном голосе что-то шевельнулось. Если бы я не знал, что передо мной функция, я бы сказал — интерес.

— Ничтожно! — с наслаждением подтвердил Зузлик.

— Млякс, — сказал я одними губами. — Что происходит?

— Происходит лучшее, что ты увидишь в жизни, — прошептал Млякс. — Формалист попёр на формалиста. Молчи и смотри. В этой драке выживают только зрители.

Взыскатель открыл портфель — обе застёжки щёлкнули тем самым звуком, от которого в детстве холодело перед родительским собранием, — и выложил лист. Развернул к Зузлику. Подвинул. Тем жестом, каким в окошке разворачивают квитанцию: распишитесь, где галочка.

— Поручение. Номер. Форма допуска. Оттиск. Заверяйте.

Зузлик навис над листом с лицом таможенника, у которого сегодня план по контрабанде. Он читал долго. Он водил

когтем. Он поднимал коготь, набирал воздух для торжествующего «ага!» — и опускал коготь, не найдя, за что зацепить своё «ага». С каждой строчкой уши его расправлялись всё безнадежнее.

— Оформлено... — он выдавливал это из себя, как последнюю пасту из тюбика, — безупречно. — Он выпрямился, потрясённый до основания. — Четыреста лет. Четыреста лет я мечтал найти в документе уполномоченного лица ошибку. Вы... вы специально?

— Я всегда так.

— Это бесчеловечно, — с уважением сказал Зузлик и полез за чернилами.

Пока он заверял, бормоча номера с нежностью, с какой другие читают стихи, снизу, от кромки стола, раздалось:

— А меня ты нарисуешь?

Соня. Разумеется, Соня. Пока взрослые сходили с ума повзрослому, она подобралась к столу сбоку и теперь разглядывала Взыскателя снизу вверх — тем же деловым взглядом, каким утром оценивала фиолетовый футляр. Ей не было страшно. Ей было по работе.

— Соня, — сказала Вера с крыльца. Одно слово, а внутри целый пакет: и «отойди», и «я рядом», и «топорик со мной».

— Я тихонько, Вер. — Соня даже не обернулась. — Ты какой-то весь одинаковый. У тебя лица нет. Как я тебя рисовать буду, если лица нет?

— У меня есть функция, — сказал Взыскатель.

— А как она выглядит?

Пауза. Настоящая. Не приём из арсенала окошка — растерянность машины, которой за всю службу задавали вопросы только про сроки и проценты.

— Никто не спрашивал, — сказал Взыскатель.

— Ну и ладно. Нарисуйся у меня в голове, а я перерисую. — Соня уселась прямо на утопанную землю и достала из кармана огрызок серого мелка. — Хорошие мелки я на Кусю извела, так что будешь серым. — Она смерила его взглядом. — Тебе пойдёт. Ты и так серый.

И начала рисовать.

— Кстати, — сказал я Взыскателю, поскольку пауза висела, а молча смотреть, как шестилетка дожимает представителя мироздания по прайсу, у меня не хватало никакого педагогического образования. — Раз у нас вечер выдачи. За мной, кроме долга, ничего не числится? А то я в вашей бухгалтерии человек новый, порядков не знаю.

— Числится. — Оконечность нырнула в портфель. — Незакрытое имущество в мире исхода. Живое. Одна единица. Возвращается при окончательном расчёте.

— Живое? У меня в той жизни из имущества были микроскоп в рассрочку и три диссертации. Из них живой была максимум одна, и то спорно.

Взыскатель достал из портфеля банку.

Литровую. Стекланную. С продавленной жестяной крышкой в дырочках. Я узнал её раньше, чем разглядел содержи-

мое, потому что дырочки в этой крышке я протыкал сам. Гвоздём. В позапрошлом году, когда образец Ж-22 приехал ко мне с полевой станции именно в этой таре, и до вивария его нужно было в чём-то донести живым. А на боку банки, поверх старого инвентарного номера, была аккуратно приклеена бумажная наклейка «Федя» — та самая, со стенки его клетки. Кто-то там, в разрушенной лаборатории, отклеил бирку и переклеил на тару. Имущество должно ехать с биркой. Опись есть опись.

В банке сидел Федя.

Сонорская жаба, образец Ж-22. Бурый, мокрый, недовольный переездом. Он сидел в банке, полной чужого межмирового воздуха, и смотрел на меня сквозь стекло тем самым взглядом — взглядом существа, которое давно разочаровалось в человечестве, но во мне разочаровалось особенно и лично.

— Федя, — сказал я.

Федя моргнул с видом «а кто же ещё, скотина».

— Единица привязана к вам служебной пометкой, — сказал Взыскатель. — Мир не любит незакрытых обязательств. Он их доносит до места. Распишитесь в получении.

— Я обещал его вскрыть, — честно сказал я, принимая банку. — Последнее, что он от меня слышал: «ты следующий».

— Значит, обязательство не закрыто. Тем более возвращается.

Стекло было тёплым — не Федя тёплый, стекло, нагретое переходом. Федя завозился и квакнул. И вот тут я чуть не выронил банку — не от неожиданности, от восторга. Квак вышел ниже положенного сонорской жабе на добрую октаву, с раздвоенным призвуком, будто в горле у Феди завёлся второй, маленький и глубоко обиженный Федя. Час в межмировом воздухе. Час в среде, для которой земная биохимия — вольная интерпретация. Что у него теперь в кожных железах, я не знал, и от этого незнания у меня зудели руки.

— Хозяин смотрит на жабу тем лицом, — доложил Млякс с плеча.

— Каким?

— С которого всё начинается.

— Я просто наблюдаю.

— Ты голубя тоже «просто наблюдал». Где теперь голубь?

— Голубь жив. Меня всосало раньше. Это, к твоему сведению, единственное вскрытие в моей карьере, которое сорвал лично бог, — и я до сих пор не решил, засчитывать его как неудачу или как рецензию.

— В опись внесу «намерение сохранено», — отозвался Зузлик, не поднимая головы от книги.

— Жаба некрасивая, — сообщила Соня снизу, не отрываясь от рисунка. — Но пусть живёт. Куся тоже некрасивая, а живёт.

Взыскатель развернул ко мне лист с долгом и подвинул. Рядом сама собой возникла ложечка с чернилами.

— Погашаете?

Две тысячи пятьсот. Чёрным по серому. У меня на балансе — четыре четыреста сорок восемь, заработанные за одну ночь погрузочно-разгрузочного грабежа. Одно касание — и чисто.

Рука пошла к листу и на полпути притормозила. Потому что внутри проснулись двое.

Первым завозился хомяк — мелкий, хозяйственный: «две пятьсот — это полсклада. Это реактивы. Это инкубатор. Это лаборатория на три месяца раньше. Собери. Отложи. Пригодится». Следом подняла голову жаба — та, что не хомяк, та вообще ничего не предлагает, она просто садится на каску всем своим холодным весом и не даёт расстаться. Я стоял с живой жабой в левой руке и с внутренней на балансе, и внутренняя была тяжелее.

Голоса у обоих были мои собственные, лекторские, и логика безупречная, как поручение в портфеле. Только я эту логику знал в лицо — ею у нас на кафедре обосновывали всё, от невозвращённого спирта до чужих грантов.

— Подвиньтесь, — сказал я обоим и вдавил оттиск.

[Списано: пепел — 2500.][Заём «Первый шаг» погашен. Обязательство закрыто.][Баланс: 1948.]

Жаба внутри разочарованно ушла на дно, хомяк засопел в спячку до следующей кассы. А в груди стало легче, чем было с полной кассой, — и вот это, между прочим, с точки зрения биохимии полная ерунда. Значит, работало что-то не

из биохимии.

Взыскатель смотрел на списание. Потом на меня. Потом занёс в свой лист три коротких слова — я не читал его букв, но ритм видел: слово. Слово. Слово.

— «Платит», — прочитал он вслух, ровно. — «Быстро». «Странно».

— Это теперь моя характеристика?

— Это примета. Набравшие сумму тянут. Торгуются. Прячутся. Платят частями. Вы заплатили сразу и целиком. Вы отличимы.

— Отличим от кого?

— От всех.

— Слушайте, — сказал я, — у меня научная просьба. Можно я вас потрогаю? Один палец, тыльной стороной, чисто термометрия. Мне для картины мира надо знать, какая у бюрократии температура.

— Нет, — сказал Взыскатель и достал последний лист. — Расписка о закрытии. Два экземпляра. Подпишите оба.

Я взял ложечку и стал читать. Читал я внимательно — то самое внимание, которое у меня включается на реактивах с черепом на этикетке, — и на середине зацепился. Внизу, шрифтом того сорта, каким печатают состав на колбасе, чтобы никто никогда:

«Сведения о закрытии обязательства и об исполнителе предоставляются заинтересованным лицам по регламенту.»

— Заинтересованным лицам, — сказал я. — Это кому?

— Заинтересованным.

— А поимённо?

— По регламенту.

Я посмотрел на плоскость, где полагалось быть лицу. Плоскость не выражала ничего с большим профессионализмом.

— То есть где-то есть лица. Им интересен я. И эта строчка не спрашивает моего согласия — она меня уведомляет.

— Она стандартная. Её никто не читает.

— А я прочёл.

— Да, — сказал Взыскатель. — Это тоже занесено.

Я подписал. Оба экземпляра. Не потому что понравилось — потому что альтернатива называлась «висящий долг», а с висящим долгом ко мне ходили бы и дальше, и не факт, что следующий гость приходил бы с портфелем и мебелью. Взыскатель забрал свой экземпляр, и в ту секунду, пока крышка портфеля стояла открытой, я увидел внутрь.

Дна не было. Листы уходили вниз, в темноту, слоями — чужие расписки, чужие имена, обязательства целого мира в одном коричневом портфеле. Моя легла сверху. Ещё тёплая.

Он встал. Стул исчез, не прощаясь. Стол задержался на полсекунды — и растворился, оставив от себя только память о круглом следе от чашки.

— Долг закрыт. До следующего счёта.

— Следующего не будет.

— Он всегда есть, — сказал Взыскатель ровно, как гово-

рят «после зимы весна», и воздух вокруг него начал редеть.

Он не уходил — он убывал. Как лужа на солнце, с краёв к середине. И когда от него осталась одна полупрозрачная вертикаль, Соня вскочила с земли и развернула к нему листок.

— Смотри! Похоже?

На листке серым мелком было выведено прямое пятно без лица. С портфелем. А от пятна во все стороны разбежались тонкие линии — к домику, к столбикам цифр, к маленькой фигурке в халате, ко всему двору разом. Паутина. В центре паутины сидело то, у чего нет лица, но есть функция. Она не существо нарисовала. Она нарисовала, как оно устроено.

Вертикаль задержалась на рисунке. На долю секунды дольше, чем задержалась бы машина.

— Похоже, — сказал Взыскатель почти без голоса. — Сохраните.

И его не стало.

Двор выдохнул хором. Гирлянда качнулась от сквозняка, которого не было. Из кузова у ворот высунулась заспанная голова Геннадьича, оглядела двор, стол не обнаружила и исчезла обратно со словами «опять без меня всё интересное». Человек проспал единственное существо во вселенной, которое смогло бы восстановить ему трудовую книжку.

Я стоял с банкой в руках. Левая ладонь дрожала — мелко, ровно, три-четыре герца. Надпочечники отработали в долг и теперь выставляли счёт, всё как у людей. Пока я держал лицо и читал мелкий шрифт, туловище честно тряслось. Со-

рок пять лет разума, три диплома — а самый умный орган во мне по-прежнему тот, который трясётся.

— Млякс. По шкале от «носок» до «армия демонов» — что это сейчас было?

Млякс подумал. Уже нехорошо: обычно он не думает, обычно он сразу орёт.

— «Вежливо», — сказал он. — Это выше армии. Армию хотя бы видно, когда она идёт.

— Вписываю, — объявил Зузлик, склонившись над книгой. — «Визит должностного лица. Списание две тысячи пятьсот. Заверено». — Коготь завис. — В графу «посетитель» кого писать? Имя не назвал.

— Пиши «предъявитель безупречного поручения».

— Так и запишу, — сказал Зузлик с чувством. — Пусть завидуют.

Он вывел строку, поставил точку, отнял коготь.

И книга дописала сама.

Ниже его записи, тем же почерком, с тем же нажимом, поехали буквы — аккуратные, канцелярские, без пера и без руки:

«Строка закрыта. Строк открыто: замечено.»

Зузлик отдёрнул лапу, как от плиты. Потрогал страницу когтем — и отдёрнул снова: страница была тёплой. Четыреста лет человек — ну, кладовщик — вёл эту книгу, и книга впервые ответила.

— Хозяин, — тихо сказал Млякс. Он сидел у меня на пле-

че и смотрел на банку, на рисунок, на самопишущую строку — по очереди, как считают дыры в лодке. — Знаешь, что он унёс?

— Две пятьсот.

— Две пятьсот он забрал. А унёс — тебя. Тёплой строчкой в портфель без дна. Ты теперь лежишь там, среди чужих имён, и тебя читают лица. Заинтересованные.

— То есть я теперь у кого-то в описи. Как ложка.

— Как ложка, — согласился Млякс. — Только ложку хоть понятно, зачем берут.

Я обвёл взглядом двор. Ящики рядами. Двадцать тонн корма. Два фиолетовых футляра. Касса склада, вскрытая мной этой же ночью. Всё ворованное, всё в открытую, под гирляндой — руку протяни. Взыскатель прошёл мимо этого в двух шагах. Дважды. И не спросил ни-че-го. Ни про капсулы. Ни про футляры. Ни откуда у должника с займом «Первый шаг» за одну ночь вырос во дворе чужой фонд.

Он пришёл за своей строкой. Склад в его строку не входил.

Значит, у склада — своя строка. В другом портфеле. У кого-то, кто пока молчал.

Терминал мигнул:

[Стоянка: точка приписки.]

Дом дошёл до своей координаты и встал — дверь снова смотрела в гаражную стену, в мой вымерший Подольск, где за все эти дни никто ни разу не подошёл к ней с той стороны.

Некому там подходить. Мы это проверяли.

И в дверь постучали.

Три раза. Ровно. Костяшкой. Без спешки — так стучат не «пустите», так стучат «открывайте, я знаю, что вы дома».

Федя заткнулся на полукваке. Зузлик медленно поднял голову от книги. А терминал, выждав секунду, будто сам себе не поверил, вывел одну строку:

[Гость. Приглашения нет.]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.